
**European
Journal**

**of Philosophical
Research**

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7286
2018. 5(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Granin Yuri – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia (Deputy Editor-in-Chief)

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Lebid Andriy – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Lyausheva Svetlana – Adyghe State University, Maikop, Russian Federation

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Saulius Tomas – Lietuvos sporto universitetas, Lithuania

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04

Release date 20.06.2018.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal17.com/>
E-mail: aphr2010@mail.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 308.

© European Journal of Philosophical Research, 2018

European Journal of Philosophical Research

2018

Is.

1

CONTENTS

Articles and Statements

Methodology of Media Research in the “Era of Digital Civilization” E.Y. Dugin	3
Evolution of the Concept "Nation" and its Modern Interpretation Y.D. Granin	19
The Problem of Anthropodization in Modern Times. The System of Mass Communications and Media Culture of the Individual A.A. Kalmykov	31
Analysis of Methodological Consciousness F.V. Lazarev	47
Scientific Truth: Social Issue and Consensual Character S. Lebedev	58
Long Rout of Self-Knowledge (to the Issue of the Movement of Thought in History) A.E. Razumov	68
«Processual» Look at the World of the Human: from Nonclassical to Postnonclassical Anthropology Y.M. Reznik	77

Reviews

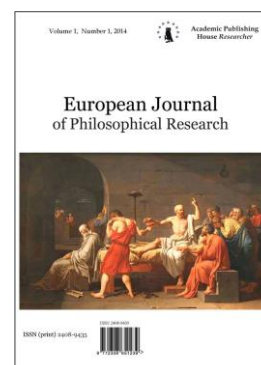
System-Pluralistic Concept of the Scientific Method Y.D. Granin, N.N. Gubanov, N.I Gubanov	86
---	----

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 3-18

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.3
www.ejournal17.com

Articles and Statements

Methodology of Media Research in the “Era of Digital Civilization”

Eugeny Y. Dugin ^{a,*}

^aAcademy of media industry, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problem of methodology of media communication research in the context of digitalization of economic and social development of the state and society. According to the author' opinion, the cultural component in the sphere of communications allows us to talk about the change of the methodological paradigm of media as a special theory of the formation of meanings in network-based types of communication.

Keywords: methodology, theory, communication of media, era of digital civilization.

1. Введение

Цифровая революция предоставляет богатые возможности для создания базы больших данных (big data) о миллиардах людей. Благодаря компьютерным технологиям государственные структуры власти, управления и бизнеса могут не только накапливать колоссальное число сведений о ежедневном поведении огромных масс населения, но и обрабатывать этот огромный массив мегаинформации, подвергать тщательному анализу личные данные всех и каждого. Поначалу прагматичная задача изучения потребительского спроса покупателей с целью монетизировать их поведение, благодаря цифровой обработке данных, в современных условиях превращается в способ моделирования поведения людей и управления гражданами в политических целях.

Цифровизация так глубоко проникла в повседневность и стремительно совершенствует свой инструментарий с помощью компьютерных технологий и искусственного интеллекта, что уже сегодня можно говорить о возникновении *эры цифровой цивилизации*, основанной на базе больших данных о поведении людей и способной решать не только задачи контроля общества, но даже, благодаря успехам биохимии и генетики, определять будущие формы жизни, которые в перспективе могут населять планету. В цифровой цивилизации немаловажное место отводится медиа, информационно-коммуникативным процессам, представляющим собой, образно говоря, нервную систему общественного и государственного устройства. И в этом смысле изучение закономерностей медиапроцессов актуализируется в условиях бурного развития сетевого общества как основы цифровой цивилизации.

* Corresponding author
E-mail addresses: e.dugin@yandex.ru (E.Y. Dugin)

Методология исследования медиа в классическом понимании основывается на принципах *монизма*, на признании «единственно верной» теории в рамках моделей: «СМИ – аудитория»; «власть – СМИ – аудитория». При этом приоритет отдается поиску и установлению причинно-следственных связей. Последующие трансформации жестких структур государственного и социального устройства, становление и развитие сетевых способов коммуникации, а также признание принципа *номинализма*, допускающего разнообразие, множественность различных теорий оформилось в виде модели *неклассической методологии* научного познания. При этом исследовательская призма фокусировалась на поиск коммуникативных связей, на установление логики событий, выявление, реконструкцию смысла жизнедеятельности людей (Гранин, 2014; Дугин, 2005; Дугин, 2015b).

В журналистике, киноискусстве, на телевидении, в медиа традиционно предпринимаются попытки проникновения в жизненный мир индивидуальности с последующим его воспроизведением и трансляцией в знаковой системе, языке и культурных кодах общества. Нечто подобное происходит в неклассической методологии постижения и сознания смысла социальных действий и процессов. Отмеченное сходство в предмете и субъектно-объектных связях актуализирует проблему обоснования методологии исследования медиа в условиях развития глобальных сетей коммуникации. Как известно, сетевое общество строится на цифровой основе, на использовании дигитализированных площадок коммуникации, что, в конечном счете, создает условия для формирования цифровой цивилизации.

В настоящей статье предпринимается попытка показать, что проблема методологии исследований медиакоммуникаций в «эпоху цифровой цивилизации» требует принципиально новых подходов, методологических конструктов, основанных на системном единстве проектной, организационной и прогностической функций. Под методологическим конструктом научного исследования принято понимать такую когнитивную модель рационально-проектного содержания, которая предопределяет «предметное поле научного исследования, его стратегию, способы и методы решения научно – исследовательских задач» (Ментальные программы, 2016: 16–17).

В этой связи мною будут рассмотрены основные элементы когнитивной модели медиа в условиях цифровизации коммуникативных сетей.

2. Основное содержание

Фундаментальные положения методологии и теории экранного искусства складывались из наблюдений киноведов, кинокритиков и суждений авторитетных художников кино, в которых анализ, научно обоснованные выводы и теоретические положения заменялись, как правило, впечатлениями и субъективными мнениями об увиденном на экране. В начале 60-х годов западногерманские киноведы В. Бергхаан и Э. Паталас предложили проект *социологически ориентированной кинокритики*, в котором традиционную, «старую» кинокритику упрекали в том, что она рассматривает фильм в отрыве от социальной реальности, как «автономное художественное произведение», а не «как выражение тенденций социального времени»; авторы манифеста выдвигали требование не «критиковать только фильм», но и «общество, в котором фильм возник». Примечательно, что манифест появился в процессе рефлексии на колоссальную социально-психологическую травму немецкого общества (Жабский, 2015: 343-353).

Между прочим, события постсоветского времени, которые известный социолог П. Штомпка трактовал как *посттравматическое время*, не вызвали к жизни заметных перемен в методологии осмысления процессов, происходящих в отечественной медиаиндустрии.

Существенным методологическим прорывом в выявлении взаимовлияния кино, телевидения, средств массовых коммуникаций были исследования семиотического направления, развернувшиеся в нашей стране в 70-х годах прошлого столетия (Лотман, 1973; Материалы научного семинара, 1973; Предмет семиотики, 1975). Результатом семиотических исследований научному сообществу явилось понимание того, что видео – изобразительные искусства, равно как фото, кино и телевизионное изображения представляют собой знаковые, коммуникативные системы. Именно данное

методологическое положение позволило теоретически обосновать, что знаковые системы экранного искусства необходимо рассматривать как особый язык, как средство коммуникации со зрителем.

Благодаря семиотическим исследованиям, ученые пришли к выводам *о различных кодах*, которые служат своеобразными посредниками между всеми элементами коммуникативной модели: создатель произведения, текст, реципиент (коммуникативное сообщество), каналы коммуникации. Например, аудиовизуальные каналы обладают возможностями многомерного кодирования: «жанр; работа камеры (размер съемочного кадра, движение объектива, движение камеры, угол съемки, выбор объектива, композиция); монтаж (вырезка, переход одного изображения в другое, микширование, ритм); манипулирование со временем (сжатие, "обратный кадр", ретроспекция, кадр в будущее, замедленное движение, освещение, цвет, звук (звуковая дорожка, музыка); графика и стиль повествования» (Назаров, Папантиму, 2016: 54).

В свою очередь, коды содержат в себе ценностные ориентации, установки, смыслы. Так, событие, которое предстоит показать по телевидению, уже закодировано социальными кодами нескольких уровней: **реальность** (внешность, одежда, речь, жесты, модель поведения и т.п.), которая кодируется электронным способом при помощи технологических кодов; **представление** (камера, освещение, музыкальное и графическое оформление и др. – задача которых транслировать эти коды и *формировать представления* в виде диалога, столкновения характеров, конфликта, определенного драматургического действия); **идеология**, благодаря которой представления организуются в связанное действие за счет идеологических кодов (материализм, индивидуализм, класс, раса и т.п.) (Назаров, Папантиму, 2016: 55; Fiske, 1987: 4-12). Методология семиотического анализа визуальных образов представляет собой один из способов изучения и качественной интерпретации телекинопроизведения, учитывающий позицию аудитории, ее эмоциональное состояние, культурную активность и ценностные ориентации. Социологическая ориентированность, безусловно, представляет сильную сторону исследования и интерпретации коммуникативной модели.

Однако, имеющийся разрыв между тем, *что и как говорят* и действиями (практика) создает барьеры на пути понимания визуального образа телекинопроизведения. Для преодоления данного противоречия применяют методы дискурс-анализа, которые рассматривают *речь как социальное действие* в контексте всеобъемлющей коммуникативной модели. В дискурсивном анализе приоритетным становится выявление причин высказывания в виде знаково-символической структуры текста в конкретных социально-исторических условиях. Логика анализа содержания визуальных образов продвигается по пути включенности его в социальный контекст, в сочетании с междисциплинарными методами и подходами, сложившимися в науках гуманитарного, социального направления.

Отсюда берет начало другое направление в теории, а именно необходимость *системного подхода к исследованиям экранных искусств и медиа*, при помощи которого появляется возможность интегрировать всю совокупность знаний и практик, накопленных аудиовизуальными способами отображения реальности. Нелишне заметить, что междисциплинарные исследования как основа системного подхода к изучению экранного искусства появились еще в 20-е годы прошлого века. Пик бурного расцвета системных, комплексных, междисциплинарных исследований в отечественной коммуникативистике и киноведении пришелся на 80-годы прошлого века. Отмечая существенные достижения в осмыслении функционирования кино, телевидения и других массовых коммуникаций в обществе, следует признать, что цельного, универсального похода к действительности, равно как и в постижении системы коммуникаций, иными словами, единой теории экранных искусств, теории информационно-коммуникативной системы выработать пока не удалось.

Тем не менее, было бы странным не заметить тот немалый вклад в развитие концептуальной теории экранных искусств, которое внесло социологическое направление исследований взаимоотношения экрана и его аудитории. Прежде всего, отметим многолетние усилия социологов НИИ киноискусства (с 2012 г. – структурное подразделение Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова), которым удалось выявить коммуникативные механизмы между зрителем и кинематографом

в период массового распространения телевидения, в перестроечные годы, в контексте глобализации, в условиях рынка и продюсерского кино. Исследуя коммуникативно-смысловую потенциал современного экранного искусства, социологи пытались найти пути выхода отечественного кино из затяжного кризиса и обосновать информационно-социологическое обеспечение творческих и управленческих решений в этой сфере культуры, которое под влиянием процессов глобализации все в большей мере тяготеет к курсу на *постнациональное* развитие (Жабский, 2015; Кинематограф – зеркало или молот?; Экранная культура..., 2012).

Из работ социологического направления исследования экранных искусств следует также выделить коллективную монографию, подготовленную сотрудниками НИИ киноискусства и имеющую симптоматичный подзаголовок «кинокоммуникация как социокультурная практика» (Кинематограф – зеркало или молот?). В частности, в монографии содержится указание на то, что коммуникативная составляющая фильма «особенно усиливается, когда авторы сосредоточены не на живописании новых граней моральной деградации, человеческой низости и гнусности, а заняты поисками смысла бытия, вопросами духовной жизни, что всегда вызывает пристальное внимание массовой аудитории» (Кинематограф – зеркало или молот?: 186). К слову сказать, подобная причина лежит в усилении коммуникативной составляющей телевизионных передач. Что же касается ослабления коммуникативных связей с публикой, то исследования обращают внимание на экранные образы неадекватных, убогих и ущербных персонажей, которые появляются в каждой пятой отечественной киноленте. Подобным приемом авторы фильмов пытаются привлечь внимание зрителей. Однако, этот эффект не удается сохранить на продолжительное время. Согласно результатам социологического опроса, примерно треть продюсеров затруднились назвать главные, кульминационные эпизоды или сцены своих фильмов (Кинематограф – зеркало или молот?: 199-200). Вместе с тем, замечено, что самое мощное коммуникативное воздействие на публику производят именно «ключевые» эпизоды и сцены экранного произведения.

Теория экранного искусство кино – предтеча теоретического осмысления телевидения. И даже в коммуникативном аспекте, где, казалось бы, телевидение должно было бы первым откликаться на эксперименты взаимодействия со зрителем, кино продолжает занимать лидирующие позиции. Так, например, недавний эксперимент применения «обратной связи», когда зрителям была предоставлена возможность самим выбрать сценарий дальнейшего развития событий драматургического произведения был осуществлен в кино. На телевидении, с его небывалыми возможностями контакта с аудиторией, «обратная связь» осуществляется примитивно. Как правило, зрители безучастно, как статисты сидят в студии, или задают вопросы по телефону, но лишены возможности самостоятельно продолжить развитие экранного действия, влиять на драматургический ход произведения. Хотя именно в активном влиянии зрителей на ход экранных событий и проявляется сущность «обратной связи».

Рассмотренные здесь направления научного и экспериментального поиска как исследовательские проекты все еще далеко не исчерпали своего эвристического, гносеологического потенциала. Интеграции социологии кино и телевидения как методологической предпосылки реализации функционального потенциала кинематографа посвящена целая глава фундаментального исследования социодинамики кинематографической жизни российского общества (Жабский, 2015). В частности, в одном из важных выводов этой содержательной работы отстаивается методологический тезис о том, что «искусствоведческие и социологические парадигмы должны не сталкиваться в претензии на окончательную истинность своего видения кинореальности, а напротив, совмещаться таким образом, чтобы реализовать заключенный в них потенциал взаимодополняемости» (Жабский, 2015: 325).

В качестве одной из магистральных тем для совместного изучения могли бы стать различные аспекты изучения изобразительно-выразительных средств в кинематографе и на телевидении, привнесении отточенных временем и осененных великими авторитетами теоретических положений теории экранного искусства, исследования киноязыка, образной структуры экранных произведений. Согласитесь, что создавать контент, который способен вызвать ответные чувства, глубоко затрагивающие личностные переживания, стимулировать

воображение, вряд ли возможно без использования широкой палитры изобразительно-выразительных средств экранного искусства. Привнесение в журналистскую практику художественных критериев оценки экранных произведений заставляет «подтягивать» уровень мастерства, повышает ответственность корреспондента телевидения перед зрителем, заставляет задуматься о коммуникативной составляющей своей деятельности.

Как известно, в знаковом производстве смыслов ключевую роль играют визуальные образы, а шире, – изобразительно-выразительные ресурсы экранного искусства. Ключевым ядром этих ресурсов выступает аудиовизуальный язык, который выполняет коммуникативные функции между зрителем и экраном, т.к. в основе экранного искусства лежат механизмы коммуникации. Это теоретическое положение позволяет исследователям информационно-коммуникативных медиасистем и журналистики фокусироваться на анализе текста, что, разумеется, не вызывает сомнений, но в то же время существенно огрубляет поиск тончайших механизмов коммуникативного взаимодействия со зрительской аудиторией. Ведь воздействует не только и не столько письменный текст или слово, сказанное голосом ведущего, корреспондента, а совокупность всех изобразительно-выразительных средств экрана, его образная структура, на профессиональном сленге – «картинка». Исследования показывают, что на зрителя в значительной, если не сказать в большей степени влияет экранное изображение, нежели текст телепроизведения. Вызывает сожаление, что огромный пласт теоретических и методологических положений, наработанных более чем за сто лет киноискусством – предтечей телевидения – все еще недостаточно используются в исследованиях медиакоммуникаций и журналистики. Вместо богатейшего арсенала изобразительно-выразительных средств на телеэкране приходится наблюдать не дающие ни уму, ни сердцу примитивные приемы, к тому же заимствованные из заморских квизов и реалити-шоу.

По мере становления и развития медиасистемы нашей страны, и благодаря цифровизации, обретения качеств мультимедийности, отмеченная потребность существенно возрастает благодаря соединению возможностей экрана, печатного текста и звуковых характеристик экранного произведения. Объединяющим звеном всей совокупности идей, смыслов, экранных образов служит *медиакоммуникация*. Именно поэтому, на наш взгляд, всесторонний, комплексный, системный анализ природы, функций и структурных элементов медиакоммуникаций может оказать решающее влияние на *методологический поворот* как в теории экранного искусства, так и в теории журналистики, информационно-коммуникативной медиасистемы страны.

Если попытаться определить магистральное направление исследований гуманитарной направленности, то в самом общем виде можно заметить, что как отдельные дисциплины, так и комплексные проекты занимаются изучением изменений человека под влиянием социально-культурных обстоятельств, условий и факторов, а также воздействия экранного искусства на его ценностные ориентации, поиск смыслов. Трансформации человеческой личности не находятся в прямой зависимости от воздействующих на него факторов. Наивно было бы полагать, что просмотр произведения экранного искусства, даже самого выдающегося, может изменить человека, так сказать «перепахать» его. Экранное произведение, в лучшем случае, может показать зрителю уровень его нравственного возвышения или падения в связи с отображаемыми событиями, героями, обстоятельствами и т.п. Но от того, насколько выразительным, ярким, запоминающимся будет образный язык телекинопроизведений, зависит *коммуникативная составляющая экранного произведения*, его близость вкусам, запросам, ценностным и культурным ориентациям зрительской аудитории.

Как известно, сторонники постмодернистской вседозволенности, отрицающие теоретическое знание и необходимость методологии, отдают предпочтение нарративу и неструктурированным методам исследования. Вместе с тем, все более ощутимые реалии информационного общества, в основе которого лежит производство, потребление и распространение информации, выдвигают в качестве центральной проблемы научное познание социальных информационно-коммуникативных процессов.

Выступая в качестве объекта научных рефлексий, журналистика и СМИ (средства массовой информации, информационно-коммуникативные системы)*, как часть системы социальных коммуникаций, претерпели множество различных подходов и теоретико-методологических концепций. В научном познании они рассматривались как разновидность творческой деятельности, социальный институт формирования и распространения общественного мнения, средство массовой информации и пропаганды, транслятор культурных ценностей, развлечений, рекламы и т.п.

Особенно активными и плодотворными исследованиями в сфере журналистики и массовой информации можно назвать семидесятые и начало восьмидесятых годов прошлого столетия. Не имея собственного развитого научного аппарата, аналитики вынуждены были заимствовать методы и подходы из дисциплин гуманитарного цикла. Это естественно для начального периода становления науки. Надо признать, эти заимствования способствовали существенному обогащению представлений об информационных процессах, происходящих в обществе на различных этапах его развития. К началу 90-х годов можно было говорить о более или менее сложившихся научных направлениях анализа функционирования средств массовой информации и журналистской деятельности: историческое, филологическое, семиотическое, социологическое, искусствоведческое, информатиологическое и др.

Вместе с тем, следует признать, что за последние десятилетия научного анализа функционирования СМИ пока не удалось выработать общепризнанную теорию информационно-коммуникативных систем и процессов. Тому немало причин и обстоятельств: смена общественного строя, трансформация функций СМИ, типов изданий и телерадиопрограмм, смена форм собственности и т.п.

Существенным барьером на пути теоретического осмысления сложных, полных противоречия процессов, происходящих за последние десятилетия в российской журналистике, следует признать не только эпистемологический кризис, которой испытали все дисциплины гуманитарного цикла. Главная же причина обусловлена особенностями небезызвестной кампании под названием «перестройка», в ходе которой велась целенаправленное уничтожение исторической памяти населения России, разграбление материального и духовного богатства страны, насильственная подмена прежних ориентиров привычной модели жизни, дискредитация социальных и моральных ценностей и т.д. Всего того, что сейчас принято называть «геополитической катастрофой на территории бывшего СССР». Действия политического руководства страны, обусловленные «политикой перестройки», оказали «огромное, нередко разрушающее и деструктивное влияние на развитие социально-политических и духовных процессов, привели к деформации общественного сознания, а в ряде случаев и к колоссальным экономическим и даже имиджевым потерям для России и всего постсоветского пространства» (Тощенко, 2015: 9-10). Социальная и мировоззренческая травма, нанесенная многомиллионному населению страны, дает о себе знать до настоящего времени, спустя три десятилетия. Отмеченные здесь травмирующие общество перемены не могли не сказаться и на системе социальных коммуникаций.

Современное телевидение по инерции занимает пока лидирующие позиции в досуговом времяпровождении населения, но во многом утратило зрительское доверие и в ряде случаев не отвечает интересам различных групп аудитории. Выход из критической ситуации, в которой оказалось телевидение, может быть найден на путях построения концептуальной теории новой модели телевидения, обоснованной на зрительских интересах и доверии. Чтобы сделать эффективной практическую деятельность, нужна добротная теория. Иными словами, как говаривали классики, «нет ничего практичнее хорошей теории». В русле этих рассуждений перед современными исследователями остро, в практической постановке, встает

* По мере развития новых информационно-коммуникативных технологий, в частности, интернета, изменились функции и возможности традиционных СМИ. Появление «обратной связи» сделало возможным переход от прежних «субъект-объектных» к «субъект-субъектным», коммуникативным отношениям в подготовке и распространении информации. Для обозначения этих изменений автор вводит в научный оборот термин «информационно-коммуникативные системы» и использует его наряду с традиционным понятием «средства массовой информации» и медиа.

вопрос об методологических обоснованиях теории телевидения, средств массовой информации и информационно-коммуникативных систем в целом.

Наряду с обозначенными здесь условиями, в которых вынуждены функционировать современные информационно-коммуникативные системы, надо учитывать всю совокупность глобальных, полных противоречий социально-экономических и социокультурных процессов нынешнего беспокойного времени. К началу 90-х годов XX века, интеллектуализация производства превратила медиакоммуникацию, цифровые технологии обработки и распространения информации в ключевой фактор воздействия на массовое сознание и управление социальным поведением населения. Эти обстоятельства привели к появлению информационных технологий и обеспечили революционный взрыв информации в мире благодаря скорости ее обработки и распространения. Фактор скорости наращивания информационных потоков стал одним из важнейших показателей развитости общества и уровня цивилизации. С началом эры компьютеризации, с 1980 года, количество информации в мире удваивается ежегодно. В то время как в начале XX века информация возрастала в два раза каждые десять лет. Согласно «Закону Мура» скорость процессоров удваивается каждые 18 месяцев. Причем эта величина не является постоянной: «первоначально она составляла два года, около 15 лет назад действительно сократилась до полутора, но по последним данным, уже уменьшилась до 12 месяцев. За десять лет вычислительная мощность компьютеров выросла в тысячу раз» (Гранин, 2014: 75).

Отмеченные тенденции углубили одно из главных противоречий современного мира, которое заключается в следующем: если человек, как вид почти не изменился за время земной цивилизации, то технологии передачи, накопления и обработки информации сменили за это же время несколько «поколенческих циклов». Человечество оказалось не готовым к стремительному росту объема и скорости информации и динамичной смене информационно-коммуникативных технологий. Показательно, что, имея на руках «нашпигованный» различными опциями телефон, человек не использует и десятой доли всех его возможностей. Равно как телезритель не в силах просмотреть набор из сотен телеканалов, предлагаемых спутниковым телевидением. А такую мощную информационно-коммуникативную сеть как интернет, предоставляющий поистине безграничные возможности для познания, человечество преимущественно использует для удовлетворения незатейливых потребностей. Эта пропасть между небывалой технико-технологической сложностью информационных технологий и крайне низким интеллектуальным уровнем их потребителя получила название «кроссмодерн». «Среди активных пользователей Интернета, очень много темных людей – и в смысле элементарной образованности (достаточно увидеть их письма, подчас чудовищно безграмотные), и в смысле политических ценностей (преобладают погромные настроения), и в смысле интересов (по разным оценкам, от 70 до 80 % визитов приходится на порно-сайты и подобные, мягко говоря, бесхитростные развлечения)» (Драгунский, 2008: 272). Процитированное наблюдение эксперта – лишь одно из многочисленных доказательств тому, что представляется преждевременным обольщаться статистикой роста аудитории Интернета и количеством кликов на информацию, распространяемую глобальной паутиной, и на этом строить умозаключения о растущем влиянии интернета.

Внедрение информационных технологий, стремительное распространение компьютеров и переход к «антропоцентристским» информационно-технологическим сетям, создает новые возможности для науки о журналистике. Учитывая сетевой характер современных информационно-коммуникативных систем, появление причудливых гибридов телевизионного вещания и компьютеров, представляется перспективным для разработки теории коммуникаций применить, например, теорию социальных сетей на основе математической теории сетей и графов. Как известно, оригинальные идеи и открытия чаще всего рождаются на стыке наук различного профиля и направленности.

Функциональное сходство журналистики, социальной философии и культуры могло бы способствовать выработке универсальных, взаимообогащающих методологических подходов к исследованию процессов массовой коммуникации. Так, например, философский аспект предлагает понимать под культурой «способ смыслополагания, способ формирования осмысленности, т.е. создание целостной картины мира, в которой человек живет и действует» (Смирнов, 2009: 37).

Подобные функции смыслопорождения выполняют и средства массовой информации, производящие и распространяющие смыслы и ценности. Рассматриваемый методологический тезис можно считать справедливым для условий социальной стабильности, способствующих формированию в массовом сознании гармоничной, целостной картины мира. В современных стремительно изменяющихся социокультурных условиях приоритетным направлением развития СМИ и культуры является формирование новых кодовых систем, закрепляющих и развивающих смыслы и ценностные значения. Возможности новых информационно-коммуникативных технологий позволяют кодировать массовый культурный и коммуникативный опыт, а небывалые скорости их распространения опережают производство и выработку новых смыслов, определяющих и регулирующих поведение и коммуникацию людей. Если важнейшей функцией СМИ, как мы отметили выше, является смыслопорождение, то основой современной теории коммуникаций могла бы стать *теория формирования смыслов в сетевизированных типах коммуникаций, выступающих в качестве фундамента цифровой цивилизации*.

Для анализа функций современных сложных социальных процессов характерны интеграция всеобщих и специфических методов исследования. Если общеметодологические подходы обозначают гносеологические принципы анализа, то специфические методы призваны реагировать на появление все новых элементов, субъективных характеристик изучаемого явления. Традиционное выявление трансформации форм и жанров, которые являются следствием информационно-коммуникативных революций, оказываются на практике малопродуктивными для понимания фундаментальных процессов создания смыслов и системы ценностей.

При этом следует учитывать имеющиеся различия между телевидением и компьютерными сетями. Телевизионный экран запрограммирован, информация, сообщения и экранные произведения появляются в определенной пространственно-временной последовательности, в рамках естественного восприятия и иллюзорной причастности аудитории к общему «единосмотрению», «единоосмыслению» и «единочувствованию». В то же время в неупорядоченных, хаотичных информационных сетях нет единообразия, той заданности, свойственной телевизионному программированию. А стало быть, отсутствует заранее выстроенный алгоритм восприятия сообщений и информационных потоков и запрограммированное поведение.

Немаловажно и то, что в коммуникативных сетях пользователь имеет возможность самостоятельно составлять собственную информационную программу. Социально-информационная навигация становится делом самого пользователя. Указанные существенные отличия от традиционных средств коммуникации позволяют отнести социальные сети к аутопойетическим системам* (Луман, 2007: 66-67). Следует заметить, что переход к аутопойетическим характеристикам – принципиально новое концептуальное положение для теории и практики информационно-коммуникативных систем. С одной стороны, традиционные медиа действуют в рамках открытых систем с упорядоченностью их элементов и иерархией. С другой – новые медиа предлагают самоорганизующуюся систему восприятия, потребления и создания информации и смыслов. Эффективность информационно-коммуникативного процесса оказывается в прямой зависимости от коммуникативной культуры пользователей. Появление и стремительное развитие глобальной сети создало принципиально новую информационно-коммуникативную среду для «вызревания» новой коммуникативной культуры пользователей, осваивая которую «общество производит и воспроизводит себя как социальную систему» (Луман, 2007: 223). Само существование и функционирование социальной системы по Н. Луману образует коммуникация, которая пронизывает все связи и процессы социальной системы. Таким

* Аутопойесис (от греч. Autos – сам, poiein – создавать, делать). Понятие введено Н. Луманом для обозначения того, что система обладает способностью к самовоспроизводству. Отдельные системы функционируют автономно и реализуют возможности, имеющиеся в сети элементов, из которых состоят. Общее понятие аутопойетической системы способствует объединению ряда высказываний о таких системах: указывает на эволюционную связь, в которой они сформировались, с одной стороны, явное особое положение общественной системы, с другой, ее внутренние проблемы разграничения. См.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург, «Наука», 2007. С. 66-67.

образом, анализ функционирования коммуникативных систем позволяет глубже понять развитие коммуникативной культуры в обществе.

Исследования содержания современных отечественных телепрограмм фиксируют запредельный рост сцен насилия, криминальных разборок и низкопробных развлекательных передач. Мерилом эффективности нынешнего отечественной журналистики стала сумма денег, которую собирает телекомпания, рейтинг тех или иных телепередач, газетных или журнальных публикаций.

И в этом смысле, не будет большой «натяжкой» отнести к коммерческому типу все телевидение современной России. Как известно, даже собственный телевизионный канал РТР государство финансирует всего лишь на одну треть. Остальные расходы российское телевидение вынуждено покрывать за счет рекламы. Всеобщая коммерциализация формирует специфический тип нынешнего российского телевидения, за которым стоят интересы его реального собственника – крупного капитала. Современное телепроизводство можно образно сравнить со специфическим финансово-товарным конвейером, где главным содержанием и итогом работы стало извлечение доходов от рекламы и развлекательных передач. Так, в результате последовательного проведения коммуникативной стратегии РТР, НТВ и других телеканалов, ориентированных на извлечение прибыли, из сетки вещания исчезли почти четыре десятка рубрик в угоду «мыльным» сериалам, нескончаемым играм, ток-шоу и т.п. Служение «золотому тельцу» привело к существенному падению интеллектуального, эстетического, нравственного уровня телепрограмм.

Современные отечественные исследователи вместо глубокого изучения особенностей функционирования СМИ жонглируют статистикой доходов, количеством «лайков» в интернете и на этом ... пытаются обосновывать так называемые теоретические концепции, которые по большей части оказываются заемными у зарубежных разработчиков. Теоретизирования по поводу журналистики и деятельности СМИ в значительной мере склонны акцентировать внимание на финансовой составляющей функционирования медиаиндустрии. Однако статистические выкладки и бухгалтерские отчеты о доходах газеты или телевизионной компании вряд ли могут стать основой теории информационно-коммуникативных систем. Как не могут быть основой теории отдельные примеры журналистской деятельности, несмотря на то, что их можно отнести к фактам – «воздуху науки».

Есть и еще одно немаловажное обстоятельство, связанное с утратой методологических позиций в гуманитарной сфере. С помощью глобальной сети удерживается и всемерно наращивается информационное североамериканское «господство в облаке» над остальным миром. Это нетрудно сделать с учетом того, что информационные технологии, операционные системы, программное обеспечение и социальные сети едва ли полностью имеют американское происхождение. Одна из последних коммуникативных новинок – использование социальных сетей для манипулирования массовым сознанием с помощью небезызвестной технологии «мягкой силы». Схема проста: в социальные сети вбрасывается нужная информация, которая потом искусно подогревается, обсуждается в национальных СМИ. В результате новость «раздувается» до общенациональных масштабов, в нее начинает верить многомиллионная аудитория. Вот почему проблемы инклюзии населения в деятельность медиа все в большей мере привлекают внимание политиков, аналитиков и теоретиков массовых коммуникационных процессов.

Не остаются в стороне и отечественные журналисты. В попытках расширить аудиторию, привлечь внимание публики, они в качестве вынужденной меры, уподобляются блогерам в стремлении заводить личные аккаунты в социальных сетях. С сожалением приходится наблюдать, как в социальных сетях сотрудники редакций выкладывают милые пустячки и забавности, с помощью которых пытаются завоевать популярность, получить желанные «лайки». Но, согласитесь, пересказ анекдотов, любопытных случаев и «приколов» лишь ненадолго привлечет внимание поверхностной аудитории. Взыскательное, мыслящее коммуникативное сообщество формируется и укрепляется только вокруг глубоких идей, содержательного разговора. Интеллектуальная инициатива способна вести за собой, объединять аудиторию с помощью интересных дел и идей. Люди идут в социальные сети, обращаются к средствам массовой коммуникации не столько за

новостями, сколько за содержательным разговором, за умным словом и душевной беседой, чего так недостает в современной жизни.

В начале 90-х годов, в рамках компании по охаиванию всего советского, презрения к методологии и диалектическому методу познания действительности, отечественные специалисты обратились к некритическому заимствованию западных теорий массовых информационно-коммуникативных процессов, и связанных с ними вопросов идентичности, глобализации и социальных сетей. Мешанина из теорий и концепций западных авторов, впервые переведенных на русский язык, вытеснила у неразборчивых отечественных ученых методологические подходы, наработанные ранее советскими научными школами. Вместо методологически выверенных исследований функционирования СМИ всю совокупность проблем современной журналистики предложено рассматривать в постмодернистском ключе в «постсоветском коммуникативном пространстве». Отрицание методологии отечественными исследователями гуманитарных процессов, как образно выразился академик РАН А.О. Чубарьян, вызвало «аллергию на вопросы методологии в целом» (Чубарьян, 2003: 12).

В этом контексте представляется нелишним напомнить, что «методология (от греч. *methodos* – путь, способ познания и *logos* – учение, слово) – наука о методе; система наиболее общих принципов, положений и методов, составляющих познавательную основу научного знания; совокупность приемов, способов и процедур исследований, применяемых в той или иной отдельно взятой науке» (Гранин, 1994: 700). В философии под методологией принято понимать с одной стороны «совокупность познавательных средств, методов, приемов, используемых в какой-либо науке»; с другой – «область знания, изучающая средства, предпосылки и принципы организации познавательной и практически-преобразующей деятельности» (Философский словарь: 278). В «Новой философской энциклопедии» методология определяется как «тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности» (Новая философская энциклопедия..., 2010: 553). В социологии методология определяется посредством понятия «теории, посвященной изучению, совершенствованию и конструированию методов различных сфер духовной и практической деятельности» (Социологическая энциклопедия..., 2003: 629).

Мы специально привели несколько трактовок понятия «методология» из тех областей знаний, к которым чаще всего прибегают исследователи информационно-коммуникативных процессов и журналистики. Почти в каждом из данных определений подчеркивается связь между методологией и деятельностью. В свою очередь, деятельностный подход в эпистемологии в последние годы переосмысливается в русле теорий коммуникации (Лекторский, 20017: 6-87). Представляется целесообразным выявлять пути построения методологии изучения журналистики в рамках деятельностного, коммуникативного подхода, исходя из того, что призвание журналиста искать и предлагать обществу новые смыслы.

Мне приходилось писать о том, что СМИ могут производить, транслировать тексты и образы, конструировать для общества (и вместе с обществом) новые смысловые парадигмы. Если информацию и коммуникацию представить в качестве **смыслового воссоздания общества**, то одной из главных задач информационно-коммуникативной системы является **порождение у аудитории спроса на смысл**. Заметим, что стимуляция спроса на смысл нередко гораздо важнее самого смысла. Потребность в осмыслении может способствовать созданию новых идей, побуждает к творчеству, к поиску выхода из сложнейших ситуаций. Владея информацией в качестве стимула для дальнейших рефлексий, человек способен достраивать здание смысла, исходя из своих представлений о жизненных реалиях, мотиваций и устремлений. Ибо рефлексивный человек живет не в пространстве вещей, а в пространстве событий, **в пространстве смысла**. Разумеется, **смыслопорождение** определяется и стимулируется информацией и коммуникацией определенного типа (Дугин, 2015с). Следование данному подходу может оказывать влияние на тематико-жанровую структуру телепрограмм, на способы подачи информации, на отбор событий и расстановку смысловых акцентов.

Смыслопорождение и стимулирование у различных групп аудитории спроса на смысл, по нашему мнению, может стать ведущей функцией деятельности медиа. Вместе с тем,

порождение смысла и стимулирование смысловой деятельности могут оказаться перспективным вектором современных исследований журналистики и массовой коммуникации в условиях цифровизации медиа. Если следовать изложенной здесь концептуальной идее, то *методологию исследований журналистики и медиа можно рассматривать в качестве познавательной деятельности по анализу коммуникативных процессов сбора, подготовки и распространения информации, основанной на совокупности принципов, положений, методов, приемов, способов и процедур исследования смыслопорождения и стимулирования смысловой деятельности у различных коммуникативных сообществ и групп аудитории.*

Для уточнения методологических принципов исследования журналистики представляется целесообразным обратиться к наработкам, сделанным в периоды устойчивости системы СМИ с тем, чтобы попытаться обосновать некие стабильные элементы в состоянии относительного покоя. Возможно, методологические обоснования этих элементов системы окажутся полезными при исследовании системы в условиях динамичного, стремительного развития информационно-коммуникативных процессов. Элементы системы, сохраняющие свою устойчивость в условиях турбулентности, могут оказаться «точками роста» концептуальных, теоретических обоснований функционирования новых медиа.

Внедрение информационных технологий, небывало стремительное распространение компьютеров и переход к «антропоцентристским» информационно – технологическим сетям, создает новые возможности для науки о журналистике и медиакommunikациях. Учитывая сетевой характер современных информационно-коммуникативных систем, появление причудливых гибридов телевизионного вещания и компьютеров, представляется перспективным для разработки теории коммуникаций применить теорию социальных сетей на основе математической теории сетей и графов. Как известно, оригинальные идеи и открытия чаще всего рождаются на стыке наук различного профиля и направленности.

Функциональное сходство журналистики, социальной философии и культуры могло бы способствовать выработке универсальных, взаимообогащающих методологических подходов к исследованию процессов массовой коммуникации. Так, например, философский аспект предлагает понимать под культурой «способ смыслополагания, способ формирования осмысленности, т.е. создание целостной картины мира, в которой человек живет и действует» (Смирнов, 2009: 37). Подобные функции смыслопорождения выполняют и средства массовой информации, производящие и распространяющие смыслы и ценности. Рассматриваемый методологический тезис можно считать справедливым для условий социальной стабильности, способствующей формированию в массовом сознании гармоничной, целостной картины мира. В современных стремительно изменяющихся социокультурных условиях приоритетным направлением развития медиа и культуры является формирование новых кодовых систем, закрепляющих и развивающих смыслы и ценностные значения. Возможности новых информационно-коммуникативных технологий позволяют кодировать массовый культурный и коммуникативный опыт, а небывалые скорости их распространения опережают производство и выработку новых смыслов, определяющих и регулирующих поведение и коммуникацию людей. Учитывая, что ведущей функцией медиа является, как мы отметили выше, *смыслопорождение*, следовательно, основой современной теории коммуникаций могла бы стать *теория формирования смыслов в формировании цифровой цивилизации.*

Медиакультура не существует изолированно от информационных технологий и не является производным от них. Медиа действуют в циклически повторяемом социокультурном, политическом, идеологическом контекстах. Как известно, появление новых технологий обусловлено потребностями, желаниями и сменами мотиваций людей. Социальный и интеллектуальный контекст жизни общества выступает условием развития информационно – медийных технологий. И развитие цифровых способов формирования и распространения информации придает этим процессам небывалый размах и скорость.

Для анализа функций современных сложных социальных процессов характерны интеграция всеобщих и специфических методов исследования. Если общеметодологические подходы обозначают гносеологические принципы анализа, то специфические методы призваны реагировать на появление все новых элементов, субъективных характеристик

изучаемого явления. Например, как выявить влияние медиа на функционирование в обществе в связи с появлением новых дивайсов, способствующих увеличению скорости распространения информации? Тем более, что скорость передачи информации выдвигается в качестве фундаментального фактора, оказывающего влияние на трансформацию формы и содержания сообщений. Примечательно, что вроде бы оторванные от жизненных процессов показатели скорости распространения информации вкупе с попытками упорядочения информации привели к существенным сдвигам в системе ценностных ориентаций личности, потому что появление новых ускорителей создавало условия и необходимость приспособить прежнюю систему ценностей к стремительно нарастающему движению информационно-технологического прогресса. В результате традиционные ценности и смыслы оказываются размытыми и на их место приходят новые ценностные ориентации, интересы и вкусы аудитории. К сожалению, отмеченные здесь глубинные смысловые процессы оказываются вне поля зрения современных исследователей информационно-коммуникативных медиасистем.

3. Заключение

Развитие информационно-коммуникативных технологий в условиях цифровой цивилизации фрагментировало аудиторию на локальные коммуникативные сообщества. Что, в свою очередь, методологически оправданно сместило фокус внимания исследователей с общих вопросов коммуникации в поле частных интересов и субъективных оценок. Воспроизводя модели межличностных коммуникаций, информационно-коммуникативные технологии, освоенные блогерами и влогерами, придают частным интересам небывалую масштабность и общественную значимость.

Под влиянием отмеченных тенденций в парадигме анализа коммуникаций объединяются объективные условия и факторы функционирования СМИ с субъективными действиями в рамках неоклассической модели исследования. При этом предметом исследования выступает каузальная реальность в виде социальных процессов, структур и институтов в единстве с уникальной индивидуальной реальностью (повседневная жизнь людей с уникальными духовными практиками) (На пути...: 16). Неоклассическая методология, пожалуй, в наибольшей степени сближает журналистский, культурологический и социологический подходы к познанию природы и функций СМИ. С одной стороны, апелляция к общественному мнению составляет суть современной «журналистики мнений», с другой - на основании массовых опросов социологи выявляют тенденции социальных перемен и закономерности поведения населения. Но, как известно, «социальные изменения не являются только результатом людских стремлений, поскольку под слоем очевидных высказываний и намерений лежат латентные факторы, о которых люди имеют лишь смутное представление, такие, например, как глубинные ценности» (Лубский, 2005: 24). В справедливости этих слов убеждает повседневная жизнь, в том числе отображаемая на экранах телевидения и социальных медиа.

Всеохватное и вездесущее распространение телевидения, усиление его влияния на аудиторию (от глобального до повседневного), кардинальным образом сказалось на трансформации его функций. В поисках сущностного определения современного телевидения авторитетные теоретики заявляют о том, что «телевидение не синоним информации ради информации (для этого существуют газеты). И конечно, не синоним развлечения. Наиболее адекватное и равновеликое слово – культура. Телевидение приобщает к культуре – национальной и мировой» (Муратов, 2001: 60). Для приобщения к культурным ценностям необходим довольно высокий уровень коммуникативной культуры общества. Таким образом, культурная составляющая в сфере коммуникаций позволяет говорить в пользу предложенного в настоящей статье *методологического поворота*, связанного со сменой парадигмы исследования теории открытых систем, основанных на выявлении взаимосвязи и взаимозависимости между «частью и целым», концептуальным осмыслением функционирования системы в социальной среде.

К сожалению, наши знания о стремительно изменяющемся медиамире и недостаточно полны, чтобы основательно и глубоко размышлять о природе воздействия на общество информационно-коммуникативных систем. Динамичные, полные противоречий медиапроцессы ставят под сомнение саму возможность выработки концептуальных,

методологически строгих и корректных обоснований теории функционирования традиционных и новых медиа. В условиях экономической турбулентности, аберрации представлений о реальном мире, диссипативного сознания, отличного от целостного мировоззрения прошлых веков с его гармоничной «картиной мира», весьма проблематичным становится выработка и построение стройных теорий и непротиворечивых парадигм исследований в гуманитарной сфере. Не случайно последние десятилетия теоретические изыскания по сути дела подменяются тем или иным набором рецептов и приемов журналистской работы в условиях мультимедийности, отдельными попытками выявить новые характеристики моделей и форматов печатной и телевизионной продукции, претерпевающих существенные трансформации под неумолимым влиянием социально-политических, экономико-финансовых обстоятельств и прогресса информационно-коммуникативных технологий.

Рассмотренные теоретико-методологические подходы анализа взаимодействия средств массовой коммуникации с аудиторией приводят также к выводу о необходимости выявления уровня развития коммуникативной культуры в обществе. Изучение структуры, характера и функций коммуникативной культуры общества может стать еще одним направлением для разработки теории информационно – коммуникативных систем. Сохраняя преемственность в формировании исследовательской модели, отмеченные здесь методологические подходы, надеемся, позволят уточнить предмет анализа, очертить границы применения различных методов и, главное, будут способствовать повышению эффективности медиаиндустрии в условиях цифровой цивилизации.

Литература

Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3.

Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // *Век глобализации*. 2014. №1. С. 90-103.

Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // *Высшее образование в России*. 2007. №10. С. 116-121.

Драгунский, 2008 – Драгунский Д. Состояние кроссмодерна // *Российская модернизация: размышляя о самобытности*. М.: Три квадрата. 2008.

Дугин, 2005 – Дугин Е.Я. Создание смыслов в электронную эру: Методология и техника новых знаний и образов в массовой коммуникации и PR. М.: «Глобальная энергия». 2005.

Дугин, 2013 – Дугин Е.Я. Телевидение в условиях мультимедийности. М.: «Русника». 2013.

Дугин, 2015a – Дугин Е.Я. (2015). К методологическим обоснованиям новой теории журналистики // *Вестник электронных и печатных СМИ*. 2015, № 1(23).

Дугин, 2015b – Дугин Е.Я. Методологический поворот исследований информационно-коммуникативных систем и журналистики // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2015. № 3-4.

Дугин, 2015c – Дугин Е.Я. СМИ как смысловое воссоздание образно-символического пространства социальной реальности // *Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал*. Ростов-на-Дону. 2015, № 2.

Дугин, 2017 – Дугин Е.Я. (2017). Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникативных систем и журналистики // *Вестник Моск. Ун-та. Сер. Журналистика*. 2017, №1.

Дугин, 2017 – Дугин Е.Я. Методология исследования информационно-коммуникативных систем и журналистики. М.: Академия медиаиндустрии. 2017.

Елисеев, 2013 – Елисеев И. Забил я цифрой пушку туго. Помогут ли в информационной войне роботы и мобилизация хакеров? // *Российская газета. Неделя*, 23 мая 2013.

Жабский, 2015 – Жабский М.И. Социодинамика кинематографической жизни общества / Под общ. ред. К.А. Тарасова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2015. С. 343–353.

Кинематограф – зеркало или молот? – Кинематограф – зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика. Научная монография / под общ. ред. М.И. Жабского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2012.

Лекторский, 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: ИФРАН. 2001.

Лотман, 1973 – Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.

Лубский, 2005 – Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005.

Лубский, 2005 – Лубский А.В. Конфликтотенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

Луман, 2007 – Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург, «Наука», 2007.

Макаревич, Карпухин – Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Последний бастион. Глобальная культура коммуникаций. М.: Дрофа, 2011.

Материалы научного семинара, 1973 – Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации», часть I. М.: Изд-во МГУ, 1973.

Ментальные программы, 2016 – Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография. Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 16–17.

Методологические проблемы..., 1981 – Методологические проблемы изучения телевидения и радиовещания. Под редакцией Э.Г. Багирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Муратов, 2001 – Муратов С.А. ТВ – эволюция нетерпимости: история и конфликты этических представлений. М.: Логос, 2001.

На пути к... – На пути к неклассической эпистемологии. М.: ИФРАН, 2009.

Назаров, Папантиму, 2016 – Назаров М.М., Папантиму М.А. Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации: опыт междисциплинарного исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

Новая философская энциклопедия..., 2010 – Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. М.: Мысль, 2010.

Предмет семиотики, 1975 – Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М.: Изд-во МГУ, 1975.

Смирнов, 2009 – Смирнов А.В. О подходе к сравнительному изучению культур. СПб: СПб ГУП, 2009.

Социологическая энциклопедия..., 2003 – Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т.1/ Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003.

Тощенко, 2015 – Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Философский словарь – Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986.

Чубарьян, 2003 – Чубарьян А.О. Историческая наука в России в начале XXI в. // Новая и новейшая история, 2003, №3.

Экранная культура..., 2012 – Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей/ отв. ред. К.Э. Разлогов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.

Fiske, 1987 – Fiske J. Television Culture. L., N.Y.: Routledge, 1987.

References

Bagirov, 1981 – Bagirov, E.G. (ed.). (1981). Metodologicheskiye problemy izucheniya televideniya i radioveshchaniya [Methodological Problems of Studying Television and Radio Broadcasting]. Moscow: Mosk. Univ Publ. [in Russian]

Chubarian, 2003 – Chubarian, A.O. (2003). Istoricheskaya nauka v Rossii v nachale XXI v. [Historical Science in Russia at the Beginning of the 21st Century]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 3. [in Russian]

Dragunskiy, 2008 – Dragunskiy, D. (2008). Sostoyaniye krossmoderna. Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti [The State of Crossmodern. Russian Modernization: Reflections on Identity]. Moscow: Tri Kvadrata Publ. [in Russian]

Dugin, 2005 – *Dugin, E.Ya.* (2005). Sozdaniye smyslov v elektronnyuyu eru: Metodologiya i tekhnika novykh znaniy i obrazov v massovoy kommunikatsii i PR [Creation of Sense in the Electronic Era: Methodology and Technology of New Knowledge and Images in Mass Communication and PR]. Moscow: Globalnaya Energiya Publ. [in Russian]

Dugin, 2013 – *Dugin, E.Ya.* (2013). Televideniye v usloviyakh multimedynosti [TV in a Multimedia World]. Moscow: Rusnika Publ. [in Russian]

Dugin, 2015a – *Dugin, E.Y.* (2015). SMI kak smyslovoye vossozdaniye obrazno-simvolicheskogo prostranstva sotsialnoy realnosti [Mass Media as a Semantic Re-creation of the Figurative-symbolic Social Reality]. *Gumanitarniy Yuga Rossii. Nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*, 2.

Dugin, 2015b – *Dugin, E.Ya.* (2015). K metodologicheskim obosnovaniyam novoy teorii zhurnalistiki [To the Methodological Basics of the New Theory of Journalism]. *Vestnik elektronnykh i pechatnykh SMI*, 1(23). [in Russian]

Dugin, 2015c – *Dugin, E.Ya.* (2015). Metodologicheskiy povorot issledovaniy informatsionno-kommunikativnykh sistem i zhurnalistiki [Methodological Turn in Research of Information and Communication Systems and Journalism]. *Zhurnalist. Sotsialnyye kommunikatsii*, 3-4. [in Russian]

Dugin, 2017 – *Dugin, E.Y.* (2017). Metodologiya issledovaniya informatsionno-kommunikativnykh sistem i zhurnalistiki [Methodology of Information and Communication Systems and Journalism Studies]. Moscow: Akademiya Mediaindustrii Publ. [in Russian]

Dugin, 2017 – *Dugin, E.Ya.* (2017). Teorii srednego urovnya v issledovaniyakh informatsionno-kommunikativnykh sistem i zhurnalistiki [Middle Level Theories in the Research of Information and Communication Systems and Journalism]. *Vestnik Mosk. Un-ta. Ser. Zhurnalistika*, 1. [in Russian]

Eliseyev, 2013 – *Eliseyev, I.* (2013). Zabil ya tsifroy pushku tugo. Pomogut li v informatsionnoy voyne roboty i mobilizatsiya khakerov? [I Scored a Numeral Cannon Tight. Will Robots and Mobilization of Hackers Help in Information Warfare?]. *Rossiyskaya gazeta. Nedelya*. [in Russian]

Frolov, 1986 – *Frolov, I.T.* (ed.). (1986). Filosofskiy slovar [Philosophical dictionary]. Moscow: Politizdat Publ. [in Russian]

Granin, 1994 – *Granin Yu.D.* (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and ecological consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3.

Granin, 2014 – *Granin Yu.D.* (2014). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 116-121.

Granin, 2014 – *Granin Yu.D.* (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: dialectics of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. № 1. pp. 90-103.

Lektorskiy, 2001 – *Lektorskiy, V.A.* (2001). Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya [Classical and Non-classical Epistemology]. Moscow: IFRAN Publ. [in Russian]

Lotman, 1973 – *Lotman, Y.* (1973). Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallin. [in Russian]

Lubskiy, 2005 – *Lubskiy, A.V.* (2005). Alternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya [Alternative Models of Historical Research]. Moscow: Sotsialno-gumanitarnyye Znaniya Publ. [in Russian]

Lubskiy, 2005 – *Lubskiy, A.V.* (2005). Konfliktogennyye faktory na Yuge Rossii: Metodologiya issledovaniya i sotsialnyye realii [Conflict Factors in the South of Russia: Research Methodology and Social Realities]. Rostov-na-Donu: SKNTs VSH Publ. [in Russian]

Lubskiy, 2016 – *Lubskiy, A.V.* (ed.). (2016). Mentalnyye programmy i modeli sotsialnogo povedeniya v rossiyskom obshchestve [Mental Programs and Models of Social Behavior in Russian Society]: monografiya. Rostov n/D.: Fond Nauki i Obrazovaniya Publ. pp. 16–17. [in Russian]

Luman, 2007 – *Luman, N.* (2007). Sotsialnyye sistemy. Ocherk obshchey teorii. [Social systems. Essay on General Theory]. Sankt-Peterburg: Nauka Publ. [in Russian]

Makarevich, Karpukhin, 2011 – *Makarevich, E.F., Karpukhin, O.I.* (2011). Posledniy bastion. Globalnaya kultura kommunikatsiy [The Last Bastion. Global Communication Culture]. Moscow: Drofa Publ. [in Russian]

[Materialy nauchnogo seminara..., 1973](#) – Materialy nauchnogo seminara «Semiotika sredstv massovoy kommunikatsii». Chast I. [Materials of the Scientific Seminar “Semiotics of Mass Communication”. Part I.]. MGU Publ., 1973. [in Russian]

[Muratov, 2001](#) – *Muratov, S.A. (2001). TV – evolyutsiya neterpimosti: istoriya i konflikty eticheskikh predstavleniy* [TV – the Evolution of Intolerance: History and Conflicts of Ethical Ideas.]. Moscow: Logos Publ. [in Russian]

[Na puti k..., 2009](#) – Na puti k neklassicheskoy epistemologii [On the way to Non-classic Epistemology] (2009). Moscow: IFRAN Publ. [in Russian]

[Nazarov, Papantimu, 2016](#) – *Nazarov, M.M., Papantimu, M.A. (2016). Vizualnyye obrazy v sotsialnoy i marketingovoy kommunikatsii: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Visual Images in Social and Marketing Communications: The Experience of Interdisciplinary Research]. Moscow: Knizhnyy Dom LIBROKOM Publ., 2016. [in Russian]

[Novaya filosofskaya entsiklopediya, 2010](#) – Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. V 4 t. Moscow: Mysl Publ., 2010. [in Russian]

[Politicheskaya entsiklopediya](#) – Politicheskaya entsiklopediya [Political encyclopedia]. V 2 t. Moscow: Mysl Publ., 1999.

[Predmet semiotiki](#) – Predmet semiotiki. Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy vzaimodeystviya sredstv massovykh kommunikatsiy [The Subject of Semiotics. Theoretical and Practical Problems of Interaction of Mass Media]. MGU Publ., 1975. [in Russian]

[Razlogov, 2012](#) – *Razlogov, K.E. (2012). Ekrannaya kultura. Teoreticheskiye problem* [Screen Culture. Theoretical Problems]. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ. [in Russian]

[Smirnov, 2009](#) – *Smirnov, A.V. (2009). O podkhode k sravnitelnomu izucheniyu kultur* [Approach to Comparative Study of Cultures]. SPb: SPb GUP Publ., 2009. [in Russian]

[Sotsiologicheskaya entsiklopediya, 2003](#) – Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological Encyclopedia]: V 2 t. Moscow: Mysl Publ., 2003. [in Russian]

[Toshchenko, 2015](#) – *Toshchenko, Zh.T. (2015). Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of Russian society]. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya i marketinga [in Russian]

[Zhabskiy, 2012](#) – *Zhabskiy, M.I. (ed.). (2012). Kinematograf – zerkalo ili molot? Kinokommunikatsiya kak sotsiokulturnaya praktika* [Cinema – a Mirror or a Hammer? Cinema Communication as a Sociocultural Practice]. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ. [in Russian]

[Zhabskiy, 2015](#) – *Zhabskiy, M.I. (2015). Sotsiodinamika kinematograficheskoy zhizni obshchestva* [Sociodynamics of the Cinematographic Life of Society]. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 343–353. [in Russian]

[Fiske, 1987](#) – *Fiske, J. (1987). Television Culture*. N.Y.: Routledge.

Методология исследования медиа в «эпоху цифровой цивилизации»

Евгений Яковлевич Дугин ^{a, *}

^a Академия медиаиндустрии, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема методологии исследования медиакоммуникации в условиях цифровизации экономического и социального развития государства и общества. По мнению автора, культурная составляющая в сфере коммуникаций позволяет говорить о смене методологической парадигмы медиа в качестве специальной теории формирования смыслов в сетевизированных типах коммуникаций.

Ключевые слова: методология, теория, медиакоммуникации, эра цифровой цивилизации.

* Корреспондирующий автор

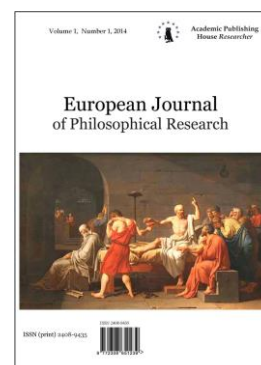
Адреса электронной почты: e.dugin@yandex.ru (Е.Я. Дугин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 19-30

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.19
www.ejournal17.com

Evolution of the Concept "Nation" and its Modern Interpretation

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the evolution of the concepts of "ethnicity" and "nation" in the history of European philosophy and science XVII – early XX centuries, reveals the philosophical foundations and research paradigms of the concept's origin and evolution of ethnic groups and nations. In the article are analyzed in detail naturalistic (primordialist), anthropological, political, sotsientalny (in its socio-economic and cultural versions), subjective-symbolic and ethno-symbolic approaches to the study of ethnic groups and nations, it's advantages and disadvantages. The author pays special attention to criticism of a paradigm of modern "strategic relativism", which adherents (R. Brubeyker, K. Verderi, F. Cooper, etc.) suggested to refuse the concept "nation".

Keywords: anthropology, nation, ethnos, philosophy, ethnopsychology.

1. Введение

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин, категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного – общепринятого – содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски которого можно найти во многих профессиональных и околонуучных текстах.

2. Основное содержание

Термины «этнос» и «нация» восходят к разным языкам и имеют разную историко-научную судьбу. Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине 19 столетия, то «нация» (от лат. *natio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (обитатели Иль де Франс, Пуату, нормандцы, бургунды, лотаринги, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя «нациями», по сути не будучи таковыми. Например, в акте коронации Оттона III (995 г.) говорится о том, что коронация имела место с согласия не германской нации, а римлян, франков, баваров, саксов, эльзасцев, швабов и лотарингов.

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

В позднем средневековье *natio* наполняется новым содержанием. Так, в средневековых университетах говорят о нациях, уже понимая под ними студенческие корпорации, то есть своего рода землячества. Студенты были разделены на «*nationes*» по совершенно произвольному принципу. В Пражском университете, например, было четыре «нации»: чешская (богемская), саксонская, баварская и польская, причем немецкие студенты составляли во всех нациях, кроме чешской, большинство. Даже церковные соборы, как отмечают исследователи, расчленялись на «*nations*». На Констанцском соборе (1414-1418), например, все присутствующие были разбиты на четыре нации: итальянцев, французов, англичан и немцев, чтобы помешать численно превосходящим итальянцам получить перевес при голосовании. К «*Natio germanica*» на Констанцском соборе принадлежали также поляки, шведы, чехи, далматинцы и другие народы. На «нации» разделялись и религиозные ордена (мальтийский и иезуитский), и купеческие союзы, и многие другие корпоративные организации. «При этом, – отмечает Ю. Хабермас, – приписываемое другим национальное происхождение с самого начала связывалось с негативным отграничением Чужого от Своего» (Хабермас, 2001: 204).

Таким образом, даже в первом приближении краткий обзор поля употребления слова «нация» в раннем и позднем средневековье свидетельствует о том, что содержание этого термина разительно отличалось от его современных значений. Будучи первоначально используемым для обозначения христианских народов и народностей, *Natio* в позднем средневековье и эпоху Возрождения преимущественно употреблялось уже как термин, содержащий корпоративно-организационный смысл.

Это, разумеется, не случайно, ибо язык всегда социально обусловлен и референтен. Будучи отображениями структур внешней человеку природной и социальной реальности, слова и выражения, в свою очередь, «погружены» в реальность человеческого (социокультурного) бытия и таким образом зависимы от его структурных связей. Проще говоря, эволюция значения термина «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством – разделением на многочисленные феодальные государства. Последние, в силу феодальной раздробленности, не только не способствовали интеграции проживающих на их территориях многочисленных этносов и этнических групп в устойчивые социально-политические образования, объединенные общностью языка, культуры, политической и хозяйственной жизни, а наоборот препятствовали такой – национальной – интеграции. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом в сфере экономике к капиталистическому способу производства материальных благ (в другой терминологии – к «индустриальному обществу»), а в сфере политики – с процессом формирования в Европе крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные этносы и этнические группы в относительно культурно и политически гомогенные общности, названные потом «нациями».

Оставляя в стороне эволюцию употребления термина нация в европейских языках, следует иметь в виду, что уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и становящихся социальных наук в общих чертах сформировались по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII-XVIII веках исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): *натуралистический* (Ж. Боден, Ш. Монтескье) *антропологический* (в его культурной и естественнонаучной версиях – Дж. Вико, И. Кант), *социоэкономический* (А.Р. Тюрго, А. Фергюссон, А. Барнав, Ж. Кондорсе) и *политический*, выдающимся представителем и одним из основоположников которого был Г.В. Гегель. Остановимся подробнее на основных моментах его политической философии.

Последняя, естественно, базируется на его философии истории, согласно которой вектор исторического развития человечества задан эволюцией «мирового духа», реализующего себя в различных формах «народного духа». Каждая нация у Г. Гегеля характеризуется особой ступенью развития народного духа, который, проявляясь в определенных формах, «есть определенный дух, создавший из себя наличный действительный мир, который... существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах» (Гегель, 1935:

71). Это, по Г. Гегелю, превращает нацию в явление вечное, существующее и оказывающее свое воздействие в течение всей истории человечества, поскольку вся история есть дело «мирового духа» и «народных духов».

Народ, нация как духовный индивид, у Г. Гегеля сочленяется в единое целое – государство, и всеобщность духа народа приобретает в государстве свое бытие и действенность: «То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является вообще тем, что составляет образование нации. А определенное содержание, которому придается форма общности и которое заключается в той конкретной действительности, которую является государство, есть сам дух народа» (Гегель, 1935: 48). Следовательно, «государство» и «нация» есть две противоположности, которые взаимно определяют друг друга. Термины «народ» и «нация» в ряде случаев используются Гегелем как взаимозаменяемые. И в отношении «народа» («нации») определяющая роль государства состоит в том, что именно оно конституирует «агрегат частных лиц» в собственно «народ». «Дело в том, – пишет Гегель, – что агрегат частных лиц часто называют *народом*; но в качестве такого агрегата он есть, однако, *vulgus*, а не *populus*; и в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ *не* получал существования, не достигал власти и не совершал действий *в качестве такого агрегата*. Такое состояние народа есть состояние... неразумия вообще» (Гегель, 1977: 360-361).

Таков, в самых общих чертах, философский взгляд Гегеля на диалектику «нации» и «государства», представленный великим мыслителем в «Философии духа» и «Философии истории». И если бы он ограничился только им, его трактовка роли государства в образовании наций немногим отличалась бы от интерпретаций его предшественников и современников. Но в своих политических произведениях он столь успешно конкретизировал процесс образования немецкой нации, что его трактовка и по сей день остается крайне интересной.

Прежде всего, заслуживает внимания то, что существование «нации» Гегель связывал не с любым государством, а государством имперским. Беря за основу историю «германского народа» со времен Священной римской империи, он, в своей «Конституции Германии», интерпретирует ее как распад некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств, в которых некогда единый германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную – культурную – идентичность. Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга по формам правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда, замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии» (Гегель, 1978: 176).

Как известно, начатая Гегелем в 1798 году «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь в 1893-м – спустя почти 20 лет, как Бисмарк железной рукой завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства».

Таким образом, уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и науки был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке – «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления – общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к

цивилизированному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых, - отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные и субъективные факторы – то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой, - отличает народы и нации друг от друга.

Правда, в качестве особой теоретической проблемы вопрос о содержании дефиниций «этнос» и «нация» был поставлен лишь XIX – начале XX столетия. Его решение стимулировали, с одной стороны, нарастающий процесс образования в Европе, Азии и Америке национальных государств, связанный, главным образом, с распадом Османской, Австро-Венгерской и Российской империй. А с другой, - попытки теоретического обобщения большого исторического, археологического и собственно этнографического материала, завершившиеся формированием социологии, культурной антропологии, этнологии, этнопсихологии, в составе которых термины «этнос» и «нация» перманентно меняли свое содержание. Остановимся подробнее на этом процессе, первоначально сосредоточив внимание на ведущих философских школах XIX столетия – классическом марксизме, его последователях и оппонентах.

Согласно классическому марксизму, лишь благодаря развитию капитализма в Европе появляется социальная мобильность и растущее общение, ведущее к процессу интеграции и образованию новых исторических общностей: происходит окончательная консолидация наций. При этом экономические связи капитала возможны лишь как связи национальные, когда в национальный рынок вовлекаются, с одной стороны, уже существующие нации, «даже самые варварские нации», а с другой стороны, буржуазия, реализуя свои экономические интересы, конституируется в национальный класс: уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. «Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей» (Маркс, Энгельс: 428).

Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций – сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории: будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания» религия, искусство, наука, язык и даже государство, действительно оказались «вторичными» и в составе классического марксистского дискурса, в пределах которого «нация» трактуется, прежде всего, как социально-экономическая и политическая общность.

Одними из первых на эту односторонность марксистской трактовки указали основоположник позитивной философии и социологии Дж. Стюарт Милль и известный историк религии Эмиль Ренан, обратившие внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание».

Милль, в частности, характеризовал нацию таким образом. Часть человечества, писал он, образует «национальность», когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Причем это общее всем «чувство национальности» может быть вызвано различными причинами: иногда все дело в тождестве расы или происхождения, иногда объединению людей могут содействовать общность языка и общность религии, а иногда – и географические границы общего проживания. Но наиболее важными нациеобразующими факторами, полагает Милль, являются общность политической судьбы, "общая национальная история и основанная на этом общность воспоминания, общие гордость и унижение, радость и страдание, связанные с сообща пережитым в прошлом" (Стюарт, 1907: 275).

Если Милль решающим фактором образования наций считал «национальное чувство», то Э.Ренан такую же роль приписывал «воле» и «солидарности», а также тому, что в последствии будет названо «национальным воображением». Согласно его определению, «нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным

жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» (*un plebiscite de tous les jours*)» (Ренан, 1886: 39).

Это определение Ренана, ставшее впоследствии классическим образцом так называемых «субъективных» определений нации, вместе с тем было достаточно узким, не учитывающим влияние более широкого, «цивилизационного», контекста: социокультурных условий, в которых объективно сосуществуют и развиваются «этноты» и «нации». Помимо «здорового смысла», на важность учета этого обстоятельства указывали и данные исторических, этнографических и этнологических исследований, социально-философское обобщение которых привело к пониманию «нации» как преимущественно «культурной общности».

В качестве одного из основоположников такого понимания нации можно считать Ф.И. Неймана. В своем труде «Народ и нация» (1888) он определял нацию как значительную группу народонаселения, которая в результате высоких и самобытных культурных достижений «обрела общую самобытную сущность, переходящую в обширных областях от поколения к поколению». В том же духе позднее напишет и А. Виркандт: «Основой общности, само собой разумеется, и в этом случае является не кровь (принимая во внимание многочисленные смешения), а культура» (Vierkandt, 1923: 318). Замечание Виркандта направлено против вульгарно - материалистических трактовок «нации», которые здесь, в силу их антинаучности, рассматриваться не будут. Тогда как понимание «нации» в качестве культурной общности имеет под собой серьезные эмпирические и теоретические основания, разработкой которых, начиная со второй половины XIX столетия, занимались сначала эволюционная, а затем диффузионистская и функционалистская школы в социологии и этнологии, влияние которых не утрачено и до сего дня.

О них речь пойдет далее. А пока заметим, что подчеркивание определяющей роли в формировании наций «национального характера», «самосознания» и, шире, «культуры» было характерно не только для западноевропейской философской и социологической мысли. Независимо от них с аналогичными, иногда более глубокими, идеями выступали и российские социальные философы (Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н. Бердяев и др.), пристально следившие за тем, как идет образование национальных государств в Европе и куда, в этой связи, движется Россия (См.: Гранин, 2014; Гранин, 2006; Гранин, 2014; Гранин, 2013; Гранин, 2012; Гранин, 1994). Уже в начале XX века большинство из них открыто (в сборнике «Вехи») противопоставили себя радикальному крылу российского марксизма. Последний после революции 1905 года и накануне первой мировой войны переживал не лучшие времена, и, сосредоточив силы в «национальном вопросе» на борьбе с австромарксизмом, пытался выработать программу национальной политики большевизма.

В Австро-Венгрии, империи, где ряд национальностей подвергались угнетению, интересы политической борьбы (также как и в России) диктовали австрийским социал-демократам необходимость создания собственной программы решения «национального вопроса». У истоков ее стояли видные теоретики II Интернационала Карл Реннер и Отто Бауэр. В своей книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907) Бауэр разработал собственное понимание нации как «культурной общности», которая выражается в «общности характера» народа, возникающего в истории из «общности его судьбы». Благодаря такой общности судьбы и действию механизма национальной апперцепции любое новое представление или же культурная ценность воспринимаются и осознаются (апперципируются) каждым человеком сообразно его национальной сущности. Говоря о собственном «духовном Я» нации, Бауэр к национальному характеру относил и особый уклад (Bestimmtheit) воли: «В каждом акте познания воля проявляется во внимании, из целого ряда явлений, данных опытом, внимание останавливается лишь на некоторых и только их апперципирует...» (Бауэр, 1909: 113). Нация апперципирует, подчеркивал он, сообразно какой-то активной психологической деятельности, которая и составляет ее «душу». Тем самым, в сущности, Бауэр неявно постулирует некий мистический национальный дух, который, будто бы, управляет всей историей нации, сохраняя неизменной ее сущность. В итоге автор приходит к следующему определению нации: «Нация есть совокупность людей, общностью судьбы сплоченных в общность характера» (Бауэр, 1909: 159).

Поскольку Бауэр редуцировал «нацию» к «общности характера», он, естественно элиминировал из своей концепции марксистский постулат об определяющей роли буржуазных экономических отношений в формировании наций. В его понимании нация существовала как «форма» уже в первобытном обществе, поскольку в нем имела место культурная общность. Исходя из этого, он заявил о том, что «общность культуры, покоящаяся на общности происхождения, объединяет всех германцев в одну нацию» (Бауэр, 1909: 36). Лишь позже, с развитием частной собственности на средства производства, «германская нация» утрачивает свое культурное единство и распадается на племена. С разделением на классы и утратой культурного единства она создается лишь той частью народа, которая представляет собой культурное сообщество, – феодалами в средние века, образованными людьми в раннекапиталистическую эпоху и буржуазией в эпоху подъема капитализма. Бауэр пишет об этом так: «Общность *рыцарской культуры впервые объединила господствующие классы всех немцев*, впервые сплотила немцев в нацию» (Бауэр, 1909: 50). И только современный капитализм, по мнению Бауэра, приводит к восстановлению более широкой национальной культурной общности, причем полного развития она может достигнуть только при социализме.

С критикой такого подхода выступил Карл Каутский. Но на замечания Каутского об определяющей роли политических и экономических факторов в процессе образования современных национальных государств и, соответственно, наций Бауэр ответил, что базовой основой нации является культурная общность составляющих ее людей. «Для того чтобы понять образование современных наций, следует рассмотреть этот процесс возрождения культурного (и, следовательно, языкового) единства нации» (Бауэр, 1909: 796).

Ортодоксального марксиста В.И. Ленина такая, в его понимании «идеалистическая», концепция наций устроить не могла, и он резюмировал позицию Бауэра как "национальный оппортунизм". В 1912-1914 годах в РСДРП развернулась широкая дискуссия по национальному вопросу, в которой, помимо Ленина, активное участие приняли также Ф.Э. Дзержинский, Б.М. Кнунянц, С.Г. Шаумян и И.В. Сталин. Последний выпустил, получившую в партии большой резонанс, серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 году отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», и позднее опубликованную в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим, определение нации: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»** (Сталин: 296).

Незначительной ревизии это определение было подвергнуто лишь в 1960-1970 годах после знаменитой дискуссии об «азиатском способе производства» и уточнении содержания понятия «общественно-экономическая формация» в работах Н.А. Берковича, Ю.В. Бромлея, Т.Ю. Бурмистровой, Ю.Ю. Вейнгольда, М.С. Джунусова, А.В. Ефимова, А.А. Исупова, М.Д. Каммари, Н.М. Киселева, Л.М. Князева, И.С. Кона, П.М. Рогачева, М.А. Свердлина, П.Н. Федосеева, А.И. Холмогорова, Н.Н. Чебоксарова. И хотя в некоторых из этих работ были получены имеющие научную значимость результаты, в целом отечественное общественное сознание, вплоть до начала 1990-х годов, оказалось выключено из магистральной линии международного теоретического дискурса о нациях и национализме, проигрывая в объективности и качестве зарубежным исследованиям (Гранин, 2014b; Гранин, 2013; Гранин, 1994).

Следует иметь в виду, что различные трактовки содержания понятия «нация», концепции происхождения и эволюции наций, выдвинутые западноевропейскими и российскими философами, теоретиками марксизма, складывались не только под влиянием используемых ими ведущих философских и социально-политических теорий исторического процесса, но и в значительной мере были результатом обобщений данных и выводов этнографии, антропологии и этнологии. Во второй половине XIX столетия эти дисциплины переживали период бурного роста. И хотя четких границ между ними установлено не было, в каждой из них были получены результаты, позволившие создать довольно стройные концепции происхождения, взаимодействия и развития этносов, не утративших значения до сего дня. Рассмотрим подробнее этот процесс, концентрируя основное внимание на теориях,

принадлежащих к двум наиболее влиятельным научным направлениям XIX – начала XX столетия – «эволюционизма» и «диффузионизма».

Напомню, что эволюционизм сначала в качестве идеи, а затем и в качестве междисциплинарной концепции зародился еще в XVIII веке. Его успехи связаны с работами Л. Окенема, и, особенно, Ж. Ламарка, предположившего, что виды живых существ в процессе развития приобретают свойства, позволяющие им приспосабливаться к окружающей среде, а эти свойства передаются последующим поколениям путем наследования. В этнологии одним из старейших представителей этого направления был Г. Клемм, который в 1843-1847 годах опубликовал свою пятитомную «Общую историю культуры человечества». Вслед за ним австрийский юрист и историк И. Унгер выпустил (1850) в свет свой основной труд «Брак и его всемирно-историческое развитие». И, наконец, в 1859 году Т. Вайц публикует свою «Антропологию диких народов», где делает попытку объединить антропологические, психологические и культурно-исторические точки зрения, ставя перед новой наукой задачу – исследовать основные направления догосударственного периода развития человечества с тем, чтобы подготовить «естественную основу истории».

По мнению большинства исследователей, Г. Клемм, Т. Вайц и И. Унгер могут быть признаны пионерами эволюционистского образа мыслей в этнографии. А их последователям, английским этнологам Э. Тайлору, Дж. Мак-Леннану и Дж. Лаббоку, принадлежит заслуга первыми и почти одновременно представить уже завершенные эволюционистские концепции.

В Германии становление эволюционизма было связано с именами О. Пешеля, А. Бастиана и И. Липперта. В частности, Бастиан, в работе «Общие основания этнологии» (1871) исходил из так называемой «клеточной» теории культуры, которую он сочетал с концепцией географических провинций. По его мнению, «клетки» культуры (которые исследователь трактовал как «элементарные идеи», первичные культурные элементы) в случае одинаковых условий жизни всех первобытных людей должны были бы быть идентичными повсюду на Земле. Именно они, якобы, лежали в основе всех последующих этнокультурных трансформаций, которые реально осуществлялись в различных «географически провинциях» земного шара в виде «этнических идей», являющихся модификациями «элементарных идей». Бастиан надеялся, что, реконструировав «клетки», ему, таким образом, удастся свести все этнокультурное многообразие к нескольким основным элементам, которые в его системе представляли собой своего рода гипотетическую первобытную культуру человечества.

В отличие от Европы, где эволюционистские концепции росли как грибы, в США эволюционизм распространялся сравнительно медленно. Первой работой, основывавшейся на эволюционистском подходе, стала работа Л. Моргана «Системы родства и свойства», опубликованная им еще в 1858 году. Но основное значение, конечно, имела фундаментальная монография «Древнее общество» (1878), на основе которой Ф. Энгельс написал свою еще более знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если суммировать основные методологические идеи этнологических концепций эволюционистского толка, то их можно свести, по меньшей мере, к пяти постулатам:

1. История человечества есть непрерывный прогресс, представляющий собой прямолинейный процесс перехода от простого к все более сложному и подчиняющийся единым универсальным законам развития;

2. Ее началом следует считать некое исходное «первобытное общество», которое имело единые для всех народов социальные, культурные и экономические модели развития;

3. Этногенез мыслится преимущественно как культурное развитие народа (народов), точнее – развитие его (их) культуры. Его основой является первичная культура (культурная целостность), элементы которой так или иначе представлены в каждой культуре. Поэтому развитие культуры каждого этноса происходит в соответствии со стадиями и ступенями, едиными для всех культур в мире;

4. Схожесть тех или иных культур объясняется тем, что все люди имеют примерно одни и те же умственные способности, и в сходных ситуациях будут принимать одни и те же решения. Наличие или отсутствие контактов между культурами принципиального значения не имеет;

5. Современные бесписьменные (примитивные) народы рассматриваются как пережиток древних времен. Предполагалось, что изучение их культур ведет к реконструкции культуры «первобытного общества» в целом.

По мере дальнейшего развития науки и накопления новых эмпирических данных к концу XIX века все чаще стали обнаруживаться слабые стороны эволюционистской парадигмы, находясь в пределах которой этнологам и антропологам не удавалось удовлетворительно объяснить многие факты. Новый обширный этнографический материал во многих случаях не согласовывался с эволюционистскими схемами. Начались поиски новых путей в исследованиях культур, их изменения и распространения. Так возникла парадигма диффузионизма, в основу которой была положена идея не о линейном прогрессе, а о неизбежной диффузии (взаимопроникновении) культур в процессе миграции этносов (народов).

Именно в больших и малых передвижениях (переселениях) народов автор «Антропогеографии» (1909), основоположник диффузионизма Ф. Ратцель и его последователи (Ф. Гребнер, Э. Норденшельд, Э. Фробениус, Г. Элиот-Смит и др.) усматривали источник распространения культуры (культур) или ее (их) элементов из одного или нескольких центров. Исследовательская цель ученых-диффузионистов состояла в точном показе пространственного распространения культур или отдельных культурных элементов, в выявлении областей их происхождения, реконструкции путей перемещения элементов культуры и определения временных рамок этого перемещения.

В рамках парадигмы диффузионизма существовало несколько научных направлений. *Историко-географическое* (в значительной степени связанное с именем Э. Норденшельда, основная работа которого «Сравнительные этнографические исследования» вышла в 1919 году) стремилось, на основе изучения этнических культур, показать временную последовательность культурного развития. *Гелиолетическое* выводило все письменное культурное развитие человечества из Древнего Египта. А концепция «культурных кругов» сводила развитие первобытного общества к нескольким первоначальным культурным кругам, каждый из которых характеризовался определенным набором специфических культурных элементов. На основании этого ранняя культура человечества приравнивалась ко всей совокупности культурных кругов, а последующие этнические варианты культуры могли возникнуть лишь в результате миграций и смешений.

Наиболее полно концепция культурных кругов была разработана в исследованиях Л. Фробениуса и Г. Элиот-Смита, основная работа которого «Культура» увидела свет в 1925 году. Но вне зависимости от направлений, общими для всех концепций диффузионизма были: а) географическая привязка происхождения культурных элементов к определенным регионам, откуда они затем распространялись по планете и б) понимание развития культуры как результата заимствований, переносов и смешений ее элементов. Культура в целом, считали этнологи-диффузионисты, изменяется за счет пространственного перемещения культур отдельных народов и их элементов. Причем это перемещение затрагивает не только предметы материальной культуры, но и отдельные идеи самого разного типа (религиозные, художественные и т.д.), а также целые системы идей: идеологии и мифологии.

Завершая наш, поневоле краткий, обзор трансформации содержания понятий «этнос» и «нация» в философии и общественных науках XVII – XIX века, следует еще раз отметить, что за этот период содержание терминов менялось неоднократно. В зависимости от профессиональной принадлежности и исходной философской позиции исследователей понимание природы и эволюции этих исторически сложившихся, устойчивых общностей людей трактовалась по-разному. В качестве сущностных признаков этносов и наций объявлялись то единство «естественных» условий жизни народов, то единство их хозяйственно-экономических связей, то «языка» и «культуры», а чаще всего – «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого, будто бы, интегрирует людей в этносы и нации. Попытки же выработать некое универсальное и потому приемлемое для всех определение дефиниций также не увенчались успехом.

В итоге многие специалисты пришли к выводу: поскольку дать точное понятийное определение «этносу» и «нации» невозможно, их предпочтительно вообще элиминировать из категориального состава обществознания. С таким предложением выступил, например,

в 1920 году Питирим Сорокин. Спустя тридцать лет к аналогичному выводу пришел Г. Кон, заявивший, что хотя некоторые реальные факторы (территория, государство) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими существование нации нельзя, тем более дать ее «точное понятийное определение» (Kohn, 1950: 34, 37).

Тем не менее изучение этносов и наций было продолжено в рамках структурно-функционального направления социологии (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс), интересно трансформировавшись затем в концепциях Г.Кона и Лудтца, предложивших различать этносы и нации по плотности коммуникационных и информационных связей внутри этих сообществ. Одновременно, в 1950-1970 годы, продолжали развиваться *натуралистический (примордиалистский), социетальный* (в его социоэкономической, политической и культурной версиях) и *субъективно-символический* подходы к изучению этносов и наций. Но ни одна из концепций не смогла предложить критерии, с помощью которых можно было бы точно отличать нации от этносов. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов.

Не случайно, что вслед за П. Сорокиным уже в середине XX века некоторые исследователи (Э. Карр, Г. Кон, Х. Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры». Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведо Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи.

В начале 1980-х годов этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления западно-европейских «национальных государств», получил развернутое теоретическое обоснование сначала в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, К. Дойча, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а чуть позже – в исследованиях Энтони Д. Смита, М. Шадсона, Э. Эриксона и некоторых других зарубежных авторов. Так, к началу последнего десятилетия XX века (помимо уже указанных подходов) окончательно сформировались *социально-конструктивистское* направление исследований, включившее в себя *модернистскую и постмодернистскую* ("когнитивно-лингвистическую") версии социального конструктивизма. Если первая акцентировала внимание на целенаправленных усилиях государства и его политических элит в формировании наций, то вторая в очередной раз предложила сменить "теоретическую оптику" и взяв на вооружение "парадигму стратегического релятивизма" (Гранин, 2014d) подвергнуть критике (путем «деконструкции») «язык» (понятийный аппарат) традиционных исследований рас, классов, этносов, наций и национализма.

Ведущими представителями этого направления являются Роджер Брубейкер, Фредерик Купер, Мара Лавмэн, Петр Стаматов, Дэвид Лэйтон и некоторые другие авторы. Методологические и философские основания их позиции, повторю, можно охарактеризовать как когнитивно-лингвистический конструктивизм и релятивизм, изрядно приправленный методологией инструментализма. Они позволяют авторам не только «объяснить упорное отстаивание группизма на практике», но и утверждать, что «расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира» (Брубейкер, 2012: 152). Эпистемологическая подоплека этого взгляда состоит в «переносе внимания аналитиков на «создание групп» и «группирующие» деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация» (Брубейкер, 2012: 153). Именно эти когнитивные процедуры – и прежде всего «категоризация» населения, осуществляемая спонтанно индивидами, государствами и организациями, – создают «группы» и «приписывают» к ним членов. И вне этих многочисленных и повсеместных актов категоризации группы не существуют. «*Раса, этничность и национальность, – утверждает Брубейкер, – существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через*

них. Они не вещи – в мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» (Брубейкер, 2012).

Разумеется, протест Брубейкера против наивного реализма и отмечаемая им зависимость содержания знания от языка исследования, испытывающего влияние культурно-исторического и социального контекста, не могут вызвать возражений. Социальная реальность действительно конструируется не только посредством образующих теории и парадигмы категориальных сетей и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятия и вербальной активности субъекта. Но констатация этого обстоятельства не снимает, а лишь актуализирует вопрос о наличии некоторого независимого (объективного) от субъекта содержания научного и вненаучного знания. Именно эта проблема, по моему мнению, осознанно выносятся «за скобки» рассуждений сторонниками когнитивно-лингвистической версии социального конструктивизма, придерживающихся, в зависимости от предпочтений, релятивистской, конвенционалистской или прагматической концепций истинности социального знания.

На излете XX века парадигма стратегического релятивизма оказала значительное влияние на отечественных исследователей (В.А. Тишкова, В.С. Малахова и др.), из рядов которых раздались призывы «забыть» об «этнотах» и «нациях». Последние было предложено понимать не иначе как «категории политической практики», используемые националистами для достижения своих целей (Тишков, 1998: 3-26). Между тем в современных исследованиях, обращающих внимание на то, что принадлежность к нации определяется человеком в процедурах самоидентификации, «нация» понимается не как «группа», а как «социальная общность». То есть – связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве. Последнее совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и государственной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ «нации» («России», «Франции» и т.д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями (Гранин, 2014а; Гранин, 2004; Гранин, 2007).

3. Заключение

Возможно, понятие «нация» или понятие «этнос» не имеют высокой инструментально-аналитической ценности. Но это не повод от них отказываться. Они могут быть продуктивно использованы в междисциплинарных концепциях большой степени общности. Тем более не следует квалифицировать их как «фиктивные понятия», созданные исключительно в процедурах культурной репрезентации социального мира.

Литература

- Бауэр, 1909 – Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
 Брубейкер, 2012 – Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с английского И. Борисовой. М., 2012.
 Гегель, 1935 – Гегель Г. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935.
 Гегель, 1956 – Гегель Г. Сочинения. Т. III. М., 1956.
 Гегель, 1977 – Гегель Г.В.Ф. Философия духа. Т.3, М., 1977.
 Гегель, 1978 – Гегель. Конституция Германии. Политические произведения. М, 1978.
 Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // Свободная мысль. 1994. №2-3.
 Гранин, 2004 – Гранин Ю.Д. Образование в контексте глобализации // Высшее образование в России. 2004. №12. С. 112-116.
 Гранин, 2006 – Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. № 10. С. 150-156.
 Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // Высшее образование в России. 2007. №10. С. 116-121.
 Гранин, 2012 – Гранин Ю.Д. Проекты грядущего мирового порядка: между "национальным" и "космополитическим" // Вестник Российской Академии Наук. 2012. Т. 82. №9. С. 807-813.

- Гранин, 2013 – Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. Опыт социально-философского исследования. М.: Медиаиндустрия, 2013.
- Гранин, 2014a – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // *Век глобализации*. 2014. №1. С. 90-103.
- Гранин, 2014b – Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. М.: Русника, 2014.
- Гранин, 2014c – Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Экспертные решения, 2014. 240 с.
- Гранин, 2014d – Гранин Ю.Д. Парадигма "стратегического релятивизма" и исчезновение "групп" // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2014. №1. С. 33-39.
- Маркс, Энгельс – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
- Ренан, 1886 – Ренан Э. Что такое нация. СПб., 1886.
- Сталин – Сталин И.В. Соч. Т. 2.
- Стюарт, 1907 – Стюарт Милль Дж. Представительное правление. СПб., 1907.
- Тишков, 1998 – Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // *Вопросы философии*. 1998. № 9. С. 3-26.
- Хабермас, 2001 – Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб, 2001.
- Kohn, 1950 – Kohn H. Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur französischen Revolution. Heidelberg, 1950.
- Vierkandt, 1923 – Vierkandt A. Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. Stuttgart, 1923.

References

- Bauer, 1909 – Bauer O. (1909). Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya [Ethnic question and social democracy]. SPb. [in Russian]
- Brubeiker, 2012 – Brubeiker R. (2012). Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Per. s angliiskogo I. Borisovoi. M., 2012. [in Russian]
- Gegel', 1935 – Gegel' G. (1935). Sochineniya [Works]. T.VIII. M.-L. [in Russian]
- Gegel', 1956 – Gegel' G. (1956). Sochineniya [Works]. T.III. M. [in Russian]
- Gegel', 1977 – Gegel' G.V.F. (1977). Filosofiya dukha [Spirit philosophy]. T.3, M. [in Russian]
- Gegel', 1978 – Gegel' (1978). Konstitutsiya Germanii [Constitution of Germany]. Politicheskie proizvedeniya. M. [in Russian]
- Granin, 1994 – Granin Yu.D. (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and ecological consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. [in Russian]
- Granin, 2004 – Granin Yu.D. (2004). Obrazovanie v kontekste globalizatsii [Education in the context of globalization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №12. pp. 112-116. [in Russian]
- Granin, 2006 – Granin Yu.D. (2006). Rol' obrazovaniya v formirovaniі rossiiskoi natsii [The role of education in the formation of the russian nation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 10. pp. 150-156. [in Russian]
- Granin, 2007 – Granin Y.D. (2007). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 116-121. [in Russian]
- Granin, 2012 – Granin Yu.D. (2012). Proekty gryadushchego mirovogo poryadka: mezhdū "natsional'nym" i "kosmopoliticheskim" [Projects of the future world order: between "national" and "cosmopolitan"]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*. T. 82. №9. pp. 807-813. [in Russian]
- Granin, 2013 – Granin Yu.D. (2013). Globalizatsiya, natsii i natsionalizm. Istoriya i sovremennost'. Opyt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya [Globalization, nations and nationalism. History and present. Experience of social and philosophical research]. М.: Медиаиндустрия. [in Russian]
- Granin, 2014a – Granin Yu.D. (2014). Natsional'noe gosudarstvo. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee [National state. Past. Present. Future]. СПб.: Экспертные решения, 240 p. [in Russian]
- Granin, 2014b – Granin Yu.D. (2014). Paradigma "strategicheskogo relyativizma" i ischeznovenie "grupp" [Paradigma of "a strategic relativism" and disappearance of "groups"]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. №1. pp. 33-39. [in Russian]

[Granin, 2014c](#) – *Granin Yu.D.* (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: the dialectic of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 90-103. [in Russian]

[Granin, 2014d](#) – *Granin Yu.D.* (2014). Natsional'noe gosudarstvo v globaliziruyushchemsya mire [The national state in the globalized world.]. M.: Rusnika. [in Russian]

[Khabermas, 2001](#) – *Khabermas Yurgen* (2001). Vovlechenie drugogo [Involvement of another]. *Ocherki politicheskoi teorii*. SPb. [in Russian]

[Marks, Engel's](#) – *Marks K., Engel's F.* Soch. [Works]. T. 4. [in Russian]

[Renan, 1886](#) – *Renan E.* (1886). Chto takoe natsiya [What is a nation?]. SPb. [in Russian]

[Stalin](#) – *Stalin I.V.* Soch. [Works]. T. 2. [in Russian]

[Styuart, 1907](#) – *Styuart Mill' Dzh.* (1907). Predstavitel'noe pravlenie [Representative board]. SPb. [in Russian]

[Tishkov, 1998](#) – *Tishkov V.A.* (1998). Zabyt' o natsii (Postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forget about the nation (post-nationalist understanding of nationalism)]. *Voprosy filosofii*. № 9. pp. 3-26. [in Russian]

[Kohn, 1950](#) – *Kohn H.* (1950). Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur franzosischen Revolution. Heidelberg.

[Vierkant, 1923](#) – *Vierkant A.* (1923). Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. Stuttgart.

Эволюция понятия "нация" и его современные трактовки

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а,*}

^а Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII – начала XX столетий, выявляются философские основания и исследовательские парадигмы концепций происхождения и эволюции этносов и наций. Подробно анализируются натуралистический (примордиалистский), антропологический, политический, социентальный (в его социоэкономической и культурной версиях), субъективно-символический и этносимволический подходы к изучению этносов и наций, рассматриваются их достоинства и недостатки. Особое внимание автор уделяет критике парадигмы современного "стратегического релятивизма", адепты которой предложили отказаться от понятия "нация".

Ключевые слова: антропология, нация, этнос, философия, этнопсихология.

* Корреспондирующий автор

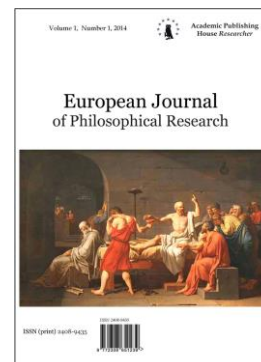
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 31-46

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.31
www.ejournal17.com

The Problem of Anthropodization in Modern Times. The System of Mass Communications and Media Culture of the Individual

Alex A. Kalmykov ^{a, *}

^aRussian State University for the Humanities, Academies of the media industry,
Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the actualization of the problem of anthropodicy (human justification). In the context of Russian religious philosophy of the late nineteenth and early twentieth centuries, human justification is possible only with simultaneous theodicy (justification of God). It is shown in the modern world, where media define and construct reality, the problem of anthropodicy can not be posed. However, the hypertext structure of the mass communication system allows us to develop new approaches to the actualization of anthropodicy. This is necessary in order to counteract the onset of posthuman civilization.

Keywords: anthropodicy, theodicy, hypertext, mass communication system.

1. Введение

Антроподицея, т.е. проблема оправдания человека, достаточно широко и продуктивно обсуждалась на рубеже веков в русской религиозной философии, однако сегодня как будто отошла на второй план философского дискурса. При этом новые цивилизационные вызовы достаточно очевидны. Причем их мощь ничем не уступает тому, что происходило в начале XX века. По моему мнению, причиной является тотальная медиированность реальности современности. Однако загадка человека, смысла его жизни и его предназначения, то есть всего того, что очерчивается термином «антроподицея», так и остаётся неразгаданной и безответной.

В настоящей статье я попытаюсь актуализировать проблему антроподицеи, показать необходимость этого, а также обозначить стратегии преодоления вызовов возможного постчеловеческого мира.

2. Основное содержание

«Среди предметов необъятного мира вижу и себя – человека. Кто Я? Откуда и для чего являюсь на Земле? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределённый, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего. <...> Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется

* Corresponding author
E-mail addresses: alex.kalmykov@gmail.com (A.A. Kalmykov)

смертью <...>, но во мне живёт убеждение невольное естественное, что я бессмертен. <...> Человек – тайна для самого себя», (Джерджен, 2000: 537) – писал святитель Игнатий (Брянчанинов).

Проблема оправдания человека, казалось бы, столь многопланово и многослойно обсуждаемая в начале XX века, особенно в русской религиозной философии, сегодня, в начале XXI–го, рискует вновь стать главной темой и научного и богословского дискурса. Христианский ответ на вопрос о цели и смысле человеческого земного существования известен: укоренённость в Боге и домостроительство Спасения.

Почти трагическую формулировку проблемы антроподицеи находим у богослова и философа Н.В. Несмелова: «Природа человеческой личности доказывает собой действительное существование Бога и оправдывает истину религиозно–нравственного сознания в человеке. Однако путём этого оправдания и доказательства утверждается только действительность загадки о человеке, а самая загадка нисколько не разъясняется. Если верно, что в природе человеческой личности фактически дан образ безусловного бытия, то само собой разумеется, что человек есть не то, чем он является в мире, а потому он и должен быть не тем, чем он может быть по условиям своего физического существования. Но так как это должное бытие на самом деле оказывается совершенно недостижимым, то признание его истины неизбежно влечёт за собой двойное противоречие: необходимую действительность наличной жизни приходится считать неистинной, а истину жизни, долженствующей быть, приходится считать по отношению к человеку совершенно недействительной» (Маклюэн, 2003). Так начинается первый абзац параграфа с характерным названием «Безответный вопрос о конечном назначении человека (гл. IX. Загадка о человеке).

Подобная обострённая постановка проблемы оправдания человека в форме двойного противоречия естественным образом выводит антроподицею в предметную область не только философской антропологии, что можно считать вполне естественным, но и в сферу интересов других философских наук: прежде всего онтологии, аксиологии, праксиологии, социальной философии и т. п. Что касается последнего, то вероятнее всего столь широкий интерес к данной проблеме со стороны отечественных мыслителей рубежа XIX–XX веков был обусловлен предчувствием социальных потрясений и кардинальной перестройки повседневности, в которой нужно было вновь искать место Христу, смиряясь или противясь социальному злу, а также с новых позиций исследуя природу социального зла. Характерны в этом плане «проклятые вопросы», мучившие Ф.М. Достоевского, а также известное блоковское «В белом венчике из роз, – впереди – Иисус Христос».

Приведём ещё один фрагмент текста Н.В. Несмелова, в котором он как бы объясняет, а, по сути, оправдывает наступающий материализм: «пока существует это роковое противоречие (между есть и является. – А. К.), человек естественно может стремиться к утверждению себя в одном только образе мира физического, и эта попытка естественно может увлекать собой научно–философскую мысль человека, потому что она действительно ведёт к полному устранению всех противоречий в мышлении о человеке, и тем самым она весьма легко может вызывать иллюзорную надежду человека на полное устранение этих противоречий и в действительной жизни его» (Маклюэн, 2003).

У о. Павла Флоренского антроподицея жёстко связывается с теодицеей, которая есть «восхождение нас к Богу» («восхождение благодати в нас к Богу»), а антроподицея – «нисхождение Бога к нам» («нисхождение благодати в наши недра») (Гранин, 1994: 5-6). Получается, что оправдание человека вовсе не его дело, а прямое участие Божественной Благодати, что и отвечает на основной вопрос антроподицеи: «Какими путями человек принимает Божие спасение в себя и спасается своим Спасителем?» Напротив, теодицея – оправдание Бога – прямая задача человека, которую следует решать, приобщаясь к жизни Церкви и таинствам. Отец Павел так и говорит, что речь должна идти «о категориях духовного сознания и об откровении Божиим в Священном Писании; о священных обрядах и о святых таинствах; о Церкви и её природе, о церковном искусстве и церковной науке и т. д. и т. д. А это всё должно быть обрамлением центрального вопроса антроподицеи – христологического» (Гранин, 1994).

Недостаточность чисто рационального взгляда на проблему иллюстрирует высказывание великого русского художника В.М. Васнецова: «Христианское учение о

нравственности тесно связано с верой в бессмертие человеческой души и с верой в Христа, как Сына Бога Живаго, утвердившего эту веру на земле. <...> Если Христос Иисус только лучший, умнейший, возвышеннейший человек, то нравственное его учение теряет силу обязательности. <...> Не разумнее ли спасать и оберегать здоровых и сильных (как у древних), а слабых и больных предоставить их участи? <...> Зачем мне стремиться лично делать добро, а если зло мне лично выгоднее? <...> А у науки нет незыблемых оснований возразить против такой тёплой морали. Правда, такую мораль можно назвать звериной, но ведь человек с одной своей наукой, без Бога и Христа, неудержимо стремится к идеалу человека – культурного зверя, ибо если человек не носит в себе образа и подобия Божия, то, конечно, он зверь – высший зверь – образ и подобие зверино» (Васнецов, 1987: 218).

Прав Н.В. Несмелов – существует соблазн найти разрешение «рокового» противоречия вне Бога, и оно действительно может быть получено, например в форме: «Цель жизни – жизнь». То есть сам факт нашего существования свидетельствует о присутствии некоего смысла жизни, без признания которого человек, обладающий сознанием, просто существовать не может, независимо от того, признаёт он наличие смысла или нет.

Однако подобный экзистенциальный путь мышления привёл, с одной стороны, к образу «постороннего» А. Камю, а с другой, к «сверхчеловеку» Ф. Ницше. И то и другое, в сущности, лишало человека человеческого или сводило его к звероподобной биологической форме существования, к культурному зверю – слабому и подвластному обстоятельствам и стихиям постороннему или сильному сверхчеловеку, сумевшему встать над ними. Смысл жизни и того и другого не определён, а точнее, полностью отсутствует.

Есть известная православная формула: «Человек – Ангел Земной и Тварь Небесная», в которой ясно прописана двойственность человеческой природы. С.Л. Франк писал: «...Личность может быть постигнута лишь трансрационально–монодуалистично, как единство раздельности и взаимопроникновения – как такое единство, сущность которого заключается в его непостижимости» (Флоренский, 1914: 53).

Тем не менее, научно–философская мысль неоднократно осуществляла попытки оправдать и объяснить человека из самого себя, то есть в рамках гуманизма. В этом смысле примечательна статья П.С. Гуревича и В.С. Стёпина «Философская антропология: Очерк Истории», в которой проводится анализ различных концепций человека и антропогенеза в контексте философской антропологии. Хотя в ней авторы весьма иронично возвышаются над теологическими объяснениями: «...трезво пронизательное продумывание хода человеческой истории избавляет философов от теологических мифов, от неблагоприятной веры в предзаданность исторического процесса...» (Гуревич, Стёпин, 1994: 163), тем не менее они вынуждены констатировать: «Высшее самосознание человека необъяснимо из природного мира и остаётся тайной для него. Оно есть абсолютный предел для всего научного познания <...> антропологическое сознание предшествует не только онтологии и космологии, но и философии познания, гносеологии, предшествует, по существу, всякой философии. Человек – особый род сущего <...>. Специфически человеческое нередко ускользает от сайентистской парадигмы. Даже социология и психология не способны, судя по всему, дать идеальный образ человека и раскрыть проблему антропогенеза. В своей свободе и спиритуалистичности человек возвышается над природой. Человек не просто биологический феномен. Он существо, которое, несмотря на все ограничения, имеет трансцендентальную природу <...> и обладает возрастающей способностью подчинить природу человеческому контролю» (Гуревич, Стёпин, 1994: 163).

Последнее, впрочем, вызывает обоснованные сомнения. Куда уж человеку подчинять и контролировать природу, когда он сам себя подчинить и проконтролировать не может и когда его собственная реальность может быть подвергнута сомнению? В самом деле: каждое мгновение нашей индивидуальной жизни что-то в нас меняется. Какие-то клетки умирают, какие-то рождаются снова. Подобное происходит и с мыслями, и с чувствами. Тем не менее, мы всё время считаем себя самими собой, но на каком основании? Когда человек погружается в обычный сон, или подвергается гипнозу, или падает в обморок, какие у него основания считать, пробудившись, что он – это по–прежнему он, а не кто-нибудь другой? Гуманистическое решение этой проблемы отсутствует. Лучшее, что может предложить гуманизм (в качестве идейно–философской и мифологической базы современного знания), – это уже упоминавшийся бессмысленный экзистенциальный лозунг «Цель жизни –

жизнь». Поиски же основания человека в социуме «человек – общественное или политическое животное» приводят к элиминации свободы и модели муравейника.

Одной из предельных точек развития (если вообще не абсолютной вершиной) гуманизма можно признать учение Н.Ф. Фёдорова (Соловьёв, 1990), поставившего перед человечеством грандиозную задачу. По Н.Ф. Фёдорову, общим делом человечества (долгом сынов) является воскрешение всех умерших. Он описал, для чего это необходимо и как этого можно в принципе достичь. Но ему так и не удалось ответить на вопрос: на каком основании можно считать, что наука, пусть даже действительно способная реконструировать почивших, воскрешая, получит тех же самых людей, а не просто произведёт новых из старого материала? Вернее, он даже и не задавал себе такого вопроса, полагая, что человек полностью определяется своей памятью.

Таковым ли было воскрешение Лазаря? «Когда Голос владычный, сойдя во гроб с великим светом, сразу начал насаждать на голове Лазаря волосы, влагать мозг в опустевшие кости, наполнять живую кровью вены, – поражённые подземные силы кричали друг другу: кто это зовёт? Кто это самовластный? Голос человеческого звука, а сила Божия» (Плугин, 1974: 852). Не просто возвращение к жизни, а утверждение победы над смертью и, более того, владычества и над жизнью и смертью, а значит, и над всем тварным миром. Сам воскресший (в каноне к Лазарю XVI в.) обращается к Христу с такой речью: «Одеял мя, Господи, в берненное тело и вдохнул ми еси жизнь, и видех свет Твой, и въздвигл мя еси мертва повелением си. Жизнь славлю и чту и свет Отца, Сына, также и дух, Троицу Святую, неслияную ту же в трёх лицах» (Носов, 2001).

Глубокий философский смысл Чуда Воскрешения Лазаря, переносящий центр значения от собственно возвращения жизни (и раньше Спаситель исцелял и воскрешал) на благовестование Спасения «новому» человеку в полноте этого понятия раскрывается в иконе св. прп. Андрея Рублёва из Благовещенского иконостаса. Явное различие иудеев (ветхого Израиля), которые изображены поверженными смертью, утраченными ею и апостолов (нового Израиля), глазам которых открывается Божественный Свет (так же, как различие ролей Марфы – синагоги и Марии – Церкви), открывает суть происходящего вселенского события – перехода к новой вечной жизни во Христе и избавления от проклятия смерти и греха.

«Азмъ есть истина и жизнь» – говорит Спаситель. Оправданием человека полагается Сам Бог. Ясно также, что воскрешение Лазаря было прообразом действия «всеобщего закона воскресения» (по Несмелову – антропологического закона). «Итак, человеческая природа Христа никогда не перестанет быть нашей природой, и материальное Тело Его никогда не перестанет быть частью нашего материального мира. Т. е. Богочеловек Иисус Христос вступил в состав своего творения, и мир стал уже другим. Поскольку человеку невозможно полностью реализовать свою обоженную природу в условиях этого извращённого и грешного материального мира, то Христос создаёт ему «новое небо» и «новую землю». В этот «новый мир» человек входит через своё воскресение. Воскреснут все – это антропологический закон, который осуществится во Второе Пришествие Христово. Поэтому Искупление мира Христом есть как бы новое творение» (Кастельс, 2004).

Подытоживая этот небольшой и далеко не полный экскурс в проблематику антропологии, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, при всём многообразии подходов к исследованию данного вопроса русскую философскую и религиозную мысль объединяет понимание того, что сама постановка проблемы оправдания человека невозможна вне религиозного мировоззрения, то есть антропологии вне Бога ни смысла, ни содержания не имеет.

Во-вторых, философы рубежа XIX и XX веков пытались оправдать человека или определить смысл его жизни в условиях, когда, по словам Флоренского, терялся основной масштаб – масштаб самого человека. Это было связано с социальными реалиями эпохи модерна: механистической картиной социального мира, идеей прогресса, идеей полезности социальных революций, научного рационалистического мировоззрения как единственно правильного и т. п.

В-третьих, русская философия, исследуя проблему человека, оставила нам богатейшее наследство, которым мы пока не научились толком пользоваться. Дело в том, что в трудах этих мыслителей встречается немало откровений из области практической психологии,

социологии, социальной философии, политологии и т. п., до которых западная мысль дошла значительно позже либо с совершенно других позиций. Русская философия, всё-таки как правило, работала, решая задачу внесения даров Православия в науку, сформулированную позже И.А. Ильиным. И это имело свои плоды.

В целом, антроподицея рассматривалась в реальности, сконструированной личностью на основе опыта общения с социальным и физическим миром и личного религиозного опыта, который утверждал присутствие вечности, бессмертия, спасения, Бога, то есть в реальности, существенно отличной от той, в которой пребывает современный человек.

Эйкос человечества сегодня напоминает дом, в котором вместо стен, окон и дверей плотно пригнанные друг к другу экраны, проецирующие всё, к чему человек должен по чьему-то мнению проявлять интерес. Они преграждают путь к тому, что он сам мог бы увидеть в окружающем мире. Подобно тому, как древний человек прятался в пещере, защищаясь от слепых природных сил, – современный человек прячется от собственного опыта, вооружаясь медийными шорами. Он живёт в медиированной реальности, которая заполняет до 90 % его личного пространства.

Да и сама современность является медийно-маркетинговой конструкцией. Жизненные циклы производства, потребления и утилизации вещей выступают в роли вещных часов-ходиков, определяющих степень современности и жизненные циклы их производителей и пользователей. Есть вещи современные, и есть вещи устаревшие, только приобретение первых и избавление от вторых (утилизация) означает современность. Другое поведение свидетельствует об отсталости. Быть современным, пребывать в современности – значит осовременивать обновление товаров на рынке. Причём уже здесь выделяется дорогая и дешёвая современности, снабжённые атрибутами элитарности и общедоступности соответственно, заменяющие собой качества сакральности и профанности. Есть и бесплатная современность для нищих, выступающая в качестве средства управления массами. Во всех случаях для поддержания свойств современности широко используются информационно-коммуникативные технологии, задачу которых можно свести к брэндированию современностей разного ранга и связыванию материальной продукции со свойствами хронобрэндов (Игнатий).

Таким образом, мы живём уже в проданном времени, а личное время – время осмысления, время понимания себя сокращается, как шагреновая кожа.

Почти то же самое происходит и с пространством. «Современные люди – *urbannomads*, «городские кочевники». За их внимание борются множественные визуальные каналы коммуникации – от экрана смартфона до многоэтажного здания. Что происходит с пространством, оказывающимся в распоряжении корпораций, и что такое глобальный массовый орнамент? Мы имеем дело не просто с суммой известных практик – архитектурных/семиотических, – но с новым явлением, в рамках которого используются социальные медиа и даже сами по себе социальные процессы» (Якимова, 1999).

Что при этом происходит с человеческим сознанием, миром, в котором он живёт, и как в этом мире жить, не теряя человеческое? Характерный пример – реклама ЖК-телевизора со слоганом – «Добро пожаловать в новую реальность», и здесь это вовсе не фигура речи, а стратегия развития медиированной реальности.

В целом речь идёт о проблеме экологии информационно-коммуникативных сред (Соловьёв, 1990), то есть о связи качества коммуникативной среды и качества жизни, для обеспечения которого необходимы изменения структуры сознания и мышления в направлении достижения соответствия усложняющемуся миру. Не менее значимыми являются проблемы психологических загрязнений и защиты от токсичной информации, распространение которой можно назвать информационным терроризмом. Всё это можно обозначить как фактор медиа, включая всё то, что нас сегодня куда-то зовёт, что-то нам обещает и создаёт, прежде всего, городской мир, городскую среду нашего существования.

«Христианство впервые отделило *sacrum* от *profanum*. И в этом отношении <...> христианство является началом настоящей свободы» (Современная западная..., 1992: 157), – писал Владимир Соловьёв. Однако среди множества техник медиаконструирования реальности присутствуют техники смешивания сакрального и профанного и подмены одного другим. Например, рекламный плакат, изображающий стол, покрытый скатертью с портретами английской королевы и уставленный водкой и икрой. За счёт сакрального

объекта, которым является портрет английской королевы, осуществляется сакрализация профанных объектов. Происходит профанация сакрального и, соответственно, восходящая сакрализация профанного. Смысловое расстояние между ними глобально уменьшается, то есть осуществляется антихристианское действие, поскольку именно христианство открыло пути разграничения и различения сакрального и профанного и выделение сакрального в отдельную зону. Современные медиатехнологии уничтожают эту грань, что, разумеется, можно списать на стилистику постмодерна, однако трудно не увидеть опасную тенденцию воинственной десакрализации. Достаточно вспомнить выставку «Осторожно, религия!» и кощунственное хулиганство в Храме Христа Спасителя. Но подчеркну, десакрализация касается не только религиозных символов, но и охватывает более широкую область и эксплуатируется в качестве маркетингового приёма.

Может ли в такой реальности быть поставлен вопрос об антроподицее?

К фактору медиа, естественно, относятся традиционные средства массовой информации, глобальные телекоммуникационные средства (сеть) и сумма технологий работы с массовой аудиторией: политические технологии, PR, реклама и др. Всё это вместе составляет глобальную систему массовых коммуникаций (СМК).

Наиболее существенны для обсуждаемой темы следующие системные свойства СМК:

1. *Способность СМК генерировать фактичность общей событийности*

СМК создало условия, при которых каждый представитель человечества насильственно оказался причастным ко всем событиям, независимо от того, где эти события происходят и имеют ли они к нему отношение.

В этом главная пружина информационной глобализации, которая, с одной стороны, обеспечивает расширение поля сознания и формирование чувства принадлежности к глобальным цивилизационным процессам, но, с другой, разрушает всякую частность. Причём виртуальные реальности общей событийности имеют более низкий онтологический статус, чем частная событийность. В итоге формируется норма сниженного эмоционального реагирования на плохое и хорошее, то есть эмоциональное оупение и нравственный ступор. Так под информационно-коммуникативным ударом оказывается личность человека, его эмоционально-волевая сфера.

2. *Направленность СМК на глобальную структуризацию событийности в слове и языке*

Условием появления системы массовой коммуникации как целостности является наличие метаязыка, связывающего все языки, и не только естественные национальные языки, но и профессиональные сленги, языки программирования, языки символов, языки жестов, языки газетных заголовков и др. Однако составить его словарь и написать правила вряд ли станет возможным. Впрочем, такие попытки предпринимаются, в частности в проекте третьей версии сети, что предполагает алгоритмизацию процессов производства понятий и стандартизацию правил вывода. Если действительно мегамашину (СМК) научат работать с понятиями и делать выводы, то какое влияние это окажет на культуру? Ведь машина это будет делать явно примитивнее, но зато неизмеримо быстрее.

Интернет уже сегодня, как информационная система, позволяет структурировать знание относительно любого произвольного понятия или термина, то есть знание становится принципиально и во всём релятивистским, поскольку в качестве первоначала конструируемой системы понятий может быть использовано произвольное высказывание. Каждый пользователь приобретает способность словом заново пересоздавать вселенную, правда, только свою и только виртуальную. Бесконечная вариативность и произвольность этих вселенных напоминает новое вавилонское столпотворение.

Возникает парадоксальная ситуация, когда развитие коммуникаций приводит к невозможности коммуникации, поскольку каждый индивид замыкается в своём искусственно созданном мире.

Современный русский философ Ф.И. Гиренок (Гиренок, 1995) обозначил некоторый дословный период развития человеческой культуры, при котором слово ещё не являлось средством коммуникации, а играло роль камертона, настраивающего общество на гармонические вибрации общего смысла. Слово изначально не требовало шифрования и дешифрования, так как не являлось системой условных знаков и, следовательно, не требовало и перевода с одного языка на другой. Язык как самоопределяющаяся

лингвистическая система ещё не существовал. Слово было фонетическим образом бытия, понятным без перевода всем тем, кто имел отношение к Бытию. Быть Человеком (слав. Словеком) означало просто Быть, то есть общаться не только с людьми, но и со всеми другими тварями, имеющими дар жизни, но в первую очередь с Творцом.

Изобретение алфавита и письменности способствовало превращению слова в код и, соответственно, разделению единого человечества на языки. Вавилонское столпотворение как раз и иллюстрирует перерождение слова и его следствия – разделению языков. Примечательно, что образ зиккурата всё чаще появляется на страницах популярных изданий в связи с глобализацией и глобальными коммуникациями, как будто, несмотря на декларируемый всеобщий плюрализм, абсолютную толерантность и политкорректность, человечество ждёт новое разделение, множественность иерархий постсловности посткоммуникативной цивилизации.

3. *СМК способно производить собственные события*

Если М. Маклюэн придавал медиа функции глобального медиума, то медиа в формате СМК уже больше чем медиум. Это Демиург. Здесь существенное отличие СМК от СМИ. Суть его в том, что структура информации, а не сама информация является условием коммуникации, следовательно, событие – это порождение новых коммуникаций. Произошедшее в предэкранном мире имеет значение только в том случае, если оно порождает или способно породить новые коммуникации. Причём только те из них, которые могут вызвать структурные изменения в самой системе. Так, например, «раскрутка» есть не что иное, как создание новой коммуникативной структуры, центрированной тем, что раскручивается, например, брендом. Тот факт, что подчас, как в примере с брендом, новая коммуникативная структура центрируется симулякром, заставляет переносить уже на неё свойства знака без значения – пустого знака.

Наиболее осязаемым в СМК является возникновение коммуникаций нового типа, то есть упомянутых симулятивных коммуникаций. Действительность уже не отражается СМК, а управляется ею. В этом смысл понятий медиированной реальности и конструкционистского подхода к анализу современности. Нас уже не спрашивают, нам рассказывают и показывают.

4. *СМК устанавливает новые критерии достоверности, верифицируемости и способы интерпретации события через референцию структуры информации*

Качество информации о событии становится зависимым не от её новизны, полноты, логичности, ясности и других привычных критериев, а от того, в какой степени эта информация способна центрировать собой порождённую ею коммуникативную структуру, что в свою очередь зависит от того, насколько форма её представления соответствует сложившимся на данный момент нормам. Известная оппозиция «содержание – форма» в СМК приведена к конструктам: «формат–контент» и «дизайн–контент», в которых снято исходное категориальное противопоставление.

По М. Маклюэну, «средство есть сообщение». Факт установления коммуникации для передачи контента – уже контент. Отсюда и появляется новый критерий достоверности – более достоверно то, что по своей структуре более соответствует СМК в целом и выработанным внутри неё форматам. Например, так называемый плоский текст, то есть сообщение, не связанное гиперссылками с другими текстами, априори менее достоверно, чем текст, отсылающий к другим текстам. Это значит, что смысл сообщения более содержится в формате или дизайне, чем в контенте.

Современная практика массмедиа породила такое понятие, как неформат. Так говорят про сюжет или статью, которые по каким– то причинам не подходят изданию или передаче, подчёркивая тем самым закреплённое за медиа право фильтрации фактичности по форме. Говорят также о вливании контента в формат, и если это удаётся сделать, то соответствующий материал попадает в эфир или выходит в свет. Процесс подгонки содержания под форму, а не выбор формы для содержания, является главным элементом технологии современных СМИ.

Из сказанного становится ясным – медиированная реальность действительно ставит перед человеком задачу адаптации к себе, что подразумевает изменение форм мышления, сознания, эмоциональной сферы, воли и, конечно, отношения к самой реальности.

Но, повторимся, можно ли при этом ставить вопрос об антроподицее, то есть можно ли найти формы оправдания именно человека (а не маркетингового автомата)?

Мне кажется, что на этот вопрос отвечает один рекламный плакат страховой фирмы. На нём изображена женщина, возлежащая на земле. Она счастлива и спокойна, потому что её защищает простертая над ней и закрывающая собой небеса длань корпорации. Иными словами: рука корпорации спасает и защищает, а человек оправдан уже тем, что потребляет предоставленную ему защиту. Вне потребления нет ни оправдания, ни смысла жизни. Длань корпорации не только защищает и спасает, но и заново пересоздаёт, конструирует реальность, поскольку только в такой реальности она действительно способна защищать и спасать.

Это свидетельствует о том, что в этой реальности проблема антроподицеи в принципе не может быть даже сформулирована. Вместе с тем концепция конструируемости реальности, несмотря на свою спорность, стала общим местом и в современном гуманитарном научном дискурсе. С ней связано и обсуждаемое понятие «медиированной» реальности – реальности, полностью заполненной медиа. Реальность сводится к интегралу не нашего личного осмысления происходящих событий, а их интерпретаций, предлагаемых множественными информационно–коммуникативными практиками.

По представлениям Ю. Хабермаса, стремясь к пониманию реальности, индивид прилагает интерпретационные усилия, выявляя смыслы сообщений. Совокупность смыслов составляет «жизненный мир» участников коммуникации. Это означает, что социальные процессы (процессы интеграции, социализации, институализации) с необходимостью протекают в проинтерпретированной культурно–коммуникативной сфере. В соответствии с трактовкой действия через понимание Ю. Хабермас определяет понятия культуры, общества и личности: «Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам» (*Современная западная..., 1992*). При этом под «коммуникативным действием» понимается механизм сохранения или обновления консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества.

Хабермасовская интерпретационная модель сводит культуру к некому банку интерпретаций, процесс упорядоченности которого подчиняется общему вектору – достижению всеобщего консенсуса. Индивид получает готовые образцы интерпретаций и способов интерпретаций, и по мере их потребления становится человеком культуры – личностью. Уже здесь обращает на себя внимание то, что правила интерпретации оказываются вне личности, от которой требуется лишь волевое усилие к обретению консенсуса, то есть единообразного понимания реальности. Отметим, что подобное понимание вполне соответствует эпохе модерна, но в постмодерне наблюдается прямо противоположный процесс – атомизация и фрагментация интерпретационных усилий, которая, впрочем, не умаляет диктата усиливающегося «коммуникативного действия» (*Гранин, 2007; Федоров, 1982*).

Мир XXI века действительно всё в большей степени презентуется в коммуникативной медиаформе. В итоге эпистема обыденности сегодня – набор не связанных друг с другом знаниевых фреймов – клипов, в точности иллюстрирующих бодрийеровское понятие «симулякр». Это как раз и есть отличительная черта постмодернового мировосприятия.

Новейшие информационно–коммуникативные технологии рассказывают нам о реальности, не оставляя возможности осваивать её самостоятельно и непосредственно. Речь идёт о том, что Мишель Фуко называл тотализирующим дискурсом. Реальность конструируется, проектируется, сценируется, но не нами. Американский медиолог Д. Рашкофф (*Рашкофф, 2003*) предупреждает даже о теоретической возможности контроля инфосреды над человечеством и о перспективе возникновения патогенных медиавирусов, искажающих социальную реальность. То есть допускается возможность конструирования реальности людей уже не людьми, а машиной.

Представители Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм) утверждали, что организованность современного общества реализуется на основании экономико–технического координирования, осуществляемого за счёт манипуляции потребностями и, как следствие, индустриализации культуры. Индустрия культуры предполагает, что культурные объекты становятся товаром, разработанным для

получения прибыли, а сама культура, как следствие, с целью максимизации прибыли подвергается стандартизации, массовизации, стереотипизации. Всё это приводит к потере адекватных представлений о реальности. Опыт, опосредованный медиа, нарушает процессы социализации в обществе, а значит, является угрозой его существования и воспроизводства. Индустрия культуры приводит к атомизации общества, ослаблению межличностных коммуникаций, взаимному отчуждению индивидов. Медийная технологизированная реальность вторгается в личное внутреннее пространство человека, заполняя его.

В социопсихологическом плане подобное конструкционистское отношение к реальности приобрело название социального конструкционизма. Автором термина считается К. Джерджен. «Социальный конструкционизм представляет из себя широкое мультидисциплинарное интеллектуальное движение, которое объединяет, благодаря своим базовым мировоззренческим постулатам, психологов, социологов, антропологов, социолингвистов, этнографов, историков культуры и теоретиков феминизма, акцентирующих историческую подвижность и культурную гетерогенность социальных категорий и понятий» (Gutzmer, 2013). Суть этого направления можно обозначить, как постулирование коммуникативной природы знания, «это означает рассмотрение знания как побочного продукта не индивидуальных сознаний, а коммунальных отношений <...> все значащие пропозиции, касающиеся реального и правильного, имеют своим истоком отношения» (Гуревич, Стёпин, 1994). Знание при таком подходе лишается и эмпирических и внеэмпирических содержаний, а становится предметом конструирования в границах информационно-коммуникативных практик и, прежде всего СМИ. Релятивистская природа медиа активно противостоит нормативной природе образования и науки, что приводит к шизофреническому расщеплению не только знания, но и социальных отношений. Представление о реальности, формируемое в рамках этого подхода, с необходимостью предполагает включение фактора конструируемости, без которого реальность просто не может быть осмыслена.

Невозможность антроподицеи в медиированной реальности свидетельствует о несостоятельности самой реальности, несмотря на то, что она обладает достаточным онтологическим статусом. Однако остаётся небольшая надежда, что те цивилизационные сдвиги, которые мы сегодня наблюдаем, имеют и другие, прямо противоположные свойства.

Медиированная реальность – продукт общества потребления, сформированного социальными проектами эпохи модерна. Конструкция общества потребления такова, что в нём имеет значение только уровень потребления, только им определяется социальный статус отдельных индивидуумов и целых стратов.

Однако похоже, что общество потребления заканчивается. Это было особенно заметно по поведению отечественного гламура после последнего кризиса. Необходимо отметить, что этот социальный слой можно назвать кочегарами паровоза общества потребления, так как их основная задача демонстрировать и внедрять высокие стандарты уровня жизни через уровень потребления, независимо от того, есть ли у них на это средства или нет. В этом основной парадокс общества потребления – не имеет значения, чем ты владеешь или что способен производить, имеет значение только – что, сколько, где и как ты потребляешь.

Кризис не только выбросил на улицу бесполезный офисный планктон, но привёл к полной дезориентации гламур, и это только начало. Представляется, что на смену обществу потребления приходит другое общество – я называю его юзер-общество, или общество пользователей.

Отличие в том, что пользователь рассматривает любой объект как инструмент или орудие для производства чего-то ему необходимого. Принципиальная недоделанность (версиальность), например, второй версии сети (веб2.0) провоцирует на участие в её модификации, подстраиванию под индивидуальные или коллективные нужды. Поэтому всё, что затем обозначилось модным цифровым индикатором «два точка ноль», то есть экономика 2.0, журналистика 2.0 и даже наука 2.0, уже перестало презентовать себя как истина в последней. Это обозначение говорило о вариативности конструкции, с помощью которой пользователь мог сделать что-то именно для себя полезное.

В юзер-обществе тоталитарный дискурс и плотность внешнего медиаконструирования отодвигаются на второй план, поскольку акторами конструирования реальности становятся сами пользователи. То есть свобода, в отличие от медиированной реальности общества

потребления, здесь частично возвращается, что и даёт право и возможность формулировки для них основных антропологических проблем, в том числе и проблемы антроподицеи. Мы имеем дело с реальностью, отличительной особенностью которой является гипертекстуальность, то есть с гипертекстовой реальностью.

Однако, при всей оптимистичности подобного вывода, необходимо сказать, что имеют место качественно новые вызовы человеческой цивилизации. С фактом человечности самого юзера не так всё просто, но, хочется надеяться, отнюдь не безнадежно.

Из особенностей пребывания в гипертекстовой реальности уже сегодня можно зафиксировать следующее:

- 1) формирование новых форматов идентичности и самости, то есть нового антропологического типа;
- 2) необходимость развития гипертекстового мышления и коммуникации;
- 3) формирование новых типов и видов социальности, порождаемых Сетью;
- 4) примитивизация и инфантилизация современного взрослого человека;
- 5) слияние (неразличимость) реальностей на личностном психологическом уровне.

Нерефлексируемость виртуальных переходов.

Из этих позиций понятно, что мы вновь проходим через глубокий цивилизационный разлом, заключающийся, как это ни странно звучит, в возвращении к своим предыдущим естественным состояниям. Действительно, мышление человека можно рассматривать как эйдетический ансамбль логических связей, что напоминает именно гипертекстовую конструкцию. Напротив, рациональное знание привело к тому, что самообраз человека стал линейной или плоской конструкцией – проекцией личности на плоскость социальной реальности. Цивилизация упростила и мир внутренний и мир внешний, оставив многомерность естественного самоощущения маргиналам и гениям. Однако интернет как техническое воплощение гипертекста вновь открыл исходную внутреннюю сложность, при том, что культурные нормы восприятия гипертекста остались где-то в раннем Средневековье.

Эпоха постмодерна изменила привычный линейный мономир, в котором человечество существовало всю свою историю. Реальность предстала в форме сложной конструкции, изменной в каждой точке пространства – времени. Мегамашина цивилизации постмодерна непостижима с позиции предыдущих цивилизационных состояний и выработанных ими рациональных инструментов. Прогностические возможности классической и неклассической науки оказываются существенно ограниченными, что приводит к противоречию: в развитии цивилизации постмодерна – науке отводится всё возрастающая главенствующая роль, в то время как реальные возможности рационального знания снижаются. Это противоречие будет усиливаться до тех пор, пока формирующееся постнеклассическое знание не выйдет за рамки концептуальных проработок и мировоззренческих доктрин в область практики, то есть приобретёт инструментальный и операциональный характер.

По мере осознания всего этого в социуме возникает потребность *выработки культурных норм восприятия посланий различных информационно-коммуникативных практик, то есть формирования медиакультуры личности. Медиакультура становится императивным качеством современника.* Только обладая ею, личность сможет противостоять внешнему формирующему действию.

Учёт не только преимуществ, но и угроз переживаемого цивилизационного сдвига заставляет рассматривать медиакультуру как особую знаковую систему, «код», с помощью которого передаётся информация об окружающем человека мире и формируется мышление. Информационная и медиакультура сегодня неотъемлемые компоненты общечеловеческой культуры, а их выделение является следствием цивилизационного процесса формирования информационного общества. Мануэль Кастельс в предисловии к русскому изданию своей книги «Галактика Интернет» пишет: «Богатство, власть, общественное благополучие и культурное творчество России XXI века во многом будут зависеть от её способности развить модель информационного общества, приспособленную к её специфическим ценностям и целям» (Кастельс, 2004). Иными словами, философ прямо связывает постмодернистский информационный императив с традицией и культурой.

В этой связи приведём прогноз Маршалла Маклюэна: «на протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере, в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» (Маклюэн, 2003: 5).

И всё же формирование медиакультуры как противоядия необходимо, но не достаточно. Нужна онтологическая перестройка мировосприятия, которая позволит в любой момент свободно выходить из медиированной реальности, погружаясь в какую-то другую реальность: личностную, природную, деятельностную. Личный опыт говорит о том, что иногда бывает достаточно просто выключить телевизор или, бродя по улицам, сфокусировать внимание на лицах прохожих, отвлекаясь от рекламных воззваний. Нужно осознать, что мир – сборка множества реальностей, а человеческая жизнь состоит из цепочки виртуальных переходов из одной реальности в другую. В этом плане событие есть со-бытие, то есть не что-то, где-то случившееся, а акт совместного Бытия – онтологическая коммуникация. В этом и заключается концепция полионтологичности, разработанная в рамках психологии и философии виртуальной реальности (виртуалистики).

Прочитую несколько базовых положений из Манифеста виртуалистики, разработанного в Институте Человека РАН в 2001 году:

«В традиционном мировоззрении принято считать, что существует одно (монизм), два (дуализм) или несколько (плюрализм) исходных, вечных, абсолютных, не сводимых друг к другу, «начал» <...>, которые порождают все остальные реалии.<...> В виртуалистике считается, что порождённое обладает таким же статусом реальности и истинности, как и порождающее <...> Мир получается многослойным, сложным, непостоянным, в котором всё время порождаются и умирают его части и даже целые слои. И всё это истинно, поскольку существует; каждая часть существует на собственных основаниях. И нет ограничений ни «вверх», ни «вниз», ни «вширь», ни «вглубь». Мир виртуален. Виртуалистика вводит в мировоззрение новую реальность и предлагает новый взгляд на мир. Базовой идеей, на которой строится виртуалистика, является идея виртуального существования (виртуальной реальности). В отличие от виртуальной, порождающая реальность называется константной реальностью. «Виртуальность» и «константность» образуют категориальную оппозицию, т. е. являются философскими категориями.<...> Система взаимопорождений и свёртываний виртуальных и константных реальностей образует онтологическую модель. *Неверно понимать виртуальность как нереальность* <...>, виртуальность есть другая реальность. В виртуалистике полагается существование двух типов реальности: виртуальной и константной, – каждая из которых одинаково реальна. Поскольку отношения между виртуальной и константной реальностями относительны, а существовать реальностей в их взаимопорождении и свёртывании может неограниченное количество, то вопрос о первичной и истинной реальности в виртуалистике снимается – все они равно истинны и равно реальны. Это положение виртуалистики именуется «полионтизм» – существует много онтологически равнозначных реальностей. <...> Виртуалистика имеет дело с интерактивными реальностями, т. е. события одной реальности могут взаимодействовать с событиями другой реальности, поэтому виртуалистика признаёт постулат единства мира. В силу полионтичности виртуалистика следует принципу конструктивизма. <.> любая задача (построение философии, отдельной науки, решение частной практической проблемы и т. д.) становится решением относительной задачи, становится решением, обусловленным сознательным выбором человеком своего исходного положения в системе его мировоззрения. Таким образом, в виртуалистике человек должен сознавать исходные и конечные условия существования конструируемого объекта. <...> Полионтичность несовместима с постулатом экстерриториальности, ибо человек не может быть ни просто субстанцией, ни абсолютном, иначе становится бессмысленной сама идея человека. Это означает признание постулата имманентности – человек принадлежит тому миру, который он мыслит, в котором действует, который воспринимает и переживает» (Носов, 2001).

Помимо безусловного парадигмального значения Манифеста – идея полионтичности по настоящему революционна, хотя до сих и не до конца освоена, даже в рамках постнеклассического знания, она может рассматриваться также как мощная психотерапевтическая метафора. Даже конструктивизм, о котором упоминается в Манифесте, совсем не похож на социальный конструкционизм Джерджена или на социальный конструктивизм Бергера и Лукмана. Конструктивизм виртуалистики возвращает человеку всю ответственность за своё бытие в мышлении, действии, восприятии и переживании.

Таким образом, виртуалистика и её практика – «аретей» может стать радикальным лекарством от тотальной медиированности, если окажется в состоянии сформировать в массовом сознании убеждение о центрированности порождаемых реальностей субъектом – человеком или социумом. Только это может вернуть целостность фрагментированному постмодерновому миру. Многообразие мира здесь не умаляет его единства.

Опыт работы с онтологической множественностью уже приобретается в повседневности в связи с осознанием топологии реальности в формате гипертекста. Интернет как техническое воплощение гипертекстуальности презентует социокультурную реальность именно в этом виде. Даже такое элементарное действие, как клик по гиперссылке, есть переход в другое пространство, пересоздаваемое всякий раз заново. Интернет, таким образом, – это техническая метафора гипертекста. Но необходимо оговориться, что гипертекст – это не просто Текст с большой буквы как у постмодернистов, то есть не только пространство знаков и даже не пространство значений – это карта местности и сама эта местность. Гипертекст подразумевает необходимость движения. «Чтение» гипертекста – это не извлечение смыслов, а производство их.

Очевидно, что медиа в гипертексте уже не могут быть столь же тоталитарны, как в линейном тексте. Однако это утверждение справедливо лишь для тех, кто уже приобрёл культурные нормы работы с гипертекстом, что должно стать важнейшим элементом медиакультуры. Отсутствие этих норм приводит к тому, что гипертекст расчленяется на отдельные локальные тексты, то есть воспринимается всего лишь как множество разных текстов, что не достаточно для превращения чтения в диалог. Впрочем, всегда остаётся возможность выйти из медиареальности в другую виртуальную реальность или прочитать сообщение, двигаясь по своей, а не по заданной траектории, и при желании вообще удалиться из контекста навязываемого дискурса.

Гипертекстуальность современной культуры трансформирует поля медиа, погружая в сложный полицентричный дискурс, в котором становится проблематичным какое-либо доминирование. Кроме того, способ организации текста в сети Интернет, например, соответствует основным идеям номадологии, разработанных Делёзом и Гваттари в «Тысяче поверхностей». Человек, находящийся в интернете, подобен свободно кочующему по степи номаду, населяющему пространство, метки которого постоянно смещаются вместе с его движением. Обитатель сети сращен с пространством так же, как и номад, то есть пространство сети постоянно видоизменяется в зависимости от его действий. В степном интернете происходит срастание сознания, восприятия, коммуникации и средств коммуникации. В результате связь означаемого и означающего перестаёт быть устойчивой, однозначность означаемого преодолевается избыточностью означающих. Вот почему гипертекст в отличие от линейного текста нельзя рассматривать как знаковую конструкцию.

Получается, что гипертекст не является расширением модернистского печатного текста – он его противоположность. Это позволяет говорить о формировании культуры гипертекста, в которую субкультура текста включается посредством переосмысления самого понятия текстуальности.

По нашему определению, гипертекст – это целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом. Гипертексту свойственна дисперсность структуры, то есть фреймовая организация, подразумевающая множественность входов–выходов и нелинейность – вариативность траекторий движения и скачкообразные переходы. Это делает гипертекст «нечитаемым текстом». Соответственно, культура гипертекста формирует какие-то другие новые способы чтения. Возможно, феномен клипового сознания именно с этим и связан. Гипертекст использует все доступные

современные способы оформления смысла, а само его существование расширяет представление о тексте как о наборе всего того, что может служить средством коммуникации. *Гипертекст коммуникативен, а не информативен.*

Гипертекст не фотография реальности, а её голографическое изображение. Как и голографическая пластинка, каждый участок поверхности которой отображает запечатлённый объект целиком, так и каждый фрагмент гипертекста отображает весь гипертекст, только с меньшей чёткостью.

Гипертекст не имеет автора, точнее – соавторами его являются все те, кто вступает с ним в коммуникацию. Значит ли это, что само понятие авторства (синонимичное понятию начальствования) должно быть вытеснено из культуры? Или достаточно будет привыкнуть к тому, что в каких-то культурных подпространствах автор сохранится, а в каких-то исчезнет, равно как многие другие ключевые понятия, без которых нам не представляется сегодня возможность интеллектуального существования? Ответить на эти вопросы сегодня однозначно нельзя, но можно зафиксировать тенденцию. Суть её в многообразии не только умножающихся сущностей, но и систем и типов их взаимодействия и агрегирования.

Итак, с одной стороны, действительно имеет место захват медиатеchnологиями жизненного мира, а с другой – медиа видоизменяются таким образом, что их диктатура становится всё менее возможной. Проблематичным остаётся то, что увеличение числа степеней свободы, предоставляемых современному человеку, вовсе не означает, что ему предоставляется реальная свобода, – они лишь увеличивают неопределённость местоположения в виртуальной гипертекстовой реальности. Далеко не все люди оказываются способны к уверенной ориентации в этой реальности, предпочитая пребывать в простом, заранее проинтерпретированном мире. Они принимают свободу в формате медиапродукта и медиаконструкции, хотя об этом и не рискуют догадываться. По мнению У. Эко, общество уже разделилось на тех, кто пассивно потребляет информацию, текущую из телевизора, и тех, кто пытается её добыть самостоятельно в интернете. Первых больше – около 90 %.

Налицо новый вид неравенства – когнитивный разрыв, который вместе с цифровым разрывом (неравенство в возможностях доступа к информационным ресурсам) всё в большей степени определяет образ цивилизации. Несмотря на международные усилия по их преодолению, маловероятно, что они увенчаются успехом. Скорее всего, наоборот, вскоре обозначатся и другие непреодолимые водоразделы. Таким образом, многообразие картины мира меньшинства осуществляется за счёт примитивизации большинства. Кроме того, имеет место несоответствие темпов глобальной системной перестройки информационно-коммуникативной сферы общественной деятельности и скорости адаптации к этому социума. Отсюда возможно появление и углубление неравенства уже информационно-коммуникативного плана. Для части общества многообразие и многоцветие медиа создаёт новые возможности личностного развития, а у другой, большей части вызывает шоковое состояние, которое приводит их действительно в ментальную зависимость от медиа.

В целом же вопрос стоит так: либо человечество действительно движется к модели, описанной в известном фильме «Матрица», в которой проблематичным будет сам факт личного существования (постчеловеческий мир), либо оно найдёт в себе интеллектуальные и духовные силы очеловечить совокупный цивилизационный продукт – ноосферу.

3. Выводы

По нашему мнению, для преодоления реализации негативного сценария развития цивилизации и разрешения проблемы антроподиции на современном уровне, хотя бы в личном индивидуальном плане, понадобится следующее: 1) поиск новой антропологической парадигмы; 2) приведение способов упаковки знания и работы с ним в науке, и особенно в образовании, к форматам гипертекста; 3) освоение сетевой социальности в целях экономики и политики; 4) движение от развлекательной среды к среде духовного и интеллектуального становления; 5) обретение опыта (аритеи) существования в полионтичном универсуме и адаптации к нему.

Иначе мы вместе со всем человечеством постепенно будем впадать в старческое слабоумие, стремясь всё больше и больше своих интеллектуальных функций отдать машине. Вместе с тем полезно вспомнить, что писал по поводу изобретения письменности Платон

(Федр): «В души научившихся им (письменам) они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою». И это действительно произошло с цивилизацией письменного типа. Точно так же интернет, вероятно, приведёт к утрате чего-то такого, что кажется нам сегодня естественно присущим современному человеку. Это может быть и логическое мышление, и способность к анализу, умение читать книги и т. д.

Трудно сказать сегодня, что именно мы потеряем, русло жизни пройдёт мимо того, что считалось раньше заветным сокровищем цивилизации, как писал о. Павел Флоренский.

Литература

Васнецов, 1987 – Васнецов В.М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 218.

Гиренок, 1995 – Гиренок Ф.И. Метафизика пата: Косноязычие усталого человека. М.: Лабиринт, 1995.

Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // Свободная мысль. 1994. №2-3.

Гранин, 2007 – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // Высшее образование в России. 2007. №10. С. 116-121.

Гранин, 2014 – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. №1. С. 90-103.

Гуревич, Стёпин, 1994 – Гуревич П.С., Стёпин В.С. Философская антропология: Очерк Истории. Философские исследования. М., 1994. С. 163.

Джерджен, 2000 – Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах, № 4. Минск: Технопринт, 2000. С. 74. Серия «Университет в перспективе развития».

Игнатий – Игнатий (Брянчанинов), свт. Слово о человеке. ПСС. Т. 1. С. 537.

Калмыков, 2005 – Калмыков А.А. Маркировка современности в системе массовых коммуникаций и рынок будущего // Relga. № 6 (108). 2005. 2 мая.

Кастельс, 2004 – Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Константин, 2002 – Константин (Горянов), архиеп. Курганский и Шадринский. Религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. СПб., 2002. № 6 (1). С. 18-27.

Маклюэн, 2003 – Маклюэн М. Понимание Медиа: внешнее расширение человека. М., 2003.

Несмелов, 1898 – Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1898.; Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/nesme01/txt39.htm>

Носов, 2001 – Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15.).

Плугин, 1974 – Плугин В.А. Мирозозрение Андрея Рублёва. М.: МГУ, 1974.

Полн. собр. творений..., 1991 – Полн. собр. творений св. Иоанна Златоуста. Т. X. Кн. 2. Слово о Марфе и Марии. М., 1991. С. 852.

Рашкофф, 2003 – Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

Современная западная..., 1992 – Современная западная теоретическая социология: Реф. сборник. Вып. 1. Ю. Хабермас. М.: ИНИОН, 1992.

Соловьёв, 1990 – Соловьёв В. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Фёдоров, 1982 – Фёдоров Н.Ф. (1982). Сочинения М.: Мысль, 1982.

Флоренский, 1914 – Флоренский Павел, свящ. Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине» (Москва, 1912), сказанное 19 мая 1914 г. Сергиев Посад, 1914. С. 5-6.

Франк, 1990 – Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 53.

Якимова, 1999 – Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социал.-психол. подходы: науч.-аналит. обзор // РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: ИНИОН, 1999.

Gutzmer, 2013 – Gutzmer A. Brand-driven city building and the virtualizing of space [Research in planning and urban design]. Routledge, 2013.

References

Dzherdzhen, 2000 – Dzherdzhen K.Dzh. (2000). Sotsial'noe konstruirovaniye i pedagogicheskaya praktika [Social construction and pedagogical practice]. *Obrazovatel'nye praktiki: amplifikatsiya marginal'nosti. Al'manakh*, № 4. Minsk: Tekhnoprint, P. 74. Seriya «Universitet v perspektive razvitiya». [in Russian]

Fedorov, 1982 – Fedorov N.F. (1982). Sochineniya [Works]. M.: Mysl'. [in Russian]

Florenskii, 1914 – Florenskii Pavel, svyashch. Vstupitel'noe slovo pred zashchitoyu na stepen' magistra knigi «O Dukhovnoi Istine» [Introductory word before the defense for the master's degree of the book «About Spiritual Truth»] (Moskva, 1912), skazannoe 19 maya 1914 g. Sergiev Posad, 1914. pp. 5-6. [in Russian]

Frank, 1990 – Frank S.L. (1990). Sochineniya [Works]. M.: Pravda, P. 53. [in Russian]

Girenok, 1995 – Girenok F.I. (1995). Metafizika pata: Kosnoyazychie ustalogo cheloveka [Metaphysics of the stalemate: Tongue speaking of a tired person]. M.: Labirint. [in Russian]

Granin, 1994 – Granin Yu.D. (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and ecological consciousness]. Svobodnaya mysl'. № 2-3. [in Russian]

Granin, 2007 – Granin Yu.D. (2007). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 116-121. [in Russian]

Granin, 2014 – Granin Yu.D. (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: the dialectic of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 90-103. [in Russian]

Gurevich, Stepin, 1994 – Gurevich P.S., Stepin V.S. (1994). Filosofskaya antropologiya: Ocherk Istorii [Philosophical anthropology: essay on history]. *Filosofskie issledovaniya*. M., P. 163.

Ignatii – Ignatii (Bryanchaninov), svt. Slovo o cheloveke [A word about man]. PSS. T. 1. P. 537. [in Russian]

Kalmykov, 2005 – Kalmykov A.A. (2005). Markirovka sovremennosti v sisteme massovykh kommunikatsii i rynek budushchego [Marking of modernity in the system of mass communications and the market of the future]. *Relga*. № 6 (108). 2 maya. [in Russian]

Kastel's, 2004 – Kastel's M. (2004). Galaktika Internet [Galaxy Internet]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. [in Russian]

Konstantin, 2002 – Konstantin (Goryanov) (2002), arkhiep. Kurganskii i Shadrinskii. Religiozno-filosofskaya antropologiya Viktora Nesselova [Religious-philosophical anthropology of Viktor Nesselov]. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk*. SPb., № 6 (1). pp. 18-27. [in Russian]

Maklyuen, 2003 – Maklyuen M. (2003). Ponimanie Media: vneshnee rasshirenie cheloveka [Understanding of media: the external expansion of man]. M. [in Russian]

Nesselov, 1898 – Nesselov V.I. (1898). Nauka o cheloveke [Science of man] T. 1. Kazan'. Psikhologicheskaya biblioteka Kievskogo Fonda sodeistviya razvitiyu psikhicheskoi kul'tury. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/nesmeo1/txt39.htm> [in Russian]

Nosov, 2001 – Nosov N.A. (2001). Manifest virtualistiki [Manifesto of virtualistics]. M.: Put'. (Tr. lab. virtualistiki. Vyp. 15). [in Russian]

Plugin, 1974 – Plugin V.A. (1974). Mirovozzrenie Andrey Rubleva [World view of Andrei Rublev]. M.: MGU. [in Russian]

Poln. sobr. tvoreniy..., 1991 – Poln. sobr. tvoreniy sv. Ioanna Zlatousty [Full. collect. creations of St. Ioanna Zlatousta]. T. X. Kn. 2. Slovo o Marfe i Marii. M., 1991. P. 852. [in Russian]

Rashkoff, 2003 – Rashkoff D. (2003). Mediavirus. Kak pop-kul'tura taino vozdeistvuet na vashe soznanie [Mediavirus. How pop culture secretly affects your consciousness]. M. [in Russian]

Solov'ev, 1990 – Solov'ev V. (1990). Sochineniya [Works]. T. 2. M.: Mysl'. [in Russian]

Sovremennaya zapadnaya..., 1992 – Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya [Contemporary western theoretical sociology]: Ref. sbornik. Vyp. 1. Yu. Khabermas. M.: INION, 1992. [in Russian]

Vasnetsov, 1987 – Vasnetsov V.M. (1987). Pis'ma. Dnevnik. Vospominaniya. Suzhdeniya sovremennikov [The Diaries. Memories. Judgments of contemporaries]. M., P. 218. [in Russian]

Yakimova, 1999 – Yakimova E.V. (1999). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: sotsial.-psikhol. podkhody: nauch.-analit. obzor [Social construction of reality: social-psychol. approaches: scientific-analytic. review]. RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii. M.: INION. [in Russian]

Gutzmer, 2013 – Gutzmer A. (2013). Brand-driven city building and the virtualizing of space [Research in planning and urban design]. Routledge.

Проблема антроподицеи в современности. Система массовых коммуникаций и медиакультура личности

Александр Альбертович Калмыков ^{a, *}

^a Российский государственный гуманитарный университет, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена актуализации проблемы антроподицеи (оправдания человека). В контексте русской религиозной философии конца XIX и начала XX века оправдание человека возможно только при одновременной теодицеи (оправдании Бога). Показано, что в современном мире, где медиа определяют и конструируют реальность, проблема антроподицеи не может быть поставлена. Однако гипертекстовая структура системы массовых коммуникаций позволяет выработать новые подходы к актуализации антроподицеи. Это необходимо для того, чтобы противодействовать наступлению постчеловеческой цивилизации.

Ключевые слова: антроподицея, теодицея, гипертекст, система массовых коммуникаций.

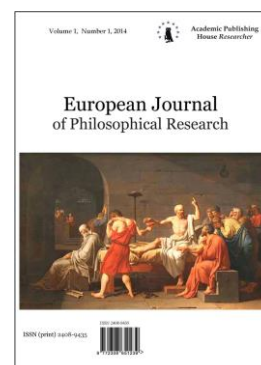
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: alex.kalmykov@gmail.com (А.А. Калмыков)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 47-57

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.47
www.ejournal17.com

Analysis of Methodological Consciousness

Felix V. Lazarev ^{a, *}

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

In this article, the author formulates the interval conception of methodology of science. Turning to the history of methodology, the interval approach from the point of view of the author is the application of a number of philosophical and specifically interval categories to the study of a multidimensional object. The key here are such concepts as "interval of abstraction", the principle of discreteness, relativity, interval localization of the object. As for the interval method, it involves an interval operation, gnoseological focusing, conceptual development, the use of specific abstractions – "abstraction of indistinguishability", "abstraction of identification" and etc. An important element of the interval method is the construction of the interval of abstraction as a multidimensional cognitive space. Analysis of all these concepts at the philosophical level is already the development of interval methodology in general. Thus, the gnoseological accuracy considered in this article is essentially an interval character. It is, albeit changing, but nevertheless each time discrete by the characteristic of the progressive movement of human cognition, continuous within the interval and discontinuous in the transition to another interval. The possibility of obtaining data closer to real values is an important factor in the progress of experimental natural science. The author points out the conceptual importance of the concept of "*gnoseological precision*". Thus, epistemological accuracy is essentially of an interval character. It is, albeit changing, but nevertheless each time discrete by the characteristic of the progressive movement of human cognition, continuous within the interval and discontinuous in the transition to another interval.

Keywords: interval methodology, methodology of science, interval of abstraction, gnoseological precision.

1. Введение

В данной статье анализируются ключевые методологические проблемы науки (концепция научной истины, динамики научного знания и др.) и предлагается новое поле исследования, связанное с метатеоретическим уровнем научного познания. Этот анализ осуществляется с позиций развиваемого автором интервального подхода, сущность которого составляет применение ряда новых философских категорий к исследованию многомерных объектов. Ключевыми здесь являются такие понятия, как интервал абстракции, принцип дискретности, принцип относительности, принцип интервальной локализации объекта. В этой связи вводится понятие «интервального метода», использование которого предполагает использование таких операций как гносеологическая фокусировка понятий, их концептуальная разверстка, использование таких логических абстракций как

* Corresponding author
E-mail addresses: fellazarev@rambler.ru (F.V. Lazarev)

«абстракция неразличимости», «абстракция отождествления» и др. Важным элементом интервального метода является построение конфигурации интервалов абстракции как многомерного когнитивного пространства. Анализ всех этих понятий составляет основное содержание интервальной методологии. Вводится новое понятие «гносеологическая точность», которое носит по существу интервальный характер: она является хотя и изменяющейся, но, тем не менее, всякий раз является дискретной характеристикой поступательного движения человеческого познания, непрерывной внутри интервала и прерывной при переходе к другому интервалу. Возможность введения абстракций, все более близких к реальным параметрам познаваемых объектов является одним из важных факторов прогресса науки.

2. Основное содержание

Выявление онтологических оснований, конститутивных предпосылок и гносеологических допущений той или иной существовавшей в истории мысли методологической концепции образует особое поле методологического анализа. Эту область методологической рефлексии можно обозначить термином «*литология*». Литологическая аналитика обращается к осмыслению исходных установок и основополагающих принципов методологического сознания как той или иной эпохи в целом, так и отдельных методологических направлений. Исследуя способы построения отдельных метатеоретических конструкций, литология вскрывает базовые понятия, а также категориальные и социокультурные координаты, в рамках которых осуществляется методологическая рефлексия. К базовым понятиям литологии относятся такие понятия, как «метод», «методологическая программа», «методологический принцип», «рациональность» и др.

Если методология есть учение о конкретных методах познания, то литология – это рефлексия над методологическим слоем знания в целом. Известно, что интеллектуальный климат эпохи, господствующий стиль мышления, культурные парадигмы оказывают существенное влияние на то, какой тип методологии является доминирующим в ту или иную эпоху. Вместе с тем, только поднимаясь на метатеоретический уровень научного познания, можно проследить внутреннюю логику развития методологической культуры, а не только ее когнитивную составляющую (Лебедев, 2018).

В рамках современной науки и методологии сформировалась целая система методологических принципов, которые играют важную роль в развитии научного познания и интеллектуальной культуры. Среди них можно назвать такие принципы, как принцип наблюдаемости, простоты, соответствия, дополненности, верифицируемости и др. (Лебедев и др., 2005). Одни из этих принципов сформировались в лоне самой науки, другие были сформулированы усилиями философов. Статус и познавательный смысл тех или иных принципов является объектом многочисленных споров как внутри научного сообщества, так и в философской среде. Возникает также вопрос о классификации этих принципов, о возможности представить их в виде единой системы (Лебедев, 2015).

Известный методолог науки Ларри Лаудан в ряде своих работ последней четверти XX в. предпринял попытку создания особой области эпистемологии – «*метаметодологии*» (*The missiological implications...*, 1999). Он обратил внимание на то, что в философской литературе предложено множество концепций, охватывающих весь спектр методологических вопросов. Но поскольку эти концепции часто противоречат друг другу, возникает задача рассмотреть их на метатеоретическом уровне, чтобы проанализировать и эксплицировать имеющиеся у различных авторов интуиции о методологической рациональности. Другая задача метаметодологии – выработать непротиворечивую процедуру выбора между конкурирующими методологиями. Как известно, другой известный философ науки XX века И. Лакатос предложил следующую процедуру выбора: главным условием приемлемости той или иной методологии науки заключается в том, чтобы ее нормативные вердикты совпадали с широким классом оценок *научной элитой* фактов истории науки.

Похоже на то, что понятие метаметодологии Лаудана сходно по смыслу с вводимым нами понятием литологии. Различие здесь может касаться лишь объема этих понятий и некоторых исследовательских задач, которые ставит перед собой соответствующая дисциплина. В частности, литология фокусирует особое внимание на таких понятиях как

подход (исторический подход, системный подход), метод (дедуктивный метод, сравнительно-исторический метод), методология (методология эмпиризма, диалектическая методология). Хотя названные понятия широко используются в методологической литературе, тем не менее фактически отсутствует их четкое разграничение.

Соотношение понятий «подход», «метод», «методология»

Подход как методологический концепт означает акцентированное применение той или иной группы философских или общенаучных категорий при анализе исследуемого объекта. Что означает, например, системный подход? В узком смысле слова – это есть способ постижения исследуемого объекта, рассматриваемого как *система*. Данный подход ориентирует ученого на раскрытие целостности и внутренней расчлененности объекта, на исследование многообразных типов связей целого с окружающим миром, на выявление изоморфизма *сложных структур* в разных сферах природного и социального мира. Другими словами, когда мы говорим о каком-либо подходе, речь идет о том, что объект рассматривается под углом зрения некоторой связки категорий с точки зрения их ключевой роли для данного исследования. Так, в языкознании в XIX веке господствовал исторический подход, нацеливавший ученого на изучение языка в диахронном, сравнительно-историческом плане, с точки зрения его культурной эволюции, с учетом многообразного взаимовлияния различных языков, культур, тенденций словообразования и т.д. В XX в. Ф. де Соссюр предложил применить к изучению лингвистической реальности принципиально другую оптику – перейти от диахронного к синхронному анализу, к видению языка как устойчивой *структуры, имеющей определенные функции*. Предложенная Соссюром новая интеллектуальная перспектива рассмотрения языковой сферы означает фокусирование внимания на новой связке категорий – структура, функции, соподчинение и т.п. Аналогично обстояло дело, когда в конце 60-х гг. прошлого века формировался синергетический подход. В его основе лежат такие категории, как самоорганизация, нестабильность, понятие случайности и сложности, нелинейности и необратимости.

Когда речь идет о «методе», то акцент с категориального уровня переносится на *способ достижения* того или иного познавательного результата. Метод связан с заранее установленной последовательностью когнитивных действий и логических процедур с целью решения поставленной познавательной или практической задачи. Поэтому «подход», как правило, предшествует «методу». Например, **интервальный подход** есть применение ряда философских и специфических интервальных категорий к исследованию того или иного многомерного объекта. Основными понятиями здесь выступают такие как «интервал абстракции», принцип дискретности, относительности, интервальная фокусировка объекта. Что касается **интервального метода**, то он предполагает осуществление операций интервализации или гносеологической фокусировки, концептуальной разверстки, использование ряда специфических абстракций: абстракции неразличимости, абстракции отождествления и др. Важным элементом интервального метода является также построение конфигурации интервалов абстракции как многомерного когнитивного пространства. Анализ всех этих понятий на философском уровне – это уже разработка интервальной методологии в целом.

Следует заметить, что в рамках интервальной методологии именно среднее звено, т.е. метод, является наиболее важным с точки зрения эвристики, но как раз оно разработано значительно слабее других звеньев. К наиболее продуктивным находкам здесь можно отнести метод последовательной трансформации интервалов, метод обобщения с изменяющейся семантикой исходных семантических единиц, метод дополнительности внутреннего и внешнего описания и др.

Сила интервальной методологии в том, что она не только опирается на свои специфические категории и абстракции, но и по-новому выстраивает и использует значительный арсенал философских категорий в целом:

- потенциальное и актуальное;
- относительное и абсолютное;
- прерывное и непрерывное;
- внутреннее и внешнее;
- определенное и неопределенное;

- единое и многое;
- тождество и различие.

Теория и опыт: три постулата методологии науки

Один из основателей классической механики Г. Галилей утверждал, что «человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа» (Галилей, 1948: 89). Это высказывание я обозначаю как «Постулат Галилея» («Постулат – 1») методологии науки. Спустя три столетия другой выдающийся ученый XX в. Луи де Бройль уже с учетом опыта революции в физике пришел к выводу: «Всякий раз, когда с определенной степенью точности подтверждается какой-либо закон...можно утверждать, что этот результат в основном является окончательным и никакие последующие теории его не смогут опровергнуть» (Бройль, 1965: 13). Этот резюмирующий тезис французского ученого можно назвать «Постулатом де Бройля» («Постулат – 2»). Примерно в те же бурные для новой физики годы, когда радикально пересматривалась классическая механика, Вернер Гейзенберг делает следующее заявление: «Поэтому мы не можем больше говорить: механика Ньютона ложна... Теперь мы предпочитаем использовать такую формулировку: классическая механика... «права» везде, где применимы ее понятия (Heisenberg, 1948: 332-333). Данное положение классика современной физики я определяю как «постулат Гейзенберга» («Постулат-3») в рамках современной методологии науки. Ниже я попытаюсь обосновать фундаментальную значимость отмеченных постулатов для современной методологической культуры.

Уже при первом знакомстве с приведенными высказываниями ученых бросается в глаза, что они близки друг к другу по смыслу. Больше того, они представляют собой звенья единой цепи движения мысли, образующей некоторую методологическую платформу. Вместе с тем, может показаться, что различие между ними состоит лишь в оттенках и акцентах. На самом деле более внимательный анализ показывает, что все три тезиса имеют достаточно разный смысл и включены в разные эпистемологические контексты. Если постулат Галилея говорит о том, что естествознание в состоянии открывать абсолютную истину о природе (при этом речь идет о соотношении «разум-действительность»), то постулат де Бройля касается другого измерения проблемы – соотношения «теория-опыт», а также взаимосвязи истины и верификации. Если необходимые измерения проведены достаточно корректно в плане требований научной рациональности, то их результаты в определенном смысле окончательны с точки зрения оценки истинности наших теорий. Нетривиальность и фундаментальная значимость этого вывода де Бройля видны уже из того факта, что он был сделан *после* новейшей революции в физике, когда опыт убедительно продемонстрировал *относительность* любых научных законов и теорий, включая классическую физику.

Совместим ли постулат де Бройля с фактом релятивизации научного знания, и если да, то каким образом? Смысл высказывания физика заключается в том, что, *несмотря на относительность знания*, мы должны принять как *базовый* принцип, основанный на *опыте* развития современного естествознания, согласно которому наука способна получать *окончательные*, абсолютные результаты. Как философски сопрягается то и другое, этот вопрос должны раскрыть методологи. Это – вопрос не физики, а философии. В данном случае де Бройль как физик просто констатирует некий эпистемологический факт, вытекающий из опыта развития современной науки. Склонный к философским размышлениям В. Гейзенберг в «Постулате-3» как бы откликается на данный гносеологический запрос. Идея ученого заключается в том, что окончательный результат в познании следует понимать лишь в одном смысле, - только относительно рамок применимости теории, в которой был получен данный результат. При этом применимость понимается как обоснованность, адекватность теории в *ограниченной* области описания. Это значит, что обсуждаемая проблема рассматривается с учетом *структуры физической реальности*, предполагающей существование разных уровней бытия природы.

В итоге развертывания проблемы «научная истина и реальность» мы видим, что суть вопроса сфокусировалась на том, что может онтологически и гносеологически означать понятие «рамки применимости научной теории»? Возможны, по крайней мере, два толкования этого понятия – реалистическое и инструменталистское. Например, К. Поппер полагает, что термин «применимость теории» связан с философией инструментализма.

Если придерживаться такого взгляда на понятие «применимости», то отсюда вытекают соответствующие заключения методологического порядка. В результате возникает некоторый парадокс. Поппер прав, когда он утверждает, что подобно тому, как нелепо говорить об истинности или ложности любых инструментов в практической сфере, так и неверно было бы оценивать в терминах «истина-ложь» теории «в той мере, в какой они являются *инструментами*» и где они в принципе не могут быть опровергнуты (Поппер, 1983: 314). Но термин «применимость понятий и теорий» может быть истолкован и в реалистическом смысле как *соответствие реальности*. В этом случае обвинения Поппером тех авторов, которые используют понятие применимости в реалистическом значении, повисают в воздухе. Это касается, в частности, критики Поппером Эйнштейна, Бора и Гейзенберга. Тот факт, что Поппер не различал два указанных смысла обсуждаемого термина, это неверно считать тривиальным недосмотром философа. Все дело в том, что подобное отождествление является важным элементом самой методологической конструкции Поппера. Для него было важно прочно связать идею ограниченной применимости теорий с инструментализмом. Это позволяло более элегантно обосновывать концепцию фальсифицируемости как методологическую программу, которая имеет смысл только при реалистической, то есть истинностной интерпретации понятия применимости теории. Например, с его точки зрения, существует принципиальное различие в гносеологическом статусе классической и релятивистской механики. Хотя каждая сохраняет себя в границах своей применимости, тем не менее, первая является ложной, а вторая истинной. Поппер поясняет: «В целях инструментального, практического применения теория может использоваться в границах ее применимости *даже после ее опровержения*: астроном, считающий, что теория Ньютона оказалась ложной, без колебаний будет использовать ее формализм в границах ее применимости» (Поппер, 1983). Поппер убежден, что теория Эйнштейна лучше, чем теория Ньютона, потому что последняя «была фальсифицирована решающими экспериментами», которые не смогли фальсифицировать теорию Эйнштейна» (Поппер, 1983). В данном случае выражение «лучше» означает для Поппера, что теория лучше с точки зрения ее гносеологического статуса, то есть с точки зрения ее истинности. Совершенно по-иному трактовал проблему соотношения классической и квантовой механики Н. Бор: «...квантовая механика представляет собой последовательное обобщение детерминистического механического описания; последнее содержится в ней как асимптотический предел для случая, когда масштаб физических явлений достаточно велик, чтобы можно было пренебречь квантом действия» (Бор, 1961 103).

Возвращаясь теперь к приведенному выше постулату Гейзенберга, можно сказать, что ученый своей позицией, с одной стороны, продолжает линию великих предшественников в отстаивании идеи научной истины, с другой стороны, конкретизирует эту идею, связывая ее с новым, по сути многомерным, толкованием структуры реальности. Именно такой подход позволяет связать все три постулата в единое целое, рассматривая их как разные проекции единой, хотя и исторически развивавшейся методологической парадигмы. Последняя не представляет собой какую-то законченную, профессионально разработанную на философском уровне систему, а, скорее, есть совокупность философско-методологических интуиций ученых конкретных областей знания. Это был взгляд на структуру научного знания и на рациональность «изнутри» науки, формирующийся на основе личного опыта ученого, имеющего склонность к глубоким философским размышлениям. Эта «имманентная рефлексия» ученых представляет собой особый методологический феномен. И здесь мы должны вспомнить упомянутый выше критерий выбора между конкурирующими методологиями, предложенный И. Лакатосом: предпочтительной является такая методологическая концепция, в которой ее нормативные вердикты совпадают «с широким классом оценок научной элитой фактов истории науки».

Если в контексте сказанного обратиться к основным положениям интервальной методологии, то не трудно убедиться в том, что они представляют собой философское осмысление и обобщение тех трех фундаментальных постулатов, о которых шла речь выше. В этом смысле интервальная концепция полностью соответствует критерию выбора И. Лакатоса. Все сказанное позволяет сформулировать *обобщенный четвертый постулат* методологии науки на уровне литологической аналитики. Наш интегральный «постулат» оказался не столь лапидарным, как это имело место у классиков науки. Извиняющим

обстоятельством здесь может служить лишь то, что речь идет не о гениальных интуициях классиков науки, а об их рациональном философском обобщении, своего рода резюме. Оно выглядит так:

«Человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа. Это выражается в том, что всякий раз, когда с определенной степенью точности подтверждается какой-либо закон, можно утверждать, что этот результат в основном является окончательным и никакие последующие теории его не смогут опровергнуть. Любая научная теория «права» везде, где применимы ее понятия. И хотя научная революция в физике продемонстрировала факт относительности классических теорий, это вовсе не значит, что они оказались ложными. Речь идет лишь об уточнении границ их однозначной применимости, о выявлении интервала их адекватности с учетом того, что природа представляет собой многоуровневую структуру. Новые теории охватывают более широкий интервал и являются обобщением предшествующих теорий, как это вытекает из *принципа соответствия*. Тот факт, что обобщающие и частные теории в некоторых отношениях являются семантически несоизмеримыми, объясняется тем, что частный уровень природы (например, макромир) качественно отличается от более глубоких уровней бытия природы. Любая подтвержденная научным опытом теория является абсолютной истиной в рамках интервала своих исходных абстракций, но относительной с точки зрения обобщающей ее теории».

Необходимо подчеркнуть, что такое фундаментальное понятие методологии науки как «интервал применимости теории» тесно связано с принципом верификации (опытной проверяемостью и подтверждаемостью научного знания). Однако эта связь в интервальной методологической программе понимается по-другому, чем она виделась неопозитивистами, с одной стороны, и К. Поппером, с другой.

Опытная подтверждаемость теории имеет две стороны – качественную и количественную (метрическую). Качественная подтверждаемость теории бывает двух типов. Первый тип – это ее подтверждаемость на основе экспериментально выявленной и непосредственно наблюдаемой картины явления (например, явления интерференции и дифракции света). Второй тип – это подтверждаемость законов теории, имея в виду, что эти законы правильно отображают свойства реальности, независимо от того, с какой точностью были проведены проверочные эксперименты или же с какой точностью выполнены измерения, положенные в основу обработки опытных данных. Во втором случае качественная подтверждаемость теории означает лишь то, что имеющуюся точность измерения мы считаем достаточной, чтобы делать вывод об истинности законов проверяемой теории. Что же означает количественная или *метрическая* сторона подтверждения теории? С тех пор, как Галилей ввел требование метрической определенности используемых в науке понятий и физика стала широко пользоваться измеряемыми величинами, в самом понимании научного познания произошло важное изменение. Теперь научное познание включало в себя не только качественную индукцию, но и количественную – поиск количественно формулируемых зависимостей. Опыт приобрел в познавательном отношении новое свойство: он стал метрически организованным: появилось не только экстенсивное, но и интенсивное «пространство опыта», определяемое способностью эксперимента давать (по мере совершенствования техники) все более точные значения измеряемых величин.

В эпоху классического естествознания на метрическую подтверждаемость теории смотрели как на характеристику переменную, зависящую от точности индуктивной основы теории и, в частности, данных наблюдений. При этом сама по себе метрическая точность, взятая в отрыве от качественной подтверждаемости теории (и вытекающей из нее гносеологической точности), не имела принципиального значения.

Научная революция начала нашего века породила новую перспективу в понимании данной проблемы.

Если раньше истинность теории рассматривалась как некая константа, которая, будучи однажды принятой, в дальнейшем оказывалась фактически независимой от ее метрической подтверждаемости, то теперь истинность предстала как функция от ее метрической основы. Научной теории стали доверять лишь с той степенью точности, с какой выполнены соответствующие проверочные эксперименты.

Поскольку любая естественнонаучная теория индуцируется опытом, этот последний (как наглядно показало развитие науки за последнее столетие) может однажды потребовать пересмотреть теорию или даже вовсе заменить ее другой. Особую остроту и нетривиальность всей этой проблеме придало то обстоятельство, что в XX в. возникли генетически связанные теоретические системы, описывающие в известном смысле одну и ту же предметную область реальности (например, классическая механика и специальная теория относительности, теория гравитации Ньютона и общая теория относительности). Если на «одной и той же» эмпирической почве могут вырасти две или несколько конкурирующих теорий, то возникает вопрос о рациональных критериях выбора теории, а также и более общий вопрос: как внутри исходной методологической рамы «теория-опыт-действительность» соотносятся между собой ее отдельные элементы (теория и опыт, опыт и действительность, теория и действительность)?

В частности, перед методологией науки возникла необходимость осмыслить следующий факт. Всякий раз, когда в результате эмпирической проверки выносится вердикт той или иной теории, в нем содержится неустранимый элемент неопределенности: говоря «да», опыт не исключает того, что позднее он может сказать и «нет», а его более позднее «нет» нельзя бесспорно истолковывать как полное отрицание сказанного ранее «да». Эта неопределенность, коренящаяся в самой сути научного опыта, как и практики в целом постоянно вызывает на уровне методологической рефлексии ученого тревожное чувство неудовлетворенности. Эту тревогу можно понять: ведь речь идет об обнаружении некоего «изъяна» в самих основаниях опытного естествознания. Возникает необходимость в пересмотре и тщательном анализе самой идеи «опытной проверки» как рационального основания для принятия или отклонения теории (Лебедев и др., 2004).

Если опыт может подтвердить, а затем опровергнуть ту же самую теорию, то, что можно в связи с этим сказать об «онтической нагруженности» опыта? В каком смысле и в какой степени опыт может служить «представителем» действительности в научном познании природы? Как «данные опыта» относятся к миру «самому по себе»?

Если более поздняя эмпирическая проверка теории фальсифицирует ее, то не означает ли это, что первоначальным опытом было попросту ошибочным? Но, задав такой вопрос, мы оказываемся перед проблемой: а возможно ли такое в принципе? Ведь речь идет не об отдельных экспериментах, а о всей совокупности фактуальных данных в некоторый исторический момент времени. Как опыт может быть неверным? Задав этот вопрос, Р.Фейнман ответил на него так: из-за нехватки точности. «Например, масса предмета кажется неизменной; вращающийся волчок весит столько же, сколько лежащий на месте. Вот вам и готов «закон»: масса постоянна и от скорости не зависит. Но этот «закон», как выясняется, неверен» (Фейнман и др., 1965).

Приняв позицию Фейнмана, мы, однако, не избежим новых вопросов. Что может служить основанием для оценки верности или ошибочности самого опыта по отношению к действительности? Где гарантия, что новый опыт, дающий более точные результаты, является непременно верным? Из сказанного очевидно только одно: в понятие «опытной проверки» теории должен входить не только качественный аспект «да»- «нет», но и количественный (метрический) – «с какой степенью точности». Научный опыт представляет собой метрически упорядоченное пространство, на нем задана некоторая структура и некоторое направление (от меньшей точности к большей). Поэтому качественная оценка теории опытом (т.е. заключение об ее истинности или ложности) каким-то тонким образом связана с точностью эмпирических средств ее проверки. Какая степень точности данных опыта достаточна для однозначной качественной оценки теории? Нельзя ожидать, что существует априорный ответ на этот вопрос. Истина всегда конкретна. С позиций интервальной методологии важно то, что для каждой конкретной теории существует своя объективная мера, относительно которой вопрос о достаточности степени точности данных наблюдения может быть решен однозначно.

В эпоху классического естествознания, как уже отмечалось, любым фундаментальным понятиям придавался универсальный смысл. Вопрос о границах применимости исходных абстракций и теорий не обсуждался в качестве специальной методологической проблемы. Благодаря появлению теории относительности и квантовой механики наука столкнулась с неожиданным и нетривиальным аспектом этой проблемы. Научное познание природы

столкнулось с тем, что понятия, адекватно отражающие некоторый класс явлений (или определенные характеристики объектов) в одних условиях, перестают быть адекватными при описании того же типа явлений (или характеристик), но взятых в *других условиях*. Элементарный пример: понятия «свободное падение тела», «верх», «низ», «тяжесть», «вес» теряют физический смысл в кабине космического корабля (в условиях невесомости).

Опыт развития современной науки позволил прояснить и другой аспект проблемы: хотя именно эксперимент выявляет ситуации, в которых неприменимы те или иные абстракции, однако класс и тип таких ситуаций можно строго задать, лишь исходя из теоретических соображений. На опыте мы сталкиваемся с тем или иным контрпримером, но границы применимости концептуальных средств могут быть определены лишь теоретическим путем. Задача эта отнюдь не проста. Более того, в ряде случаев, как свидетельствует история формирования релятивистской и квантовой механики, задача выявления границ адекватной применимости старых понятий представляла собой один из необходимых элементов самой сути концептуальной революции в науке.

Границы применимости исходных абстракций определяют и область применимости теории в целом. Тот факт, что научные абстракции и теории не универсальны, а имеют ограниченную сферу своей адекватности, не может быть объяснен лишь из анализа взаимосвязи теории и опыта, он требует рассмотрения этой проблемы в более широком контексте. Таковым является отношение «теория – действительность». Анализ этого отношения включает в себя три аспекта: 1) исследование структуры теории и связи теорий, 2) обращение к проблеме структуры реальности, 3) сравнение структуры знания и структуры реальности. Как мы должны представлять себе устройство универсума, если любая естественнонаучная теория отражает его лишь частично, фрагментарно, лишь в том или ином «срезе», интеллектуальной перспективе? По-видимому, существуют разумные основания для принятия тезиса, согласно которому реальность, равно как и каждый отдельный объект, представляет собой многомерное образование. При этом следует иметь в виду, что качественные различия тех или иных «уровней», «слоев», «интервалов» связаны с глубинными *мерами*, лежащими в фундаменте самой материи. Очевидно, что речь идет о мерах и качественных различиях, так сказать, второго порядка. Эти последние поэтому непосредственно не совпадают с теми качественными различиями, которые фиксируются на уровне эмпирического проявления предметного мира.

Необходимость обращения к отношению «теория-действительность» как гносеологической проблеме обострилась в русле методологических изысканий нашего столетия в связи с уже упоминавшимся фактом появления альтернативных теорий. Если на одной и той же опытной основе могут быть построены исключаящие друг друга теории, то возникает вопрос не только о гносеологическом статусе опыта как средства оценки теорий, но и вопрос о том, что же в таком случае конкретно отражают эти теории, как они соотносятся с действительностью.

Гносеологическая точность

Понятие «гносеологическая точность» было введено нами в 1968 г. ([Лазарев, 1968: 31-42](#)) в контексте развития интервальной парадигмы. Рассмотрим кратко смысл названного понятия. Если некоторая физическая теория прошла фактическую проверку на практике и к тому же обладает предсказательной и объяснительной силой, то в рамках согласования ее с экспериментом мы можем в соответствии с принципом познаваемости утверждать, что эта теория является объективной истиной и что существует некоторая область реальности, которая вполне адекватно отражается ею. В этом смысле можно считать, что данная теория является точной. Когда же эксперимент ставит предел однозначной применимости теории и возможностям ее адаптации к новым фактам, требуется не уточнить ее, а вводить принципиально новую систему понятий и новую систему уравнений.

Существует определенное множество физических теорий, которые обладают такой степенью гносеологической точности, что принципиально невозможно какое-либо их дальнейшее уточнение в объективной области их применимости (например, механика Ньютона, классическая теория тяготения, специальная теория относительности и др.). Существенным свойством таких теорий является их логическая непротиворечивость и концептуальная полнота. Именно в этом пункте важно провести четкое различие

логической и гносеологической точности. Дело в том, что в рамках логически непротиворечивой теории существует возможность получения выводов, которые не соответствуют действительности, ибо они выходят за пределы интервала адекватности данной теории. Таким образом, как только мы покидаем заданный интервал, различие между двумя указанными выше видами точности становится существенным. Отличие гносеологической точности от других видов точности необходимо учитывать и в другом плане. С семантической и логико-математической точки зрения дальнейшее уточнение концептуального аппарата и исходных уравнений теории рассматриваемого типа не имеет смысла. Тем не менее, с гносеологической точки зрения такая теория является приближенной, если ее рассматривать в контексте обобщающей теории. Таким образом, обобщение выступает здесь как гносеологическое уточнение. Но это уточнение особого рода: оно производится не постепенно, по мере улучшения измерительной техники, а скачком.

Если при переходе от одного интервала к другому гносеологическая точность теории может определяться терминами «меньше» и «больше», а цепь обобщающих интервалов может быть продолжена, не означает ли, что как гносеологическая, так и метрическая точность в перспективе будут стремиться к бесконечности и что именно с этим понятием должно ассоциировать понятие абсолютной истины? Структура современных фундаментальных теорий и механизм перехода от частных теорий к общим не дают оснований для такого заключения. Правда, механизм этого перехода теорий, связанных интервальной иерархией, исключительно своеобразен. Он не может быть объяснен на основе наивной бриджменовской концепции значения или на основе неопозитивистского его истолкования. Одна из парадоксальных черт этого механизма состоит в том, что строя иерархию приближений и двигаясь по уже проверенному пути в том же направлении, мы неожиданно попадаем, как говорит Д. Бом (Бом, 1967: 159) на ложный путь, и в итоге нам приходится радикально менять направление. Почему в процессе приближения мы должны время от времени резко менять направление движения? Этот парадокс будет ясен только тогда, когда будет в полной мере осознано фундаментальное значение того факта, что истина носит интервальный характер.

В то время, как метрическая точность всегда конечна, а логико-математическая бесконечна, гносеологическая точность теории оказывается абсолютной внутри объективного интервала и относительной – при переходе к обобщающей теории. Гносеологическая точность (подобно метрической) может быть большей или меньшей. Но употребление характеристик такого рода имеет смысл лишь при сравнении теорий, рассматриваемых в двух вложенных один в другой интервал их. Возникающая здесь своего рода «квантованность» знания тесно связана с существованием качественно различных уровней самой природы, на каждом из которых господствуют свои закономерности.

Таким образом, гносеологическая точность носит по существу интервальный характер: она является хотя и изменяющейся, но, тем не менее, всякий раз дискретный характеристикой поступательного движения познания, непрерывного внутри интервала и прерывного при переходе к другому интервалу. Возможность получения все более близких к реальным объектам значениям данных опыта является важным фактором прогресса экспериментального естествознания. Но гносеологический смысл этого приближения современная наука понимает иначе, чем классическая. Хотя процесс уменьшения ошибок измерения в историческом плане по-прежнему остается асимптотическим, процесс приближения к истине оказался скачкообразным. Тезис о том, что истина всегда конкретна, как раз и означает в данном случае требование фиксировать практические критерии и теоретические предпосылки, так или иначе задающие интервал гносеологической точности, в рамках которого истинность наших знаний получает практическое подтверждение.

Именно потому, что мы познаем относительное, мы можем познавать его абсолютно. Приближенный и относительный характер такой истины, однако, выявляется тотчас же, как только мы переходим к более универсальной теории. Но поскольку относительность в природе всегда есть лишь аспект более широкого целого, то такой переход от частного к общему в процессе поступательного движения познания оказывается неизбежным.

Литература

- Бом, 1967** – *Бом Д.* Специальная теория относительности. Изд-во «Мир», М., 1967, С. 159.
- Бор, 1961** – *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд. иностр. лит-ры. 1961. С. 103.
- Бройль, 1965** – *Бройль Л. де.* Революция в физике. М., 1965. С. 13.
- Галилей, 1948** – *Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой. М.-Л., 1948. с. 89.
- Лазарев, 1968** – *Лазарев Ф.В.* Проблема точности естественнонаучного знания // *Вопросы философии.* 1968, №9. С. 31-42.
- Лебедев и др., 2004** – *Лебедев С.А., Асланов Л.А., Борзенков В.Г. и др.* Философия современного естествознания. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
- Лебедев и др., 2005** – *Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В.* Введение в историю и философию науки. М.: Академический проект, 2005.
- Лебедев, 2015** – *Лебедев С.А.* Методология научного познания. М.: Проспект, 2015.
- Лебедев, 2018** – *Лебедев С.А.* Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018.
- Поппер, 1983** – *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.: «Прогресс». 1983. С. 316.
- Фейнман и др., 1965** – *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс С.* Фейнмановские лекции по физике. М., 1965. Т.1. С. 22.
- Heisenberg, 1948** – *Heisenberg W.* Dialectica, 1948. V.2, pp. 332-333.
- The missiological implications..., 1999** – The missiological implications of epistemological shifts: affirming truth in a modern and post-modern world. Paul Hiebert / Trinity Press International, 1999.

References

- Bom, 1967** – *Bom D.* (1967). Spetsial'naya teoriya otноситel'nosti [Special theory of relativity]. Izd-vo «Mir», M., P. 159. [in Russian]
- Bor, 1961** – *Bor N.* (1961). Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie [Atomic physics and human cognition]. M.: Izd. inostr. lit-ry. P. 103. [in Russian]
- Broil', 1965** – *Broil' L. de.* (1965). Revolyutsiya v fizike [The revolution in physics]. M., P. 13. [in Russian]
- Feinman i dr., 1965** – *Feinman R., Leiton R., Sends S.* (1965). Feinmanovskie leksii po fizike [Feynman's lectures on physics]. M., T.1. P. 22. [in Russian]
- Galilei, 1948** – *Galilei G.* (1948). Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira – ptolemeevoi i kopernikovoivoi [Dialogue about the two most important systems of the world – ptolemaic and copernic]. M.-L., P. 89. [in Russian]
- Lazarev, 1968** – *Lazarev F.V.* (1968). Problema tochnosti estestvennonauchnogo znaniya [The Problem of the Accuracy of Natural Science Knowledge]. *Voprosy filosofii.* №9. pp. 31-42. [in Russian]
- Lebedev i dr., 2004** – *Lebedev S.A., Aslanov L.A., Borzenkov V.G. i dr.* (2004). Filosofiya sovremennogo estestvoznaniya [The philosophy of modern natural science]. M.: FAIR-PRESS. [in Russian]
- Lebedev i dr., 2005** – *Lebedev S.A., Il'in V.V., Lazarev F.V., Leskov L.V.* (2005). Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki [Introduction to the history and philosophy of science]. M.: Akademicheskii proekt. [in Russian]
- Lebedev, 2015** – *Lebedev S.A.* (2015). Metodologiya nauchnogo poznaniya [Methodology of scientific knowledge]. M.: Prospekt. [in Russian]
- Lebedev, 2018** – *Lebedev S.A.* (2018). Nauchnyi metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. M.: Prospekt. [in Russian]
- Popper, 1983** – *Popper K.* (1983). Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the growth of scientific knowledge]. M.: «Progress». P. 316. [in Russian]
- Heisenberg, 1948** – *Heisenberg W.* (1948). Dialectica, V.2, pp. 332-333.
- The missiological implications..., 1999** – The missiological implications of epistemological shifts: affirming truth in a modern and post-modern world. Paul Hiebert. Trinity Press International, 1999.

Аналитика методологического сознания

Феликс Васильевич Лазарев ^{а, *}

^а Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье автор развивает интервальный подход к решению проблем современной методологии науки. Это подход основан на применении как общефилософских, так и специфически интервальных категорий к познанию объекта. Ключевыми здесь являются такие понятия, как интервал абстракции, принцип дискретности, принцип относительности, принцип интервальной локализации объекта. Что касается интервального метода как конкретизации интервального подхода, то этот метод состоит в применении следующих познавательных операций: гносеологическая фокусировка, концептуальная развертка, использование специфических абстракций – «абстракции неразличимости», «абстракции отождествления» и др. Важным элементом интервального метода является построение конфигурации интервалов абстракции как многомерного когнитивного пространства. Анализ всех этих понятий на философском уровне – это уже разработка интервальной методологии в целом. Таким образом, гносеологическая точность, рассматриваемая в данной статье, носит по существу интервальный характер. Она является хотя и изменяющейся, но, тем не менее, всякий раз дискретной характеристикой поступательного движения человеческого познания: непрерывной внутри интервала и прерывной при переходе к другому интервалу. Возможность получения все более близких к реальным значениям объектов данных опыта является важным фактором прогресса экспериментального естествознания.

Ключевые слова: интервальная методология, методология науки, интервал абстракции, гносеологическая точность.

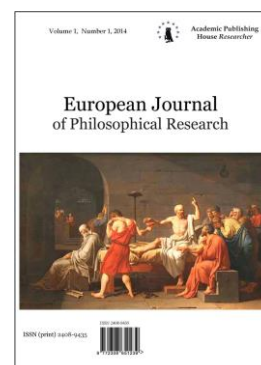
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: fellazarev@rambler.ru (Ф.В. Лазарев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 58-67

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.58
www.ejournal17.com

Scientific Truth: Social Issue and Consensual Character

Sergey Lebedev ^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

In the article develops the theory of social nature and consensual character of scientific truth. Its background is the constructive-representation conception of scientific cognition on all levels of scientific knowledge: sensual, empiric, theoretic and metatheoretic. The consensual interpretation of scientific truth is the alternative theory of two other wide and popular epistemological paradigms : empirism and rationalism, which are mistake. To according the first paradigm the sours, foundation and criteria of the any scientific truth is empirical experience. But it is contradiction the criteria of truth mathematic knowledge and also scientific theories in natural science and humanities. To according the rationalistic paradigm the sours, foundation and criteria of the any scientific truth is thinking and its such methods as intellect intuition, deduction and idealization. But the paradigm contradicts the way of determination of sense data truth, also empiric facts and particular empiric laws. To according the consensual conception the scientific cognition and all its products have social-historical nature and on principle collective character and the main subject of scientific cognition is disciplinary scientific community. Its successful function has foundation not only subject-object cognition relation and also subject-subject communications members of the scientific community. To reason on principle as empirical and also theoretical nondefinit of any unity of scientific knowledge, the scientific community decision relative its truth always is expert and consensual.

Keywords: scientific cognition, scientific truth, subject of scientific cognition, scientific knowledge unity, scientific knowledge level, scientific consensus.

1. Введение

Проблема природы научной истины и методов ее достижения впервые с особой силой была поставлена в Новое время, в период становления современного естествознания. Это же время явилось началом поиска некоего универсального научного метода (Лебедев, 2018b). Например, в методологической концепции Р. Декарта утверждалось, что научная истина имплицитно (неявно) уже находится в человеческом уме. Выявляться же она должна путем рефлексии мышлением своего содержания с помощью определенного набора его собственных средств: сомнения, критики, интеллектуальной интуиции, дедукции (средства «естественного света разума»). Другой крупный методолог науки Нового времени Ф. Бэкон поставил важный вопрос о факторах, затемняющих или искажающих научную истину, развив концепцию идиологов или «призраков» истины. Он же предложил и главные методы устранения этих призраков (толпы, театра, рынка и др.). Это экспериментальное

* Corresponding author
E-mail addresses: saleb@rambler.ru (S.A. Lebedev)

исследование объекта и последующее индуктивное обоснование полученной истины о нем. Только такой путь познания мира, утверждал Бэкон, может увеличить могущество человека и дать ему реальную власть над природой. Кант попытался примирить рационализм Декарта и эмпиризм Бэкона в вопросах получения и обоснования научной истины. Основу такого примирения он видел в признании существования в сознании априорных предпосылок осуществления как чувственного, так и рационального познания. Он был согласен с Бэконом в том, что научное познание начинается с чувственного опыта, но, добавлял при этом, что это не означает, что научное знание логически следует из опыта. Условием получения научных знаний о познаваемых объектах («вещах в себе») является по Канту структурирование чувственной информации о вещах в себе с помощью неких априорных форм сознания, таких как пространство и время, а также категорий рассудка (основных онтологических категорий) и логических законов мышления. Данные априорные структуры образуют основу человеческого сознания, обеспечивая принципиальную возможность продуцирования и конституирования истинных суждений и научных доказательств. Однако как рационализму и дедуктивизму Декарта или эмпирико-индуктивизму Бэкона, так и априоризму Канта не суждено было стать общезначимой методологией реальной науки (Лебедев, 2014).

2. Основное содержание

Как известно, одним из оснований истинности любой эпистемологической концепции должно быть ее соответствие реальной деятельности ученых. Например, первым серьезным шагом в критике эпистемологической доктрины Канта явилось неприятие реальными учеными его идеи «трансцендентального» или абсолютного (то есть вневременного) субъекта научного познания. В качестве антитезы трансцендентальному субъекту Канта были предложены реальные, то эмпирические субъекты научно-познавательной деятельности. Вторым шагом в неприятии кантовской эпистемологии было несогласие с идеей Канта об априорной предпосылочности любого акта познавательной деятельности. Ученые были согласны с всегда предпосылочным характером реальной научно-познавательной деятельности, но не в априористском его понимании, а только в историческом, а именно как детерминации научного познания результатами предшествующего развития науки, а также его детерминации наличным социокультурным контекстом. Концепция социально-исторической природы научного познания, а также необходимого удостоверения его результатов на практике для современной философии науки стала фактически общепризнанной (Лебедев, 2014).

Если историческая и социокультурная предпосылочность социально-гуманитарных наук была осознана давно, то в естественных науках и математике эпистемологические концепции Декарта, Бэкона и Канта имели существенное влияние вплоть до начала XX в. Для такого положения дел было несколько причин. Дело в том, что в естественных науках долгое время господствовала объективистская установка, согласно которой при описании природных явлений влияние реального субъекта научного познания на содержание знания не имеет существенного значения, иначе утверждать о возможности достижения объективной истины невозможно. Последняя гарантирована лишь в том случае, если в качестве субъекта научного познания будет рассматриваться некий абсолютный наблюдатель. И прогресс в развитии классического естествознания XVII – XIX вв. и применения его результатов на практике, казалось, прекрасно подтверждали эту объективистскую установку.

Ситуация, однако, радикально изменилась в связи с кризисом в физике в начале XX века. Как начало этого кризиса, так и предложенный путь выхода из него были связаны с работами А. Эйнштейна и А. Бора по теории относительности и квантовой механике (Эйнштейн, 1967; Бор, 1961). С философско-методологической точки зрения особый интерес представляли три момента: 1) революция в физике вскрыла фундаментальный факт ограниченной применимости старых классических теорий и законов физики; 2) в новом свете предстала старая идея физической относительности; 3) при анализе явлений микромира были сформулированы новые для физического познания принципы: принципы неопределенности и дополненности. Релятивистская механика, отказавшись от идеи привилегированного, абсолютного наблюдателя при описании явлений, уравнивала в

теоретических правах все инерциальные системы отсчета. В результате качественно изменился (и с физической, и с философской точки зрения) сам смысл понятия относительности.

Это изменение влекло за собой ряд далеко идущих философских следствий. Во-первых, следовал вывод о существовании не только когнитивной, но и объективной относительности в природе (относительность к определенным условиям и ситуациям). Во-вторых, последовало более широкое истолкование понятия физической относительности. Теперь оно включало в себя три аспекта: 1) зависимость некоторых характеристик явлений от условий их локализации, 2) принципиальная различимость свойств объектов и процессов (например, их пространственной протяженности и временной длительности) для наблюдателей, находящихся в разных системах отсчета, 3) независимость законов природы от систем отсчета. В результате такого более широкого понимания относительности проблема истинности физического знания встала по-новому: одни и те же физические процессы и события могли восприниматься разными наблюдателями по-разному, но оба наблюдателя имели равное право на утверждение объективной истинности наблюдаемых ими экспериментальных данных в своей системе отсчета.

Возник вопрос: насколько гносеологические уроки, обусловленные развитием новой физики, имеют общенаучный характер? Можно ли философские результаты, полученные в процессе развития физики, распространить и на другие области научного познания? Крупнейшие физики XX в. много размышляли об этой проблеме. Например, А. Эйнштейн неоднократно заявлял об общей гносеологической важности осмысления новейших открытий в физике Бор в своих публичных выступлениях и общетеоретических статьях также обращал внимание на существование аналогии между дополнительностью описания в квантовой физике и описанием познавательных ситуаций в других науках, в частности, психологии, биологии, культурологии и др.

Если для классической науки объективность означала полное исключение наблюдателя из картины мира, то современные ученые стали исходить из другого тезиса: научное описание неизбежно связано с наблюдателем, принадлежащему тому миру, который он описывает, а не некоему трансцендентальному субъекту, созерцающему наш мир «извне». Так, в частности, считают представители такой новой фундаментальной физической теории как синергетика И. Пригожин и И. Стенгерс. С их точки зрения реальный ученый как субъект познания (наблюдатель) – это некое абстрактное существо, а вполне конкретное существо, оперирующее столь же конкретными физическими приборами, инструментами измерения и находящееся в физически определенной «познавательной позиции» (например, в некоторой системе отсчета). Наблюдатель неотделим от своей позиции, а эта последняя составляет часть описываемой им реальности (Пригожин, Стенгерс, 1986). В результате оказывается, что некоторые аспекты исследуемых явлений зависят от позиции наблюдателя, а другие – инварианты (не зависят).

Если попытаться дать обобщенное описание научно-познавательной ситуации, то необходимо констатировать, что она состоит из двух основных элементов: предмета познания и условий познания. В объективированном языке условия познания могут быть обобщенно названы «когнитивной системой отсчета». Содержание этой системы образует совокупность определенных предпосылок философского («метафизического»), исторического, социокультурного, научно-теоретического и физического (реальная физическая система отсчета или условия наблюдения), с позиций которых рассматривается конкретный предмет познания. По своему онтологическому статусу «когнитивная система отсчета» является вполне объективной, так как не является продуктом конструктивной деятельности ни отдельного ученого, ни даже коллективного субъекта научного познания, ибо почти все ее элементы «присваиваются» субъектом познания из арсенала существующей культуры. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что субъект научного познания является активным конструктором когнитивной системы отсчета. Именно он своей волей и творчеством «собирает» ту или иную когнитивную систему отсчета и идентифицирует себя с ней. Поэтому для полного понимания содержания когнитивной системы отсчета всегда очень важно знать характеристики самого познающего субъекта: кто познает, как (с помощью каких средств) познает, наконец, для чего (с какой целью, целями) познает. Очевидно, что ответ на последний вопрос невозможен вне анализа ценностной

сферы познания. Хотелось бы также подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, субъект научного познания играет активную роль не только в формировании условий познания, но и в решении вопроса о том, что познается (содержание предмета познания). Это также результат определенного когнитивного решения субъекта, а не просто (не только) детерминации сознания субъекта со стороны объекта («вещи в себе»). Именно вся когнитивная система отсчета в целом, а не только физическая система отсчета, являющаяся лишь одним из ее элементов, задает (формирует) соответствующий интервал, «угол видения» познаваемого объекта.

В качестве факторов, существенно определяющих перспективу видения познаваемого объекта, могут выступать следующие: накопленные знания; практические потребности; цели и задачи познания; идеалы и нормы научного исследования; мировоззренческие и философские основания. Эти факторы могут быть устойчивыми, долговременными, глубинными, но могут быть и быстро изменяющимися, случайными, ситуационными. Но во всех случаях они выступают как определенные реальные основания и предпосылки процесса научного познания и получения соответствующего научного знания. Мы считаем, что для фиксации этой совокупности объективных условий и предпосылок любого познавательного акта целесообразно *ввести в современную эпистемологию понятие когнитивной (познавательной) системы отсчета* по аналогии с необходимостью учета физической системы отсчета при проведении эксперимента и корректного описания его результатов. Когнитивная система отсчета предполагает учет и фиксацию, во-первых, конкретной познавательной перспективы, с позиций которой рассматривается или решается та или иная научная проблема, а, во-вторых, внешние условия познания и в, частности, материальные условия и инструментальные предпосылки предполагаемого исследования проблемы. И тот и другой момент в равной степени могут быть отнесены к объективным условиям познания.

Сегодня уже бесспорным фактом, как истории науки, так и ее современного состояния является то, что на один и тот же изучаемый объект наука способна посмотреть по-разному, предлагая его различные модели и теории, иногда даже противоречащие друг другу. В философии и методологии науки этот факт и те гносеологические вопросы, который он поднимает, получил название проблемы конкурирующих научных теорий. Особенно острое гносеологическое звучание эта проблема имеет при обсуждении проблемы истинности фундаментальных или «парадигмальных» (Т. Кун) конкурирующих теорий (Кун, 2009). Количество таких противоречащих друг другу теорий, каждая из которых часто претендует не просто на истинное, но и на единственно истинное знание о познаваемой области действительности, постоянно растет вместе с развитием науки. Наиболее яркими и хорошо известными примерами подобных конкурирующих и несовместимых теорий в науке являются: геоцентрическая и гелиоцентрическая система мира, эвклидова и неэвклидовы геометрии, аристотелевская и ньютоновская механика, классическая механика и теория относительности, классическая механика и квантовая механика, классическая и конструктивная математика, корпускулярная и волновая теория света и вещества, ламаркизм – дарвинизм; детерминизм – индетерминизм; причинность – телеология; элементаризм – холизм; классическая термодинамика – синергетика; модель бесконечной и вечной вселенной классической космологии и релятивистская модель Вселенной современной космологии, как имеющей начало во времени, конечной в пространстве и при этом эволюционирующей и т.д.

Как относиться к этому факту конкуренции научных теорий, а также к смене в ходе эволюции науки одной фундаментальной научной теории другой, несовместимой с первой и даже «несоизмеримой» с ней (Т. Кун)? Здесь существуют три общих ответа. **Первый ответ.** Наука принципиально не способна своими методами и средствами познания достичь объективно истинного знания об изучаемой ею действительности. Ее удел – конструирование различных, практически полезных гипотез об изучаемых объектах. Конечно, научная гипотеза должна удовлетворять достаточно серьезным требованиям своей пригодности в качестве элемента научного знания, критериям его научности: объяснительная и предсказательная сила гипотезы, ее точность, полезность, эмпирическая и теоретическая обоснованность. Но как убедительно показано в современной философии науки, соблюдение всех этих требований отнюдь не может гарантированность истинность гипотезы. **Второй ответ.** Наука способна дать истину, но это лишь только

приблизительное, а не абсолютно достоверное знание о познаваемых ею объектах. **Третий ответ.** Наука способна дать точную и однозначную истину об объекте, но всегда лишь неполную по отношению к реальному содержанию «вещей в себе». Очевидно, что необходимым следствием третьего ответа является признание неизбежного плюрализма научных истин. Наличие такого плюрализма подтверждается не только материалом истории науки, но ее современного состояния во всех областях и на всех уровнях научного познания.

Этот факт может быть правильно объяснен только при принятии следующих философских положений: 1) конструктивно-репрезентативного характера научного познания, особенно на уровне научных теорий; 2) отсутствии абсолютно надежного, «окончательного», эмпирического и/или теоретического базиса любых концепций; 3) всегда ограниченной разрешающей силы любых эмпирических или теоретических моделей по отношению к своему предмету («прототипу»); 4) неустранимости в принципе из науки неявного и личностного знания; 5) социально-исторического характера научного познания и ее субъектов (Лебедев, 2015b).

Для современной философии и методологии науки стало очевидным, что как постановка, так и решение любой научной проблемы не могут быть адекватно осмыслены вне их культурно-исторического контекста, вне господствующего в данную эпоху стиля научного мышления, вне тех или иных методологических установок, парадигм (Т. Кун) или «тем» (Дж. Холтон) (Холтон, 1981). И это не только иногда неосознаваемый реальный «социокультурный фон», но и самые обычные экономические и социальные факторы, которые также постоянно оказывают существенное влияние на процесс развития реальной науки (Лебедев и др., 2005a). Конечно, конкретные исторические, социальные и культурные факторы всегда в известной степени огрубляют результаты познания, демонстрируя неизбежную историческую ограниченность усилий людей познать абсолютно адекватно окружающий их природный и социальный мир. Но вместе с тем невозможно отрицать, что исторический, социальный и культурный контекст является абсолютно необходимым условием осуществления самой научно-познавательной деятельности. И в этом отношении имеется глубокое сходство осуществления процесса научного познания во всех областях научного знания: в естествознании, математике, социально-гуманитарных и технических науках (Лебедев и др., 2005b).

Признание этого обстоятельства требует радикального пересмотра всей традиционной эпистемологии и принятия ее новых принципов. К этим принципам относятся следующие утверждения:

- и в естествознании, и в социальных науках истина всегда относительна, так как зависит от онтологически задаваемых «систем референции», от интервалов абстракции, от когнитивных систем отсчета;

- необходимость фиксирования и четкого описания всех принимаемых предпосылок и условий постановки той или иной научной проблемы, проведения ее соответствующего научного исследования и полученного результата – необходимое условие методологически корректного решения проблем научной истинности знания не только в естествознании, но и в социально-гуманитарных науках;

- любая истина теряет всякую определенность и содержательность, если не указывается, относительно какого интервала абстракции она имеет однозначный и проверяемый смысл;

- всякий предмет как естественно-научного, так и социально-гуманитарного познания принципиально многослоен и многомерен, поэтому он может стать чем-то эффективно познаваемым только будучи заданным в достаточно четком интервале абстракции относительно фиксированной познавательной ситуации;

- всякая научная истина предпосылочна и связана с каким-то конкретным измерением многомерного объекта познания. Освоение объекта в том или ином интервале всегда предполагает конкретную систему понятий и особую познавательную стратегию;

- отдельные «образы объекта» не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одной интеллектуальной перспективы к другой;

- диалог, конвенции и научный консенсус это абсолютно необходимые условия достижения и утверждения истины в научном познании, ибо, только опираясь на эти

средства, можно достигнуть максимальной определенности научного знания и его эффективности при применении на практике и реализации приоритетных ценностей и целей научного познания (Лебедев, 2017b).

Изучая научную деятельность, необходимо учитывать не только субъект-объектные отношения, определяемые во многом содержанием изучаемых объектов, но и межсубъектные когнитивные коммуникации. Необходимыми элементами когнитивных коммуникаций в научном познании являются, прежде всего, многочисленные научные конвенции, принимаемые научным сообществом (Лебедев, 2018a). Совокупность научных конвенций в отдельной науке или научной дисциплине представляет собой достаточно консервативную систему знания, но, вместе с тем, систему, принципиально открытую к введению новых конвенций, изменению старых или отказу от них. Механизмом, регулирующим этот процесс, является, на наш взгляд, научный консенсус (Лебедев, 2018). При этом необходимо учитывать, что выработка в научном сообществе консенсуса занимает иногда довольно длительный промежуток времени, особенно в отношении признания истинности новых фундаментальных теорий (гелиоцентрическая система астрономии – около 200 лет, неевклидова геометрия – около 50 лет, генетика – около 50 лет, частная теория относительности – около 20 лет, конструктивная математика – около 50 лет и т.д.). На процесс выработки научного консенсуса в отношении истинности различных единиц научного знания влияют не только логико-эмпирические факторы, но и мировоззренческие, социальные и практические установки ученых. Важное место в достижении научного консенсуса играют философская рефлексия научного познания и методологическая культура ученых. Особенно значимыми эти факторы становятся в эпоху изменений представлений о научной рациональности и выработке новых идеалов и норм научного исследования, легитимирующих новые методы научного познания (Лебедев, 2018).

Для правильного понимания консенсуального характера научных истин важную роль играет осознание того принципиального положения, что главным субъектом научного познания является не отдельный ученый, а научный коллектив как производитель и оценщик результатов научного познания. Хотя научный коллектив как представитель определенного сегмента научного знания и состоит из определенного множества отдельных ученых, объединенных единым предметом исследования, однако, с экзистенциональной точки зрения каждый из них является свободной и независимой личностью. Часто положение здесь таково, что члены одного и того же дисциплинарного сообщества (например, физики-ядерщики, генетики, математики – алгебраисты и т.д.) существенно распределены в пространстве и вообще лично незнакомы друг с другом. Что же их делает единым коллективным субъектом научного познания?

Применительно к современной мировой науке ответ состоит в следующем: это густая сеть информационных каналов и когнитивных связей между отдельными учеными, причем часто неформальных и социально анонимных, то есть специально не фиксируемых и не регулируемых из какого-то центра. Одним из важнейших результатов коммуникаций внутри дисциплинарного научного сообщества является, в частности, достижение определенного консенсуса в отношении истинности, доказанности, однозначности или эффективности той или иной концепции или гипотезы. И несомненно, что существенную роль в достижении научного консенсуса играет позиция ведущих ученых в соответствующей области научного знания как ее наиболее авторитетных экспертов. Если научная конвенция – дело личной ответственности отдельного ученого, то научный консенсус – это уже познавательный результат и коллективная ответственность дисциплинарного научного сообщества за признание некоторой гипотезы, теории истинной, научной или ложной и ненаучной (Лебедев, Кудрявцев, 2005).

Доказательством репрезентативного и конструктивного характера научного познания является не только существование в реальной истории науки множества ее культурно-исторических типов и состояний, а также множества качественно различных по своим методам областей научного знания (логика, математика, естествознание, социально-гуманитарные науки, технические науки, междисциплинарные исследования), но и консенсуальной природы научных истин на всех основных уровнях научного знания.

Консенсуальный характер истин чувственного уровня научного познания

В любой из развитых наук существует четыре основных уровня научного познания и соответствующих им видов знания: 1) чувственный, 2) эмпирический, 3) теоретический и 4) метатеоретический (Lebedev, 2014). Чувственный уровень познания объектов является исходным в любой из наук. Основными результатами чувственного уровня познания в науке являются данные чувственного восприятия и эксперимента. Средства их получения: естественные наблюдения, эксперимент (материальное воздействие на объект познания) и используемые приборы для фиксации результатов чувственного познания объектов. Перечислим основные факторы, влияющие как на конструирование, так и на оценку истинности результатов чувственного познания: 1) выбор предметной области исследования (консенсуальный фактор); 2) содержание (свойства) самих познаваемых объектов (объективный фактор); 3) консенсус научного сообщества относительно выбора и правильности использования тех или иных средств чувственного познания. Например, этими средствами могут быть получение чувственной информации об объекте познания только на основе естественного наблюдения, без материального воздействия на него (педагогика, психоанализ, языкознание, космология, социология и др.). Но это может быть и получение чувственной информации об объекте познания, хотя и без материального воздействия на него, но с помощью использования приборов как усилителей органов чувственного познания. Наконец, это может быть и определенное (при этом всегда количественно фиксируемое) материальное воздействие на объект познания в ходе эксперимента. Как известно, именно этот метод является основным средством получения чувственной информации о познаваемых объектах в естественных и технических науках. Общий вывод: уже чувственный уровень познания в науке и его результаты имеют существенно консенсуальную природу, поскольку основаны на признании или не признании легитимности того конкретного набора средств, который используется на этом уровне для репрезентации содержания познаваемого объекта.

Консенсуальный характер истин эмпирического уровня познания

Перечислим основные структурные единицы эмпирического знания в науке. Это: 1) протоколы наблюдения; 2) научные факты как статистические обобщения протоколов; 3) разные виды эмпирических законов (детерминистские, вероятностные, причинные, функциональные, структурные); 4) феноменологические теории (взаимосвязанная система эмпирических законов определенной предметной области) (Lebedev, 2015a). Средствами репрезентации объектов на эмпирическом уровне научного познания являются: 1) описание результатов наблюдения на естественном (обыденном) языке или на искусственном (техническом) языке (приборном языке, включающем названия используемых приборов, описание приборных операций, названия измеряемых величин и используемые системы физических величин); 2) применяемые методы конструирования эмпирического знания: абстрагирование, обобщение, определения, разные виды индукции, классификация и др.; 3) применяемые методы проверки и обоснования эмпирического знания (эмпирическая верификация, подтверждение, предсказание, опровержение, логическая систематизация и др.).

Главными детерминантами, определяющими консенсуальный характер истинности эмпирического знания, являются следующие факторы: 1) творческое конструирование учеными абстрактных объектов как непосредственного предмета эмпирического уровня знания и принятие их научным сообществом в качестве объективных и значимых для науки; 2) оценка научным сообществом целесообразности и эффективности использования конкретных методов эмпирического познания; 3) консенсус дисциплинарного сообщества относительно истинности и доказанности эмпирических законов и теорий (Lebedev, 2018).

Консенсуальный характер истин теоретического уровня знания

Основными процедурами и методами теоретического уровня научного познания являются: 1) конструирование исходных и производных идеальных объектов теории; 2) введение и описание законов изменения состояний теоретических объектов; 3) построение теории как логически доказательной системы знания об идеальных объектах на основе определенных теоретических гипотез и принципов; 4) принятие определенной системы логики с ее правилами вывода; 5) нахождение эмпирической интерпретации теории; 6) описание возможных областей практической применимости теории.

Основные консенсуальные факторы, влияющие на принятие и оценку истинности теоретического знания: 1) оценка научным сообществом легитимности исходных и производных объектов научной теории; 2) оценка научным сообществом легитимности и эффективности используемых средств и методов теоретического познания; 3) консенсус среди членов дисциплинарного научного сообщества относительно истинности исходных утверждений и принципов теории; 4) экспертная оценка дисциплинарным научным сообществом актуальности, практической значимости и эффективности конкретной теории. Общий вывод: оценка истинности и доказательности, как отдельных элементов научной теории, так и теории в целом, также имеет существенно консенсуальный характер (Лебедев, 2017а).

Консенсуальный характер истин метатеоретического уровня знания

Метатеоретический уровень научного познания и знания является наиболее общим. Основными видами метатеоретического знания в науке являются: 1) фундаментальные (парадигмальные) научные теории, 2) общенаучное знание (научная картина мира и общенаучная методология), 3) философские основания науки различного содержания (онтологические, гносеологические, аксиологические, социокультурные).

Основные процедуры научного познания на метатеоретическом уровне: 1) оценка научных теорий на их соответствие общим и отраслевым критериям научной рациональности; 2) оценка научных теорий на логическую доказательность, эмпирическую обоснованность, практическую полезность; 3) оценка научных теорий на соответствие парадигмальным теориям данной области знания; 4) реконструкция философских оснований научной теории; 5) анализ преимуществ и недостатков конкретной теории по сравнению с альтернативными теориями в данной области знания.

Консенсуальные факторы оценки истинности метатеоретического знания в науке: 1) выбор научным сообществом конкретных научных теорий как объектов метатеоретического познания; 2) выбор научным сообществом в качестве метатеорий определенных фундаментальных теорий или философских оснований науки; 3) выработка и принятие учеными определенных представлений о научной рациональности, а также определенных методологических требований к построению и обоснованию научных теорий; 4) оценка и выбор некоторой научной теории как наилучшей среди альтернативных теорий; 5) предпочтение научным сообществом одних метатеорий или философских оснований науки другим среди всегда имеющего место плюрализма в области метатеорий и философских концепций (Лебедев, Коськов, 2014). Очевидно, что признание истинности того или иного фрагмента метатеоретического знания в науке также имеет явно консенсуальную природу.

3. Заключение

Общий вывод: оценка истинности любого элемента научного знания имеет существенно консенсуальный характер. Это относится не только к оценке содержания научного знания на различных исторических этапах его развития, но имеет место во всех областях современной науки, а также на всех уровнях научного познания. Понимание консенсуальной природы научных истин имеет принципиальное значение для эпистемологии. В частности, такой подход позволяет выработать более адекватные представления о закономерностях развития и функционирования научного знания по сравнению не только с традиционными метафизическими или позитивистскими концепциями науки, но и с современными постмодернистскими концепциями научного познания (Лебедев, 2009).

Литература

- Бор, 1961 – Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
 Кун, 2009 – Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.
 Лебедев и др., 2004 – Лебедев С.А., Асланов Л.А. и др. Философия современного естествознания. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2004.
 Лебедев и др., 2005а – Лебедев С.А. и др. Введение в историю и философию науки. М.: Академический проект. 2005.
 Лебедев и др., 2005б – Лебедев С.А., Авдулов А.Н. и др. Основы философии науки. М.:

Академический проект. 2005.

Лебедев, 2009 – Лебедев С.А. История философии науки // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2009. №1. С. 1-32.

Лебедев, 2014 – Лебедев С.А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // *Вопросы философии*. 2014. № 1. С. 77-82.

Лебедев, 2015а – Лебедев С.А. Методология научного познания. М.: Проспект, 2015.

Лебедев, 2015b – Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // *Вопросы философии*. 2015. № 3 . С. 5-21.

Лебедев, 2017а – Лебедев С.А. Плюрализм методов теоретического познания в науке // *Известия Российской академии образования*. 2017. № 3. С. 5-39.

Лебедев, 2017b – Лебедев С.А. Природа истины в науке // *Гуманитарный вестник МГТУ*. 2017. № 12. С. 2.

Лебедев, 2018а – Лебедев С.А. Идеалы и нормы научного исследования и их методологическая функция // *Гуманитарный вестник МГТУ*. 2018. № 3. С. 511.

Лебедев, 2018b – Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018.

Лебедев, Коськов, 2014 – Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2014. №1. С. 7-13.

Лебедев, Кудрявцев, 2005 – Лебедев С.А. Кудрявцев И.К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2005. № 6. С. 1-20.

Пригожин, Стенгерс, 1986 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

Холтон, 1981 – Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981.

Эйнштейн, 1967 – Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4-х томах. Т.4. М., 1967.

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // *European Journal of Philosophical Research*. 2014. № 1(1). pp. 65-72.

References

Bor, 1961 – Bor N. (1961). Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie [Atomic physics and human cognition]. М. [in Russian]

Einshtein, 1967 – Einshtein A. (1967). Sbranie nauchnykh trudov [Collection of scientific works]. V 4-kh tomakh. T.4. М. [in Russian]

Kholton, 1981 – Kholton Dzh. (1981). Tematicheskii analiz nauki [Thematic analysis of science]. М. [in Russian]

Kun, 2009 – Kun T. (2009). Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of Scientific Revolutions]. М. [in Russian]

Lebedev i dr., 2004 – Lebedev S.A., Aslanov L.A. i dr. (2004). Filosofiya sovremennogo estestvoznaniya [The philosophy of modern natural science.]. М.: FAIR-PRESS. [in Russian]

Lebedev i dr., 2005a – Lebedev S.A. i dr. (2005). Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki [Introduction to history and philosophy of science]. М.: Akademicheskii proekt. [in Russian]

Lebedev i dr., 2005b – Lebedev S.A., Avdulov A.N. i dr. (2005). Osnovy filosofii nauki [Fundamentals of the philosophy of science]. М.: Akademicheskii proekt. [in Russian]

Lebedev, 2009 – Lebedev S.A. (2009). Istoriya filosofii nauki [History of the philosophy of science]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. №1. pp. 1-32. [in Russian]

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. (2014). Osnovnye paradigmy epistemologii i filosofii nauki [The basic paradigms of epistemology and philosophy of science]. *Voprosy filosofii*. № 1. pp. 77-82. [in Russian]

Lebedev, 2015a – Lebedev S.A. (2015). Metodologiya nauchnogo poznaniya [Methodology of scientific knowledge]. М.: Prospekt. [in Russian]

Lebedev, 2015b – Lebedev S.A. (2015). Peresborka epistemologicheskogo [Re-assembly of the epistemological]. *Voprosy filosofii*. № 3 . pp. 5-21. [in Russian]

Lebedev, 2017a – Lebedev S.A. (2017). Plyuralizm metodov teoreticheskogo poznaniya v nauke [Pluralism of the methods of theoretical cognition in science]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. № 3. pp. 5-39. [in Russian]

Lebedev, 2017b – Lebedev S.A. (2017). Priroda istiny v nauke [The nature of truth in science]. *Gumanitarnyi vestnik MGTU*. № 12. P. 2. [in Russian]

Lebedev, 2018a – Lebedev S.A. (2018). Idealy i normy nauchnogo issledovaniya i ikh metodologicheskaya funktsiya [Ideals and norms of scientific research and their methodological function]. *Gumanitarnyi vestnik MGTU*. № 3. P. 511. [in Russian]

Lebedev, 2018b – Lebedev S.A. (2018). Nauchnyi metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. M.: Prospekt. [in Russian]

Lebedev, Kos'kov, 2014 – Lebedev S.A., Kos'kov S.N. (2014). Konventsii i konsensus v kontekste sovremennoi filosofii nauki [Conventions and Consensus in the Context of the Modern Philosophy of Science]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. №1. pp. 7-13. [in Russian]

Lebedev, Kudryavtsev, 2005 – Lebedev S.A. Kudryavtsev I.K. (2005). Determinizm i indeterminizm v razvitiі estestvoznaniya [Determinism and indeterminism in the development of natural science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. № 6. pp. 1-20. [in Russian]

Prigozhin, Stengers, 1986 – Prigozhin I., Stengers I. (1986). Poryadok iz khaosa [Order from chaos]. M. [in Russian]

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // *European Journal of Philosophical Research*. 2014. № 1(1). pp. 65-72.

Научная истина: социальная природа и консенсуальный характер

Сергей Александрович Лебедев ^{a, *}

^a МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье развивается концепция социальной природы и консенсуального характера научных истин. Ее основу составляет конструктивно-репрезентативная концепция научного познания на всех уровнях научного знания: чувственном, эмпирическом, теоретическом и метатеоретическом. Консенсуальная трактовка природы научных истин является альтернативой двум широко распространенным в эпистемологии, но, тем не менее, ошибочным теориям: эмпиристской и рационалистской парадигмам научного познания. Согласно первой парадигме основой, источником и критерием истинности любой единицы научного знания является эмпирический опыт. Этому противоречит истинность математического знания и научных теорий в естествознании и гуманитарных науках. Согласно рационалистской парадигме основой, источником и критерием истинности научного знания является мышление, главными средствами которого являются интеллектуальная интуиция, дедукция и идеализация. Этой концепции противоречит установление истинности чувственных данных, научных фактов и частично истинности эмпирических законов. Согласно консенсуалистской концепции научное познание имеет социально-историческую природу и принципиально коллективный характер, а его главным субъектом является дисциплинарное научное сообщество. Успешное функционирование последнего основано не только на субъект-объектных познавательных отношениях, но и на субъект-субъектных коммуникациях внутри научного сообщества. В силу принципиальной как эмпирической, так и теоретической недоопределенности любой единицы научного знания принятие научным сообществом решения о ее истинности по необходимости всегда имеет экспертный и консенсуальный характер.

Ключевые слова: научное познание, научная истина, субъект научного познания, единица научного знания, уровень научного знания, научный консенсус.

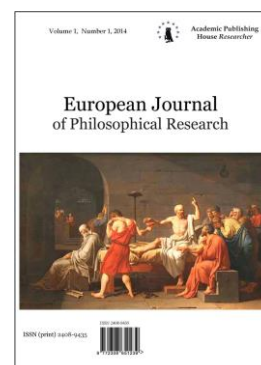
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: saleb@rambler.ru (С.А. Лебедев)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 68-76

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.68
www.ejournal17.com

Long Rout of Self-Knowledge (to the Issue of the Movement of Thought in History)

Alex E. Razumov ^{a,*}

^aInstitute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Man, wishing to become the master of nature, has not yet become the master of their own passions. Today the world is balancing on the verge of ecological catastrophe and nuclear war leading to mutual destruction. All of this, and much more, makes the actual task of self-knowledge a very urgent one. Catching up with the self-knowledge, "I" notice that I represent for myself something unreachable, because it contains many various – economic, political, religious and cultural components. My self-actualization can be blurred by political and ideological conjuncture. Russian national ideology can be understood as the deployment of the well-known formula of Count Uvarov: "Orthodoxy, Autocracy, Nationality" through the Russian history. Each of the constituents of the formula experienced a strong shaking time, but it is still actual, though in some modified form. It is known to the European consciousness from Christianity, that the sails of history are blown by the winds of Truth, Justice and Freedom. So it will be in the future, if the main of the Freedoms, the Freedom of creativity, will be guided by responsibility.

Keywords: self-knowledge, self-actualization, time, history, thought, truth, freedom.

1. Введение

Хочу предварить основной текст рядом критических замечаний относительно попыток отдельных людей, социальных групп и мирового сообщества в целом, стать господами и хозяевами природы. Прошедшее после Георга Вильгельма Фридриха Гегеля время только подтвердило его правоту. Порой самым драматическим образом. Человек не стал еще господином самого себя. Человеческий род, используя собственный разум, возможности науки и техники, пытается подчинить себе силы природы; человек многого добился, но вместе с тем балансирует на грани возможной экологической катастрофы. Нам угрожают «парниковый эффект», серьезные планетарные, климатические потрясения, глобальное потепление из-за того, что мы не способны контролировать выбросы в атмосферу диоксида углерода. На эту опасность уже давно обращала наше внимание наука (Гранин, 1994, 2007, 2014; Моисеев, 1999), но совокупный человек не хозяин самого себя и своих желаний; он далеко не всегда в состоянии контролировать свои страсти к власти, обогащению, обладанию и потреблению, поэтому чаще всего оставляет предупреждения науки без должного внимания. Сегодня мы, не думая о последствиях, сжигаем уголь, нефть и газ. При этом углеводороды стали не только предметом потребления, но и средствами финансовых спекуляций и инструментом экономических и политических игр различных «элит» и государств.

* Corresponding author
E-mail addresses: stas_ecl@mail.ru (A.E. Razumov)

Что касается того, чтобы «стать господином самого себя», то мы настолько слабо себя контролируем, что основные на планете «партнеры» по вооруженному глобализму и «паритету», сохраняют мир, танцуя на грани возможного взаимного и всеобщего истребления в термоядерной катастрофе, вовлекая в противостояние новых участников, вроде Северной Кореи. Но одной термоядерной энергии изобретательному уму, как свидетельствует история, конечно, мало. Ранее для самоистребления были придуманы химическое и бактериологическое оружие, а позднее генетические и, говорят, климатические способы доказать собственную правоту соседям по планете. Правда, Россия собственное химическое оружие ликвидировала, а США обещали это сделать позднее. Но химия, биология, генетика – это, конечно, не предел для направленного ума, мысль продолжает работать. В последнее время заговорили об опасности киберугроз.

Резюмируя скажу, что на убийство (нападение и оборону) государствами отпускаются все более чудовищные средства; для этой цели привлекаются лучшие умы и последние достижения науки. Причем, миролюбивая Россия деньги расходует, конечно, на оборону (межконтинентальные ракеты и пр.), тогда как США и НАТО тратят, понятно, на нападение. Не станем выяснять кто прав, важно, что здесь мы прикасаемся к трагизму существования, к тому, что наш, во многом нелепый и хрупкий мир взаимонепонимания, может рухнуть таким образом, что «образ и подобие Бога» прихватит с собой в небытие всю планетарную биосферу. Создается такое впечатление, что человек без объявления войны напал на свою собственную социальную и биологическую природу, и не желает при этом быть хозяином своей судьбы, не хочет быть господином самого себя. Из вышесказанного, ко всему прочему, следует, что единое «Человечество», как законченное творение Истории – это пока только проект, который еще предстоит реализовать совместными усилиями заинтересованных народов. Реализовать, хорошо бы, при помощи напряжения морального «гражданина мира» Канта. Жалко, что «гражданин мира» во все времена являлся большим международным дефицитом, поэтому нужны также усилия наук, искусств и религий; экономики и политики. Предстоит, либо реализовать указанный проект, либо, возможно, исчезнуть. Угроза исчезновения делает (сохраняет), конечно, весьма актуальной задачу самопознания человека. Ту задачу, которую завещал нам еще Дельфийский оракул: «Познай самого себя!». С той поры задача не стала менее сложной, более того, она приобрела дополнительные идейные, технологические, социальные, идеологические и философские измерения.

2. Основное содержание

Обращаясь к самопознанию, мы видим, что в потреблении человек стал проблемой для самого себя. Речь идет не только об углеводородах, но и о биологических ресурсах, об исчезающих породах рыб, животных и растений. В статистическом большинстве случаев люди забыли заветы предков (конфуцианство, индуизм, буддизм, магометанство, иудаизм, христианство), рекомендовавшим нам умеренное потребление материальных благ, не разрушающее среду обитания. В России, вспомним, скромность, и умеренность в быту рекомендовал Лев Николаевич Толстой. Он учил нас, что Истина в духовности. Мы же не считаем проблемой стремление к потреблению, более того, мы полагаем потребление не только полезной, но и высокоморальной задачей.

Некогда голубую и зеленую среду обитания мы превращаем в конструкцию из камня, бетона, стекла и пластика. Не предлагаю вернуться в шалаши и пещеры предков, просто хочу осознать возникшие сегодня проблемы. Сегодня, кажется, только глубины Мирового Океана способны сохранить независимость от потребительских амбиций «человека разумного». Если океанские глубины пока сохраняют нейтралитет, то континентальная среда обитания живого отвечает на насилие, «господство» человека и бесконтрольное потребление, наказывая его повышенной радиацией, озоновыми дырами, истощением запасов питьевой воды, опустыниванием, и другим, о чем уже говорилось. Так что и здесь лучше «познать самого себя» – глубже себя понять и больше узнать о себе, включая собственное безумие.

Сегодня мы живем в мире умножающихся знаний и достижений в области высоких технологий; наблюдаем прогресс медицины и рост продолжительности жизни. В глобальной политике исчезли колониальные державы и исчезают тирании, а формы демократии становятся более предпочтительными среди форм народного

представительства. Вместе с тем сохраняется еще, даже приобретает новые импульсы, известное стремление к глобальному политическому и идейному доминированию, что, понятно, сильно осложняет совместное, планетарное общежитие. Ясно, что отсутствие всякого доминирования означало бы торжество международной анархии. Государства не равны пространствами, силой и историческими заслугами, поэтому доминирование неизбежно. Но оно должно стремиться создать мировое содружество народов, а не подчинение, в результате диктатуры одного центра силы. К сожалению, современный мир далек от глобального взаимопонимания, в нем, как уже отмечалось, много угроз и насилия. Последнее обстоятельство является существенную часть фона, на котором происходит мое исследование. Я обязан иметь это в виду, иначе «самопознание» станет очередным упражнением в сочинении мифа о себе самом. Скажем, о том, что я следую заветам Бога, а не подчиняюсь командам финансовых Идолов. Так что, предлагаю помнить, не терять из виду отмеченную мысль Гегеля.

Самопознание, надо думать, началось с того момента когда мысль стала сознанием, а человек понял, что занимает особое место в мире живого. Когда род человеческий осознал себя в качестве такового. С той поры началось движение, которое пока продолжается... Самопознание человека – это рассказ себе о себе самом. То же можно сказать о нации или о народе и их самопознании, и об этом еще будет речь. На первый взгляд, кажется, что рассказать о себе не трудно, что я знаю о себе все, но это, конечно, далеко не так. Дело даже не в том что, подчиняясь требованиям критериев научности, я должен претендовать на объективность в области чего-то сугубо субъективного. Дело еще и в том, что «я» представляю собой для моего ума нечто почти неохватное. «Я» несу в себе многие экономические, политические, национальные, культурные и религиозные составляющие. Кроме того, в этих качествах «я» меняюсь во времени, создавая тем самым свою, уникальную историю. История является ключевым для нашей темы понятием. Пытаясь понять самого себя, я должен смотреться в зеркало истории, которое представлено моей памятью. Проблема не только в том, с помощью политических и иных идеологий мне нравится прихорашиваться перед зеркалом. Проблема в том, что наша коллективная память такова, что стремится переписывать историю, сообразно требованиям политической конъюнктуры. Мою историю стремились переписать с каждой сменой политических режимов, и даже правителей, меняя события, толкования событий, творцов и героев истории. Сегодняшняя российская власть, правда, старается радикально не перекраивать прошлое страны, поэтому есть надежда на объективные оценки со стороны официальной историографии. Что будет дальше – увидим.

Отметим, что эволюция памяти вовсе не является исключительно русской национальной особенностью. Память наших недавних сестер и братьев на (в) Украине образовала ныне в большом количестве врагов всего русского, и может голод назвать целенаправленным голодомором, а тех, кто раньше был врагом и предателем, называть теперь героями борьбы с «москалями». Похоже, древняя греческая богиня памяти Мнемозина вовсе не прикасалась к некоторым «самостийным» головам. Но, думаю, время разберется во всем и решит сегодняшние проблемы. Все же русский и украинец – представляют две разные нации, но один народ. Народ с одними древними истоками веры, с общими взлетами и провалами, поражениями и победами; с одной, общей судьбой и единой историей. Разорвать нас на две разные, враждебные части будет совсем не просто. Еще пример. Из прошлого известны печальные случаи, когда идеология (нацизм) объявляла свой народ самой выдающейся нацией, и представителем высшей Расы, призванной к мировому господству. При свете этой слепящей идеи, ее поклонники заставили человечество умыться кровью Второй мировой войны. Удивительно, что «идея» навсегда, казалось, растоптанная сапогами солдат победителей и приговором трибунала в Нюрнберге, сегодня оживает. Вывод таков, что политизированная, направляемая эволюция памяти может даже в этом очевидном случае преодолеть требования исторической объективности и здравого смысла.

Конечно, самопознание – это проникновение в глубины (или на мелководье) самого себя. Но, вместе с тем, как отмечалось, оно связано со стремлением рассказать о себе

самом. Поведать нечто интересное всем желающим выслушать и понять. Без этого мое самопознание останется внутри моего сознания и исчезнет вместе со мной. Но, в любом случае, самопознание должно быть творческим актом. Это обстоятельство я предлагаю запомнить. Еще Платон в Пире (в речи Диотимы) учил, что «Все, что вызывает переход из небытия в бытие, - творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей – их творцами»².

Существует убеждение, что Сотворение Мира и Человека явилось актом Самопознания Бога, реализованном на пути безначальной, не сотворенной, как полагал Николай Бердяев, Свободы Творчества. Как созданные по образу и подобию Творца мы унаследовали способность к творчеству, влечение к свободе, стремление к самопознанию. Одно из самых глубоких сочинений «философа свободы» Бердяева называется «Самопознание». Случай не исключительный. До Бердяева «К самому себе» обращался Марк Аврелий, писал «Исповедь» Августин Блаженный. Августин полагал, что существование Бога очевидным образом следует из самопознания человека. Это можно понять, ибо еще Иисус из Назарета учил, что Бога-Творца и спасение следует искать, прежде всего, внутри себя. Правда, в отличие от Августина, другой богословский классик – Фома Аквинский в «Сумме теологии» разъяснял, что из самопознания следует только существование вещей. Но и этого достаточно, чтобы заняться самопознанием. Известны также замечательные «Поэзия и правда моей жизни» Гёте, «Былое и думы» Герцена. Это результаты творческих усилий и весьма достойные примеры самопознания и желания поделиться результатами самопознания. Примеры духовности и проникновения в глубину собственного внутреннего мира, примеры для подражания и руководства самопознанием.

Отдельную главу в исторической книге самопознания составляют сочинения подобные тем, что представлены, например, А. И. Солженицыным, оказавшие серьезное влияние на былое и думы моего современника. «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ» повествуют о способности человека противостоять злу и сохранять чувство внутреннего достоинства в условиях, когда репрессивные структуры государства всеми силами стараются лишить его этого достоинства. Солженицын является наследником тех, кто собственным творчеством утверждал чувство человеческого, в частности, русского национального достоинства. К тому же разряду в ряду критического самопознания следует отнести творчество выдающегося логика, социолога, писателя, поэта, художника А.А. Зиновьева. Среди его публицистических работ я бы, в первую очередь, выделил, конечно, изданную в «тамиздате» (в Швейцарии), в 1976 г. «Зияющие высоты», быстро проникшую на Родину и оказавшую большое влияние на мое и моих друзей мировосприятие действительности. Однако вернусь к Солженицыну.

Александр Исаевич ведет речь не только о национальном достоинстве; писатель, он же социальный мыслитель, исследует глубины моих национальных проблем и «антропологической катастрофы» в России ушедшего столетия, а это уже можно отнести к тому, что следует назвать направлением самопознания народа. Здесь, чтобы продолжить Солженицына, и для дальнейшего движения по теме статьи, нам надлежит перейти от самопознания личности к самопознанию человеческих объединений. К самопознанию русской нации, в частности. В свете этого самопознания русская нация иногда выглядит весьма похвально, когда отстаивает свободу отечества, скажем. Иногда же, к сожалению, не слишком для меня лицепрятно, если учесть, что из глубин отечественной истории, кроме трудолюбия и героизма, к нам тянутся линии царевубийств, неуважения к закону, разбоя и бунтов «бессмысленных и беспощадных». Хотя не бунты и казни, мне кажется, составляют суть российской истории. Посмотрим на нее из глубины (с высоты) признанной классики.

Свое движение к национальному самосознанию и самопознанию предлагаю начать с классической формулы графа Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». Если я правильно понимаю бывшего реакционера, а ныне претендента на звание просветителя графа Уварова и его сторонников, формула называет главные слагаемые русской национальной идеи. Идеи, вокруг которой должна выстраиваться моя национальная идеология. Любое из слагаемых триединства испытывали сильные потрясения временем и историей, но каждое из них живо и ныне, правда, существует, как правило, уже в некоей превращенной форме. Поговорим об исторических потрясениях.

Как сотрясилось православие при власти государственного атеизма большевиков хорошо известно, но и до большевиков на Руси и в России над православием не всегда сияло безоблачное небо святой, непогрешимой, всеобщей веры. Были расколы, и раскольники крестились двумя перстами, что противоречило «символу веры». Было время, когда церковь старалась поставить себя над государством, слишком активно вмешиваясь в его дела, за что Петр Великий отменил должность и звание Патриарха. Звание восстановил тов. Сталин, но церкви было предложено заняться только вопросами веры. Исключая Великую Отечественную войну, когда церковь полностью объединилась с народом и государством, она старалась не вмешиваться в вопросы политики. Патриарх Кирилл первый из последних патриархов, кто активно выступает с политическими заявлениями. В поддержку государственности и власти, как правило. Кроме того, Патриарх стремится, где это возможно, установить «диалог» взаимопонимания между различными христианскими конфессиями, и привлечь к разговору не только христиан. Задача, безусловно, политическая. Полагаю, его политические инициативы идут только на пользу православию и России.

Теперь, продолжая линию национального самопознания, надлежит обратиться к следующей составляющей формулы триединства, а именно к народности и народу. К народу, его не простой судьбе в России (в стране и в государстве) и сложном национальном характере. Обращусь за поддержкой к авторитету Дмитрия Сергеевича Лихачева, который огорчился, что «страна, создавшая одну из самых универсальных культур... явилась одной из самых жестоких национальных угнетательниц, и прежде всего своего собственного, центрального народа – русского, составляет один из самых трагических парадоксов в истории, в значительной мере оказавшихся результатом извечного противостояния народа и государства, поляризованности русского характера с его одновременным стремлением к свободе и власти» (Лихачев, 2006: 197). Добавлю, что для государства и власти, которые служили себе и правящим классам, «народ» был не более чем заклинание в культовых, идеологических обрядах. Народ, со своей стороны, предпочитал жить «по понятиям», по своему разумению, и желал, чтобы судили его «не по закону, а по совести». Итогом противостояния народа и государства могут быть (и были) революция и гражданская война. Конечно, я являюсь частью народа и несу в себе его узнаваемые черты, поэтому мы оба должны присутствовать в самопознании.

Как и всегда, народ в России ныне составляет серьезную проблему для страны, для государства и для себя самого, хотя гражданской войны пока не затевает. Более того, сегодня политическая власть призывает народ образовать некое патриотическое единство. Намерение, надо признать, весьма похвальное, однако, это единство может быть сформировано и существовать только в рамках определенных общественных отношений, а они таковы, что делают «единство» весьма не простой задачей. Неразрешимой пока проблемой является существующее огромное имущественное неравенство. Можно, конечно, подключить воображение и объявить народ единым, но вряд ли это будет «нас возвышающий обман». Для единства различных социальных групп необходима общность целей, общая оценка и сходное понимание реальности. Между тем у меня, моих друзей и знакомых из области науки и культуры и у правящего сегодня бал финансового олигархата не только разные представления о ценностях, целях и смысле жизни, и о стоящих перед державой задачах. У нас даже территория-страна обитания разная. Достигнуть взаимопонимания вряд ли возможно. Сверх того, мы в России по-разному помним разные времена и события. У нас разная историческая память. В ней с разными оценочными знаками фигурируют не только «белые» и «красные», в ней по-разному представлены добро и зло.

В частности, например, у нас разное понимание феномена и сущности российского самодержавия. Добро это или зло России. Я, наконец, добрался до оставшейся части триады графа Уварова. Хочу пояснить в чем, по моему мнению, заключается существо отечественного самодержавия.

Для начала предлагаю читателю различить самодержавие, как власть самодержца, Государя (одного из династии Романовых, скажем) и самодержавие, как способность страны и государства к державному, вековому самостоянию, то есть, к самодержавию. При этом меняются или исчезают Государя и их верные слуги, а империя, держава сохраняется и стоит. С Императором или без него, но Россия, как страна может существовать только в виде империи. Иначе ее ждет распад и хаос, как показал в своем исследовании Владимир Кантор

(Кантор, 2008). Словом, эту часть формулы графа Уварова я хочу понять, как утверждающую о способности и стремлении православного народа к историческому самостоянию-самодержавию. Тогда триединство обретает более завершенный смысл, и мы можем с большим основанием дальше рассуждать о проблемах русской национальной идеи и идеологии. Мы можем изучать факторы, мешающие реализации национальной идеи, в их числе те, о которых уже шла речь в критической части статьи, которые смогли проникнуть и исказить самосознание народа. Например, мы можем огорчиться, вслед за классиком исторической мысли позапрошлого века: «В России воруют!»! Россия помнит, что за воровство дробил зубы А.Д. Меншикову державный кулак Петра Великого. Свой и государственный карман путал князь Г.А. Потемкин Таврический, но оба служили самостоянию России. Нынешнее же воровство в крупных масштабах и дальнейший перевод денег в зарубежные банки, нашему самодержавию явно не способствует. Но, будем надеяться, что это не изменит исторической ориентации русского национального характера, при всей его видимой непоследовательности и нынешних проблемах морального свойства. Однако я убежден, что Россия и истина России больше и глубже, чем тот или иной конкретный этап ее развития. Еще есть идея России, которая воплощается в ее великих умах, великой культуре, в уникальных культурах составляющих ее наций, в ее мировом предназначении. Последнее, как мы понимаем, и как следует из того, что уже сказано, не означает, что идеи и идеалы России видятся мне только в небесных, голубых тонах. В прошлом России много насилия и агрессии, а в настоящем - достаточно социальных проблем, чтобы заняться моральной составляющей моего национального самопознания.

Во времена графа Уварова задача становления морали возлагалась на православие. С той поры много воды утекло. Революция стремилась на куски разбить скрижали религии. Затем ушел «моральный кодекс строителя коммунизма». Однако не все замели пески времени. То, например, что моральное поведение хорошо только по отношению к своим – к тем, кто разделяет твои веру и убеждения, но в отношении врагов допустимы и нужны отклонения. Так на войне действует не «возлюби», а «лжесвидетельствуй» и «убий». Принцип «свой-чужой» является законом, корректирующим политику и моральное поведение. А в обыденной жизни, где-то между «своими» и «чужими», богатством и нищетой, властью и подчинением и пр., могут теряться категорический императив морали и гражданин мира Канта. Кстати, императив и «гражданин мира» – это слагаемые внутри нормального общества и среди нормальных людей. Там же, где они искажены ненавистью, национальным или расовым фанатизмом, там правят другие императивы.

Обращение к себе, самоорганизация, самопознание являются настоятельными рекомендациями истории, начиная как минимум с «Осевого времени», когда духовные процессы между 800 и 200 гг. до н.э. на разных независимых островах культуры Востока и Запада формировали мировые религии и моральные кодексы. Эти процессы изучает Карл Ясперс в известной книге «Смысл и назначение истории». Не все согласны со сроками, которые обозначены Ясперсом, но для меня это не столь важно. Важно, что самопознание и память влекут меня к идее общечеловеческой морали и единого Человечества. К идее, которая представлена, как проблема в начале статьи, но может быть реализована, если мы услышим призывы морали. Всечеловеческая мораль разрушена существующей печальной практикой жизни сегодняшнего населения планеты; угрозами, агрессией и войнами разорванного на куски человечества. Вопрос – это неизбежно, или как долго это будет продолжаться? Ответ зависит от нашего знания и нашей веры. Нашего знания и понимания глубины проблем, нашего знания способов их решения. От нашей веры в самих себя и надежды на помощь со стороны истории. Мы прошли долгий путь самопознания, но он еще не окончен. Похоже, что завершиться он может только вместе с человеком. Надо верить, и сделать все возможное, чтобы конец был не бесславным следствием человеческих пороков, и наступил не скоро.

Похоже, я подхожу к завершению своего движения по теме. Оно, как и ожидалось, вынуждено было быть весьма многоаспектным, а потому влекло в рамках статьи неизбежную скороговорку, за что автор вынужден просить извинения у читателя. Многие фундаментальные составляющие того как человек познает и сознает себя в области экономики, политики или религии остались без должного внимания. Надеюсь, что скороговорка нигде не переросла в мелкотемье, хотя сказанное иногда только обозначало

проблему или старалось скорее указать определенную методологию ее решения, как в случае с толкованием воззрений графа Уварова. Возможно, все вышеизложенное следует понимать только как введение в тему, которую еще предстоит раскрыть любому, кто хочет понять себя в качестве творческой личности, а также желает исследовать ее на пути дальнейшего, не завершеного еще самопознания человека. Мне же осталось только подвести некоторые итоги и наметить дальнейшие возможные пути движения мысли по теме самопознания, по теме познания человеком самого себя.

3. Заключение

Все, что мы узнаем о Вселенной, об Универсуме – это одновременно и самопознание, знание о себе, то есть о своей способности понять тайное и желании охватить неохватное. На пределе своих возможностей мысль пытается понять Время, от Времени переходит к Вечности, от Вечности – прорастает до Предвечного. До Совершенства, до Абсолютного, до Начала начал и Причины причин. Это можно посчитать пределом движения - дальше, выше и глубже нет ничего, что может отследить мысль, ибо она добралась до Абсолюта, а он (по определению) может существовать только в единственном числе. Это мысль о последней загадке Универсума, по- другому о Боге. Как мы понимаем, мысль о Боге основательно оснащена религиозной мифологией, что не мешает ей следовать определенной логике движения. Вообще говоря, в истории религий и поклонений, скажем у эллинов, люди, случалось, становились богами, а боги приобретали человеческие навыки. Известны даже поклонения крокодилам, что не должно слишком удивлять, поскольку было местным следствием убеждения в наличии Единого Начала, которое проникает в любой из объектов, и, поклоняясь которому, ты поклоняешься этому Началу. Наука, спешу заметить, в подобной экзотике, конечно, не нуждается, поскольку для целей научного познания Универсума «гипотеза» о Предвечном ничего не добавляет и не отменяет в знании о структурах, а также открытых наукой законах, которые действуют внутри Универсума.

Но в любом случае, как я понимаю, мысль в поисках ответов должна возвращаться к самой себе, к самопознанию. К собственным способностям странствовать по мирам и пространствам. От бесконечных Вселенных к загадочным колебаниям бесконечно тонких, одного измерения струн, порождающих все многообразие элементарных частиц, как это описано в современной физической теории струн. Здесь, в подобных теориях мысль может соединять знание и веру; знания, наблюдение, измерения, эксперимент и веру в способность математики создавать новые смыслы. Единственное, на что неспособна мысль – это выйти за собственные пределы. Хотя «ничто», скажем, не может быть предметом научного анализа, мы можем сделать его предметом мысли. Мысль кажется беспредельной и совершенно свободной, однако, свобода ее не абсолютна.

Мысль, которая может быть понята как истина, должна быть ограничена законами логики, даже, если это мысль Бога. Например, как это известно от Локка, Бог ничего не делает без достаточного основания. Правда, сегодня закон достаточного основания вычеркнут из числа логических, поэтому с этой стороны у логики к Богу не может быть никаких претензий. Иное дело, что с недавних пор, квантовая механика сильно проблематизировала тысячелетия простоявшую двузначную логику Аристотеля, и рекомендовала мышлению вероятностные, многозначные, паранепротиворечивые логики. Но, в любом случае, логика продолжает управлять движением мысли. Даже, если речь идет о внезапном озарении и интуитивных суждениях, в них можно отыскать скрытую логику личного, и коллективного бессознательного. Конечно, в том, что касается самопознания и самооценки, лучше проявлять осторожность и говорить о степенях вероятностей.

Возможно, это будет за горизонтом сегодняшних событий, но безграничная свобода творчества также должна быть ограничена моралью или логикой морали. Общечеловеческой моралью, иначе дар Небес при определенных условиях вполне может оказываться посланием из Преисподней. Как это случилось с открытием тайн ядерной энергетики и созданием термоядерной «слойки», якобы для защиты непреходящих ценностей жизни (своих). Как утверждают знатоки вопроса, сила Сатаны в том, что он может прикидываться творящим благо.

Сообразно с учением мировых религий следует признать, что во мне, почти в каждом из нас (за исключением идеальных людей религий) в разных пропорциях присутствует Бог и

Его противоположность. «Я» есть соединение идеальных и эмпирических начал. Вместе они осуществляют динамику жизни, где Идеал призывно светится на горизонте истории и зовет меня к самопознанию и ответственности за собственную судьбу. История сложилась таким образом, что назвала и явила меня и моих религиозных предков последователями учения Иисуса из Назарета или Спасителя. Так вот, его знаменитое: «Я есмь путь и истина и живот» нельзя понимать так, будто «сын человеческий» берет на себя всю полноту ответственности за судьбу кротких, плачущих, «блаженных» и «нищих духом». Христианство потому и победило в веках, что Спаситель был понят как призыв познать Бога внутри себя самого. «Богочеловек» возложил долг собственного спасения на личность, на «Я», на творческую инициативу личности и совершенствование ее внутреннего мира. Поэтому христианство – это не «вздых угнетенной твари», а учение о творческой природе Личности, и один из важнейших этапов на долгом пути самопознания человека. Самопознания человеческой мысли, в частности. Оно еще не завершено, и в очередной раз возвращает меня к самому себе: «Я мыслю, следовательно, существую»! Вспоминая Декарта, я соображаю, что без меня, тем более без нашей коллективной мысли, Бытие, Универсум или все существующее, лишаются части своей Полноты. Мысль – это форма, или одна из форм самопознания Универсума. Идея – от века закодирована в его структуру, а, возможно, результат направленной синергии. Ответ зависит от веры и убеждений. Идеализм или своеобразная форма материализма.

Европейскому сознанию со времен христианства, по крайней мере, известно, что паруса истории надувают ветры Истины, Свободы и Справедливости. К сожалению, это не все, что можно сказать о причинах движения в пространстве-времени человеческого корабля истории. К сожалению, наше человеческое общежитие, нашу экономику и политику часто сопровождают чрезмерная воля к власти, жажда наживы, алчность, беззаконие и иные страсти; отсутствие элементарной гражданской грамоты, глупость народных масс и поклонение их ложным богам. Этот печальный факт совместного общежития возвращает меня к обозначенной в начале статьи мысли Гегеля о том, что человеку надлежит стать господином самого себя. Правда, господином природы «я» все равно не стану, зато могу стать ее верным слугой и смело пользоваться ее дарами. Тогда время и история станут меньше раскачивать мой корабль на волнах жизни, и подуют желанные ветры свободы. Свободы мысли и творчества, прежде всего. Но не абсолютной свободы, а ограниченной ответственностью за результаты творчества.

Таков предварительный результат моего, изложенного в этих заметках самопознания, и, напомню, что оно еще не окончено. К тому же, как и ожидалось, самопознание явилось вполне субъективным. Уверен, что читатель имеет свои виды на этот предмет, и его самопознание во многом отличается от того, что здесь представлено. Задача в том, как объединить их в одно целое, чтобы, не замыкаясь в мирах собственной субъективности, мы вместе, вслед за Ясперсом, смогли «найти мир вообще».

Может быть, тогда мы станем лучше понимать зачем, для какой цели мы явились в этот мир Богов и людей, мечты, грез и разочарований, проблем и решений. В мир надежд. Явились и отправились в долгий путь самопознания.

Литература

- Гранин, 1994** – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3.
- Гранин, 2007** – Гранин Ю.Д. Что такое "глобализация"? // *Высшее образование в России*. 2007. №10. С. 116-121.
- Гранин, 2014** – Гранин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // *Век глобализации*. 2014. №1. С. 90-103.
- Кантор, 2008** – Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008.
- Лихачев, 2006** – Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 197.
- Моисеев, 1999** – Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
- Платон, 1970** – Платон, 1970, т. 2. Пир, С. 206.
- Хокинг, Млодинов, 2017** – Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. М., 2017.

References

- Granin, 1994** – Granin Yu.D. (1994). Vlast' i ekologicheskoe soznanie [Power and ecological consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. №2-3. [in Russian]
- Granin, 2007** – Granin Yu.D. (2007). Chto takoe "globalizatsiya"? [What is "globalization"?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. pp. 116-121. [in Russian]
- Granin, 2014** – Granin Yu.D. (2014). Globalizatsiya: dialektika istoricheskikh form osushchestvleniya [Globalization: dialectics of historical forms of implementation]. *Vek globalizatsii*. №1. pp. 90-103. [in Russian]
- Kantor, 2008** – Kantor V.K. (2008). Sankt-Peterburg: Rossiiskaya imperiya protiv rossiiskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii [St. Petersburg: the Russian Empire against the russian chaos. To the problem of imperial consciousness in Russia]. M. [in Russian]
- Likhachev, 2006** – Likhachev D.S. (2006). Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture [The chosen works on the Russian and world culture]. SPb, P. 197. [in Russian]
- Moiseev, 1999** – Moiseev N.N. (1999). Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? [To be or not to be ... to mankind?]. M. [in Russian]
- Platon, 1970** – Platon, 1970, t. 2. Pir, P. 206. [in Russian]
- Khoking, Mlodinov, 2017** – Khoking S., Mlodinov L. (2017). Vysshii zamysel [The higher plan]. M. [in Russian]

Долгий путь самопознания (к вопросу о движении мысли в истории)

Александр Евгеньевич Разумов ^{a, *}

^a Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Человек, желая стать господином природы, не стал еще господином собственных страстей. Сегодня мир балансирует на грани экологической катастрофы и термоядерной войны на взаимное уничтожение. Все это, и многое другое, делает весьма актуальной задачу самопознания. Занимаясь самопознанием, «я» замечаю, что представляю нечто неохватное для самого себя, поскольку несу в себе многие экономические, политические, религиозные и культурные составляющие. Мое самопознание может быть затуманено политической и идеологической конъюнктурой. Русскую национальную идеологию можно понять как развертывание в российской истории известной формулы графа Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». Каждая из составляющих формулы испытывала сильное трясение временем, но в некотором видоизмененном виде сохраняется и ныне. От христианства европейскому сознанию известно, что паруса истории надувают ветры Истины, Справедливости и Свободы. Так будет и впредь, если главная из Свобод, а именно свобода творчества, станет управляться ответственностью.

Ключевые слова: самопознание, время, история, мысль, истина, свобода, универсум.

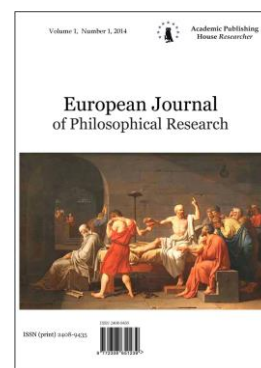
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: stas_ecl@mail.ru (А.Е. Разумов)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 77-85

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.77
www.ejournal17.com

«Processual» Look at the World of the Human: from Nonclassical to Postnonclassical Anthropology

Yury M. Reznik^{a, *}

^aInstitute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In the nonclassical model of the human world distinction between the subject and the object, the individual and the environment, between the essence (substance) and the process is erased. It proceeds from the incompleteness of being and expresses doubt that the world already exists, and everything is in it as it is. In this sense, the human world is always open to change and needs an understanding of the Other. Its constitution implies continuous communication with this Other, which certifies by its presence the fact of its existence.

Postnonclassical anthropology in my understanding seeks to overcome the relativism and particularism of nonclassical ideas about man. It tends toward polycentricity and the combination of the cognitive capabilities of substantialism and the procedural approach. Therefore, there may be several centers in the human world, each of which assumes its own way of meaning (meaning of life, life strategies, etc.). It is regarded as a «territory of meanings», the integrity and unity of which is supplemented by its split and multiplicity.

The procedural methodology is the most suitable for the study of the world of human life. However, its supporters, opposing their approach to substantialism, interpret it using the principles of «out-of-the-ordinary» and ontological freedom, which is not a sufficient basis. The procedural approach presupposes such criteria as the «intuition of the process», the change in the quality of being (the «shift of being»), the subject-predicate cohesion, the existence of a life project (as the image of the «house of being»), the production of events (autopoiesis) and etc.

Keywords: man, substance, process, non-classical anthropology, post-non-classical anthropology, substantialism, procedural methodology, event.

1. Введение

Для начала несколько слов об одном варианте построения неклассической антропологии. Сторонники такой антропологии предпочитают не говорить о единой природе или сущности человека. Они исходят из идеи множественности миров человека и собирания разных проектов человека. Поэтому неклассические антропологи отрицают какую-либо единую идею человека*. Считается, что прежние (классические) антропологические проекты

* Corresponding author

E-mail addresses: reznik-um@mail.ru (Y.M. Reznik)

* О различии между классикой, неклассикой и постнеклассикой в научном познании написано очень много. В первую очередь это – труды В.С. Степина. Постнеклассический подход преодолевает не только дуальность субъекта и объекта, что свойственно и неклассической антропологии, но и

во многом исчерпали себя. Это касается в первую очередь просвещенческого и нововременного проектов человека. Так появляется потребность в переосмыслении человеческого бытия в новой практике философа, способного преодолеть собственные онтологические пределы.

2. Основное содержание

Стратегия построения новой онтологии человека получила своё воплощение в одной из исследовательских программ, о которой речь пойдёт далее (Смирнов, 2015: 4-6). Познакомимся с версией неклассической антропологии новосибирского исследователя С.А. Смирнова, построенной на принципе автопознания.

Во-первых, автор, опираясь на идеи отечественных философов (М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев и др.), пытается уточнить содержание *неклассичности философии* человека. Классическая философия строилась, с его точки зрения, на онтологии сознания, тождественного бытию. Она базируется на идеях разумного бытия и упорядоченности естественного порядка. И согласно им человек как разумное существо способен удерживать этот порядок и воспроизводить его целостность в своих мыслительных конструкциях (в виде всеобщих и рациональных идеальных форм) (Смирнов, 2015: 15-16). В социальном плане им соответствуют автономные индивиды, которые производят духовные продукты в условиях свободного рынка и конкуренции.

В неклассической модели мира стирается различие между субъектом и объектом, индивидом и средой (Смирнов, 2015: 19-20). Ее сторонники исходят из неполноты бытия и высказывают сомнение в том, что мир уже есть и в нём пребывает всё, как есть. По словам С.А. Смирнова, М.К. Мамардашвили фиксирует проблему возникновения превращенных форм, т.е. формирования особых идеальных форм, замещающих реальность и начинающих жить своей жизнью (например, деньги, символы культуры и пр.). Человек теряет контроль над миром, перестаёт управлять им и занимает позицию наблюдателя, становясь тем самым органом этого мира. В феноменальном поле нам ничто не дано изначально, вне нашего акта мышления. Мы понимаем этот мир «собой» (сделанным), делая его в то же время тем, чем он может стать для нас. Поэтому мыслитель должен родиться по сути заново, сам себя переначать, осуществить события личной авторской мысли и возобновиться уже в новом качестве (Смирнов, 2015: 23-24). Не правда ли увлекательное занятие для философа – начинать мир и рождать его заново, а вместе с ним и самого себя.

Принципиальное различие между классикой и неклассикой в философии человека С.А. Смирнов видит в следующем: «Классический мыслитель как раз ищет первоначала, выстраивая учение о космосе, мироздании. А неклассический мыслитель совершает событие мысли собой, создавая среду понимания собой в акте действия, своим телом, присутствием создавая условие для мыслительной реальности» (Смирнов, 2015: 24-25). Получается, что такой, «ситуационный» человек мыслит только тогда, когда он создает среду для понимания Другого (или других). Но он теряется из виду, как только перестаёт думать вслух, выключается из дискурса или уходит восвояси. Другими словами, его присутствие зависит не от сделанного им и не от результатов деятельности, которые говорят сами за себя, а от мыслимого и озвучиваемого им в присутствии других людей. Поэтому главное в таком бытии человека – казаться, предъявлять и показывать себя, быть понятым Другим, а не быть на самом деле.

Из этой логики вытекает, что, если о тебе не говорят, то значит тебя и нет в фигуральном смысле. Ты есть лишь до тех пор, пока длится твоя коммуникация. Твоё же присутствие в ней удостоверяет Другой, который становится единственным свидетелем твоего существования. Ученый же может запечатлеть себя только в дискурсе.

Вместе с тем я не разделяю и другую крайнюю позицию. Так, Ф.И. Гиренок утверждает, что человек пребывает в своём бытии в двух состояниях: быть на своем месте и вступать в коммуникацию. И лишь быть на своем месте означает для него обладать всей полнотой бытия. «Вступать в коммуникацию – значит сообщать о том, что ты не на своём месте, что ты частичное существо... Ведь коммуницировать – это значит говорить на языке Другого, того, кто тебя завершает, кто дает тебе целостность и знает тебя лучше тебя самого»

предлагает творческое взаимодействие (диалог) многих субъектов, в т.ч. философа и индивида как обыденного философа.

([Концептуализация общества...](#), 2017: 266). Однако быть в коммуникации вовсе не означает отсутствовать на своем месте или пребывать в другом месте, где тебя нет и не предвидится. Речь идёт просто о разных способах бытия – бытия-для-себя и бытия-с-другими или о двух жизненных практиках – «заботы о себе» и «заботы о другом». Мне представляется, что Ф.И. Гиренок невольно выражает субстанциональный взгляд, когда подчёркивает, что каждый человек должен быть на своём месте, т.е. быть местоблюстителем бытия вместо того, чтобы быть вообще, в т.ч. быть-для-себя и быть-собой-с-другими.

Во-вторых, для неклассического философствования характерно использование понятий *края, предела, перехода, границы, горизонта* и пр. ([Смирнов, 2015: 48](#)). Они приходят на смену категориям единства, целостности, системности и пр., которые используются в классической и постклассической философии.

В неклассической антропологии на первый план выступает «краевое» мышление или мышление «на границах», тяготеющее к Другому, чужому и вообще – к Иному. В «мире миров», о котором размышляет автор, нет середины, нет никакой глубины и тайны, как это имело место в постижении классического мира ([Смирнов, 2015: 62](#)). Поэтому и существование человека погранично и событийно, поскольку события происходят только на границе. В центре же их якобы нет.

Такого рода доводы способствуют, с точки зрения автора, появлению проекта «философии по краям» В.А. Подороги, да и проекта «антропологического навигатора» самого С.А. Смирнова. Но это – осознанные концептуальные решения. Другие же исследователи приходят к проблеме пограничности спонтанным и даже интуитивным образом, когда наталкиваются на границу своего (понятого, пережитого, осмысленного) и иного (непостижимого, метафизического и влекущего). Это особенно касается исследователей, работающих в области социальной или культурной антропологии и изучающих разные культуры.

В-третьих, в неклассической антропологии, которая призвана сказать своё слово о человеке, исключается всякая линейная логика. «Переход к неклассическому мышлению о мире и человеке заключается не в переходе к ещё одному миру, отталкиваясь от предыдущего. Этот шаг заключается в принципе, в переходе от допущения одного мира, в котором обитает (или прозябает) этот наш одинокий и бездомный человек, к пребыванию в мире миров и, соответственно, к применению к нему разных онтологий человека» ([Смирнов, 2015: 57](#)). Именно поэтому в такой антропологии бытие человека обретается им всякий раз заново, как только он отваживается на онтологический прыжок.

Новую, неклассическую онтологию человека С.А. Смирнов описывает в терминах обетования, обретения, энергийности, действия и других антропопрактик. В этой связи он ссылается на философию поступка М.М. Бахтина и проект «практик себя» М. Фуко. В целом обе концепции базируются на культуре действия и проектирования. Любимый же проект самого автора – антропопоэтика, опирающаяся на дискурс и практику автопоэзиса. По его мнению, она связывает между собой структуры речи, практик и личности. А её главная задача – «выявление содержательного и структурного изоморфизма между строением неорганического тела человека (его личностной органикой) и строением языковых структур в практике поэтического высказывания» ([Смирнов, 2015: 74](#)). Проектная антропопоэтика занимается разработкой репертуара культурных практик, оснащением личности неорганическим телом и её строительством. При таком подходе легко уйти в сторону трансгуманизма с его идеей бесконечного совершенствования человеческого организма с учетом достижений научно-технического развития. Разница лишь в том, что вслед за органическим телом автор предлагает заняться и не(над)органическим телом человека, построить его личность на новых основаниях.

В-четвертых, обращаясь к онтологии человека, С.А. Смирнов утверждает, что «познание мира перестает быть базовым процессом. Человек переходит от познания некоей готовой сущности, которой для него уже нет, к конструированию миров. К построению миров. На повестке дня – тематика когнитивной и социальной инженерии. Не надо познавать мир, чтобы его изменить. Мир можно и нужно строить. И за это свое действие отвечать. Словом и делом» ([Смирнов, 2015: 57](#)).

Однако *познание человека в философии* рано ещё снимать с повестки дня. Здесь автор явно поторопился. Другое дело, что его можно трактовать в духе автора как одну из

«практик себя» или как один из способов антропотехники. Вопрос же о возможностях применения социальной и когнитивной инженерии для меня вообще неприемлем. Автор приводит примеры «после Освенцима» и «после Гулага», но ведь социальная инженерия и есть одна из тех антропотехник, которая пришла к нам «до», а не «после». И всё, что происходило с нами в последние 100 лет, явилось негативным подтверждением действительности социоинженерных экспериментов. Ещё раз повторяю, социальная инженерия появилась ещё задолго «до Освенцима», как только ученые решили по заказу власть имущих проводить опыты с человеком и на человеке, игнорируя его право на неприкосновенность личности. И первое, чем занимались так называемые социальные инженеры, – это, как известно, научное содействие политике колониальных властей крупнейших западных империй. Так что вера в мощь научно-технического прогресса применительно к человеку (за исключением развития медицины) граничит с произволом и чревата опасностью порождения технологического тоталитаризма.

Вместе с тем неклассическая антропология ставит проблему «границы» или «края». В известной мере – это «антропология по краям» (В.А. Подорога), которая делает акцент на изучении пограничных состояний человека и его мира. Неклассические антропологи недооценивают значение познавательных практик, предпочитая им коммуникации и «практики заботы о себе». В то же время они допускают применение методов социальной инженерии к изменениям мира человека, посягая тем самым на неприкосновенность его личности.

Возражения в духе постнеклассической антропологии. Мне также, как и С.А. Смирнову, хочется увидеть мир человека в его предельных основаниях, но всё же иначе, чем он, как-то по-другому, хотя, возможно, и не так парадоксально*.

И это в полной мере относится к постнеклассическому пониманию человеческого мира, которое тяготеет к использованию возможностей субстанционально-ориентированной и процессуальной интерпретаций или логик. Выскажу некоторые концептуальные возражения.

Первое. Неклассическая философия человека не приходит на смену классической, а появляется наряду с ней как альтернатива субстанционализму. Считается, что классическое направление в антропологии отличается рационализмом, логоцентризмом, субстанционализмом, линейным детерминизмом и универсализмом, тогда как неклассика – релятивизмом, индетерминизмом, процессуальностью и партикуляризмом. И это – состояние современной философии, главным противоречием которой становится размежевание субстанционализма и процессуальности. Классические концепции человека также не стоят на месте и продолжают развиваться, становясь вначале неоклассическими, а затем постклассическими.

Событийность есть частный случай процессуальности. Постнеклассика преодолевает полицентризм и имеет ряд особенностей, которые её сближают с классикой. Но самое главное в ней – альтернативность как возможность соединения познавательных ресурсов субстанционального и процессуального подходов (Смирнов, 2015: 159-258; Смирнов, 2017: 8-52).

Поэтому не стоит также противопоставлять столь радикально антропологию сущности (субстанционализм) и антропологию событийности и навигации. Дело не только в том, что первая антропология изображает человека, помещенного в сущностный мир и отвечающего за самого себя, а вторая – осмысливает его в контексте практик заботы о себе (Смирнов, 2016:

* В трактовке предельного основания я буду опираться на философский анализ А.В. Смирнова, который проводится им в контексте исследования событий и процесса их расщепления на системы вещей (Смирнов, 2017: 8-52). Предельное основание в понимании А.В. Смирнова есть *основание всякой осмысленности* (т.е. «того, с чем мы имеем дело»). Оно создает возможность инаковости и полагания «другого», а также саму возможность говорения, как такового. Это – невидимая черта, которая находится не вне, а внутри вещей, составляя их жизнь. В отличие от понятия границы такое основание не разделяет одно от другого, у него нет «той стороны» и по ту сторону границы ничего не находится. Автор утверждает, что предельное основание и есть смысл, но смысл «то же иначе». Он всегда таков, каков путь мысли и в зависимости от того, какую логику (процессуальную или субстанциональную) выбирает философ (Смирнов, 2017: 22).

29). Но и в том, что обе антропологии описывают разные стороны человеческого бытия. Поэтому их онтологии уместны и применимы в разных контекстах.

Кроме того, неклассического антрополога недостаточно читать, его надо слушать и видеть, иначе можно потерять нить мысли. Если представить, что философу неклассического типа надо всё время быть на виду, напоминать о своём присутствии действием или словом, то как тогда быть с преемственностью его идей. Получается так, что как только он уходит, исчезает и смысл сделанного или сказанного им*.

Однако, есть и другой подход: сохранить альтернативность философского дискурса о мире жизни человека и предоставить возможность каждому исследователю выбирать ту или иную (субстанциональную или процессуальную) стратегию исследования, а также способ продвижения собственных идей (тексты, публичные выступления и пр.).

Второе. Человек живёт в мире везде, где он находится для себя смыслы существования: и «в центре», и «по краям», на «границе миров». Если же смыслов нет, то нет и жизни сознания, а значит нет и присутствия в мире (в смысле «непосредственного самобытия» С.Л. Франка). Одним словом, всё, что может быть им осмыслено и воспринято как персонально-сущее, относится к его миру жизни, который можно вслед за С.А. Смирновым назвать «миром миров». В этом универсуме центром становится любой из составляющих его миров, как только он приковывает к себе внимание человека или исследователя. В нём «центр» постоянно дрейфует, смещается, иногда доходя до границы, а потом снова возвращаясь на своё место. Да и сама граница оказывается подвижной. Её можно обходить или сворачивать, находя другие тропы бытия.

Мир человеческой жизни – наш общий дом и обжитая территория, которая образует границу с внешним миром. Мы любим достраивать и перестраивать свой дом, расширяя вместе с тем его границу и дополняя её новыми деталями интерьера (смыслами и значениями, описаниями и фактами). И мы не можем чувствовать себя в нашем доме номадами, так как его границы непрерывно меняются. Что-то удерживает нас в центре или на границе. Может быть, то, что называется «территорией смыслов»? Осмысленность выступает не только горизонтом мира жизни человека, но и его границей. Я живу в мире, который я понимаю как осмысленное целое. Другими словами, это – моя осмысленная реальность, за пределами которой могут существовать другие миры и другие способы смыслополагания, которые мне неизвестны или ведомы лишь в общих чертах. Они не входят в мою «территорию смыслов», а значит лишены для меня статуса онтологической первичности.

Третье. С.А. Смирнов предпочитает стихию действия, в котором нет конца (впрочем, и начала тоже), устойчивому состоянию. Он призывает к тому, чтобы отказаться от идеи общего порядка. Ведь нет твердого основания (устойчивых представлений и конструктов), от которого человеку можно оттолкнуться. Но это не мешает ему «раздвигать горизонты». Не правда ли, любопытный и странный парадокс: движение без конца (предела), но в направлении горизонта, и без твердого основания, хотя и с картой (ориентирами). Кроме того, автор, уходя от определений сущности и единства, признает всё же, что в тематике культурного тела заложено единство тела и духа (пример – «душевный организм» Л.С. Выготского). А, значит, нам никак не уйти от проблемы «центр – периферия», как, впрочем, и от идеи «сущностного единства» человека и мира.

Мне же представляется, что мир жизни человека следует описывать в разных онтологиях, логиках или стратегиях. В нём есть сущностное единство, достигаемое каждый раз посредством смыслополагания (субстанциональный подход), и текучесть, изменчивость, событийность, которая выражается в бытийных практиках, направленных на производство событий (процессуальный подход). Причём обе онтологии самодостаточны и применимы каждая по-своему. Попытка их связать друг с другом пока никому не удалась. Поэтому и я, рассматривая мир жизни человека как целокупность, вынужден дрейфовать от одной стратегии к другой.

* Получается парадоксальный вывод: классику философии и антропологии не надо присутствовать, чтобы быть известным и что более важно – давать пищу для размышлений, а вот неклассическому мыслителю приходится обременять себя и других личным участием, если он заинтересован в понимании его текстов. А может быть не стоит переоценить принцип личного присутствия мыслителя и дать возможность его идеям пробивать себе дорогу в публичную сферу самостоятельно?

А что же наступает «после» неклассической антропологии? Возможно, антропология постнеклассическая, которая постепенно возвращает в философский и научный оборот отвергнутые неклассическими антропологами классические и постклассические «догматы». Речь идёт о новом прочтении проблем сущности и существования, субстанции и процесса, «центра» и «периферии» (границы), целостности и расколотости человеческого бытия, множественности и единства и пр. Не исключено, что в будущем Праксис, отодвинувший когда-то Логос и поддерживающий антигуманные социоинженерные эксперименты, уступит место Экосу, утверждающему приоритеты сохранения и поддержания баланса между деятельностью человека и его социоприродным окружением.

Итак, человек живет в своём мире, образуя вместе с освоенной и преобразованной им частью мира сущностное (смысложизненное) единство. Он делает этот мир для себя, наполняя его собственными смыслами (смыслополагание) и совершая в нем осмысленные действия (поступки). Всё это оправдывает использование в современном философско-антропологическом дискурсе понятия «мир жизни человека» наряду с понятиями «человеческая жизнь» и «жизненный мир». Но главное в мире жизни человека – осмысленное бытие, проживаемое и осуществляемое им посредством непрерывного «зачинания» (производства) жизненных событий. Другими словами, человек живет в своём мире только тогда, когда он производит события и совершает поступки – кирпичики его дома бытия.

В поисках процессуальной методологии исследования мира человека.

В понимании мира человека исследователи выделяют две основных методологических стратегии – субстанциональную и процессуальную. Поясню вкратце различие между ними.

Субстанциональный подход до сих пор является доминирующей стратегией исследования человека, направленной на раскрытие особой (метафизической) сущности человека. Человек рассматривается в нём как «вещь среди вещей», а его сущность множится бесконечно – биологическая, психическая, социальная, культурная, политическая, метафизическая и т.д. (Смирнов, 2016: 5-6).

Субстанциональный взгляд в трактовке человека и его мира исходит из наделения его готовой сущностью (или субъектностью) и из поиска некоей внешней субстанции (Смирнов, 2016: 22-24). Человек в нём понимается сквозь призму (или сумму) качеств, которые привязываются к нему как к носителю в определенном пространстве (Смирнов, 2015: 180). Он наделен качествами и ограничен (границами) в одно и то же самое время. И в этой логике его практика заботы о себе сопряжена с необходимостью сохранения границ местопребывания. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с человеком-местоблюстителем, который привязан к своему месту как стебли растения к корню.

И всё же субстанциональный подход не дает возможности представить мир жизни в виде устойчивой конфигурации событий (осмысленных действий и значимых поступков) человека, структурированных вокруг его смысложизненного проекта. Для этого больше подходит, на мой взгляд, процессуальный подход.

Поиски новой процессуальной онтологии человека в современной философии продолжаются (Михайлов, 2017: 200-211). Но вряд ли стоит её противопоставлять субстанциональной онтологии. По мнению А.В. Смирнова, «...мы можем мыслить субстанциально, а можем мыслить процессуально. Эти два способа организовать нашу деятельность смыслополагания равнозначны в том смысле, что каждый из них от начала до конца исполняет необходимые задачи: задаёт понимание предикационного механизма и той логики, которая формализует рассуждения, построенные на основе таких высказываний» (Смирнов, 2015: 208). При этом каждый из этих подходов рассматривается как «правильный», относящийся к другим по принципу взаимодополнительности («то же иначе»).

О том, что в философии наметился онтологический поворот к процессуальности, известно давно. Но явных попыток реанимировать онтологию процесса оказалось не так и уж и много. Процессуальная онтология постепенно восстанавливается в своих правах, потесняя субстанциональную и эссенциалистскую онтологию. В какой-то мере толчком к ней послужили

труды М. Хайдеггера и А.Н. Уатхейда*. «Логика процессуальности, – как пишет А.В. Смирнов, – это логика перехода-к-противоположности, логика сцепленности со своей процессуальной противоположностью. Здесь для нас важен действительный не “сам по себе”, а как *связанный с претерпевающим*» (Смирнов, 2015: 194). Интересно, что в данной логике субъектом может быть любая вещь, в т.ч. и человек, но нужно придать его миру смысл, т.е. соотнести с целостностью более широкого порядка (субъект-предикатным комплексом), в качестве которой может выступать бытие человека, фиксируемое связкой «есть» («человек есть»).*

Альтернативу субстанциональной онтологии мира жизни человека (далее – мира жизни) некоторые исследователи видят в неклассической антропологии, базирующейся на разных версиях процессуальной онтологии. Приведу высказывание одного из её представителей. «Рабочая онтология человека может быть построена не как учение и не как идея, а как рефлексивная карта-путеводитель для самонавигации человека и его самоопределения, поскольку никакое определение в принципе не объясняет человека, не познает его и не исследует. В этом плане и предметом такой онтологии становится не ещё одно сущее, вне меня положенное, а практика заботы о самом себе в режиме самонавигации» (Смирнов, 2016: 7). При этом антрополог-исследователь становится своего рода Сталкером, который передвигается по выбранному маршруту в соответствии с картой, направляя других людей или подсказывая им, как лучше сориентироваться в мире.

С.А. Смирнов настаивает на том, что в неклассической антропологии нужно исходить из идеи «внезаходимости» и онтологической свободы человека. Последний рассматривается на пересечении границ или во всегда-зазоре («в просвете бытия») и в ходе непрерывного движения. Поэтому нельзя постичь сущность человека раз и навсегда. Нужно каждый раз переопределять его место в мире, создавать новую карту пути. С этой точки зрения, антропология помогает человеку построить карту-путеводитель и выступает в качестве своеобразного самоучителя по составлению такой карты (Смирнов, 2016: 8-10).

Привлекательность такого подхода, при котором человек есть нечто само себя обустроивающее, руководствующееся собственной картой и всё время, находящееся в пути, весьма велика. Конечно, и те исследователи, которые ищут в человеке сущности разного порядка, также не рассматривают его в качестве статичного сущего. Но взгляд на антропологию как на карту-путеводитель (антропологический навигатор), указывающую направление движения и точку нахождения человека, представляет интерес.

Приведу теперь доводы в пользу своего варианта процессуальной методологии исследования мира жизни человека.

В-первых, нельзя произвести простую замену категорий субстанционального подхода на категории процессуального или событийного подхода, не теряя при этом полноты картины «объекта» и его смысловое содержание. Ну как можно выбросить из философского обихода понятия сущности человека, субстанции и субъекта и заменить их на другие философские термины – «событие», «практика», «горизонт», «ориентир», «ориентация», «навигация», «опора» и пр.? Понятно, что в субстанционализме они успешно «работают», а в процессуальном или событийном подходе возможно нет. Но не проще ли оставить всё на своих местах и предоставить возможность каждому подходу формировать свою

* Анализ поисков и опыта разработки онтологических проектов в истории философии посвящена замечательная книга С.С. Неретиной и А.П. Огурцова (см.: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Онтология процесса: процесс и время. М.: Голос, 2014. 734 с.). Как бы мы не понимали сам процесс (как последовательность состояний, серию событий, проявление актуальных перспектив и пр.) вклад в процессуальную онтологию тех или иных мыслителей трудно переоценить.

* А.В. Смирнов соотносит процессуальную онтологию с субстанциональной интуицией по принципу взаимодополнительности. Каждый вариант онтологии «делает свою работу» и не связан с другим. Их отношения строятся по принципу *то же иначе*. Они концептуализируются автором в трех законах процессуальной логики: (1) действие или процесс учреждает неразрывную связанность действующего и претерпевающего; (2) одна противоположность (например, действующий) утверждает свою противоположность (претерпевающий); (3) закон обязательного наличия противоположности: можно говорить о процессе (как общем, связующем звене) при условии, что мы можем указать на подчиненные ему противоположности (действующего и претерпевающего) (Смирнов, 2015: 168-258).

онтологическую модель мира человека? И поскольку мы исходим из ограниченности и недостаточности обоих подходов, взятых каждый по отдельности, то лучше их рассматривать как взаимодополнительные, а не пытаться примирить.

Понятия «смыслы» и «ориентации», «центр» и «периферия», «основа» и «опора» не исключают друг друга, а лишь указывают на разные грани жизненного мира человека и соответствующие аспекты его познания.

Во-вторых, в ряде ситуаций эти подходы (субстанциональный и процессуальный, «сущностный» и событийный) могут сходиться или приближаться друг к другу. Так, например, можно рассматривать одновременно мир жизни в терминах сущности (или единства) и как территорию «смыслов», которые влияют на становление человека. Дело в том, сущность человека изменчива и динамична. Он движим высокими идеалами, которые влияют на него на протяжении всего жизненного пути, определяя во многом его сущностную природу. Можно, наконец, попытаться интерпретировать категории субстанционального подхода в ключе событийного анализа, соединяя между собой константы (долговременные ориентиры) и переменные (ситуативные установки).

Но как бы я не старался сопоставить обе стратегии в исследовании мира жизни человека, очевидно одно: для полноты картины мира жизни человека (а не жизненного мира) не хватает «интуиции процесса» (Смирнов, 2015: 168-258). И здесь субстанциональная онтология значительно меньше подходит, чем процессуальная. Прежде всего, потому, что это – мир жизни – текучей и динамичной реальности, наполненной личностными смыслами и событиями.

В-третьих, при построении событийной онтологии С.А. Смирнов предлагает относиться к набору категорий и терминов, в которых схватывается мир человека, как к точкам-ориентирам и указателям, прокладывающим карту Пути и определяющих направление движения (Смирнов, 2016: 11). Но, увлекаясь поиском ориентиров, он недооценивает роль событий в производстве этого мира.

3. Заключение

Таким образом, для исследования мира жизни человека предлагается процессуальная методология. Однако её сторонники, противопоставляя свой подход субстанционализму, интерпретируют её с помощью принципов «внезаходимости» и онтологической свободы, что не является достаточным основанием. Необходимо ввести, на мой взгляд, такие критерии, как «интуиция процесса», изменение качества бытия («сдвиг бытия»), субъект-предиктная связанность, наличие жизненного проекта (как образа «дома бытия»), производство событий (автопоэзис) и др.

Литература

Концептуализация общества..., 2017 – Концептуализация общества в социально-философской и философско-исторической рефлексии: монографии / под общ. редакцией К.Х. Момджяна, А.Ю. Антоновского. М.: ИНФРА-М, 2017.

Михайлов, 2017 – Михайлов И.Ф. К онтологии жизненного мира: современный взгляд // Вопросы социальной теории. Том IX. 2017. Теория культуры и жизненный мир человека / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Под ред. Ю.М. Резника. М.: АНО НИГО.

Смирнов, 2015 – Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Смирнов, 2015 – Смирнов С.А. Форсайт человека: Опыты по неклассической философии человека. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015.

Смирнов, 2016 – Смирнов С.А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016.

Смирнов, 2017 – Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: ООО «Садра». Издательский Дом ЯСК, 2017.

References

Conceptualization of society..., 2017 – Conceptualization of society in a social and philosophical and philosophico-historical reflection [Kontseptualizatsiya obshchestva v sotsial'no-

filosofskoi i filosofsko-istoricheskoi refleksii]: monographs. Under K.H. Momdzhyan, A.Yu. Antonovsky's general edition. M.: INFRA-M. [in Russian]

[Mikhaylov, 2017](#) – *Mikhaylov I.F.* (2017). K ontologii zhiznennogo mira: sovremennyy vzglyad [To the ontology of the vital world: the modern view]. Voprosy sotsial'noy teorii. Tom IX. Teoriya kul'tury i zhiznenny mir cheloveka. Ros. akad. nauk, In-t filosofii. Pod red. Yu.M. Reznika. M.: ANO NIGO. [in Russian]

[Smirnov, 2015](#) – *Smirnov A.V.* (2015). Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl [Consciousness. Logics. Language. Culture. Meaning]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury. [in Russian]

[Smirnov, 2015](#) – *Smirnov S.A.* (2015). Forsayt cheloveka: Opyty po neklassicheskoy filosofii cheloveka [Foresight of man: Experiments on the nonclassical philosophy of man]. Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset». [in Russian]

[Smirnov, 2016](#) – *Smirnov S.A.* (2016). Antropologicheskiy navigator. K sobytiynoy ontologii cheloveka [Anthropological navigator. To the eventual ontology of man]. Novosibirsk: OOO «Ofset-TM». [in Russian]

[Smirnov, 2017](#) – *Smirnov A.V.* (2017). Sobytie i veshchi [Event and things]. M.: OOO «Sadra»; Izdatel'skiy Dom YaSK. [in Russian]

«Процессуальный» взгляд на мир человека: от неклассической к постнеклассической антропологии

Юрий Михайлович Резник ^{a, *}

^a Институт философии РАН, Российская Федерация

Аннотация. В неклассической модели мира человека стирается различие между субъектом и объектом, индивидом и средой, между сущностью (субстанцией) и процессом. Она исходит из неполноты бытия и высказывает сомнение в том, что мир уже есть и в нём пребывает всё, как есть. В этом смысле мир человека всегда открыт к переменам и нуждается в понимании Другого. Его конституирование предполагает непрерывную коммуникацию с этим Другим, который удостоверяет своим присутствием факт его существования.

Постнеклассическая антропология в моём понимании стремится преодолеть релятивизм и партикуляризм неклассических представлений о человеке. Она тяготеет к полицентризму и соединению познавательных возможностей субстанционализма и процессуального подхода. Поэтому в мире человека может быть несколько центров, каждый из которых предполагает свой способ смыслополагания (смысл жизни, жизненные стратегии и пр.). Он рассматривается как «территория смыслов», целостность и единство которой дополняется её расколотостью и множественностью.

Для исследования мира жизни человека больше всего подходит процессуальная методология. Однако её сторонники, противопоставляя свой подход субстанционализму, интерпретируют её с помощью принципов «внезаходимости» и онтологической свободы, что не является достаточным основанием. Процессуальный подход предполагает такие критерии, как «интуиция процесса», изменение качества бытия («сдвиг бытия»), субъект-предиктная связанность, наличие жизненного проекта (как образа «дома бытия»), производство событий (автопоэзис) и др.

Ключевые слова: человек, субстанция, процесс, неклассическая антропология, постнеклассическая антропология, субстанционализм, процессуальная методология, событие.

* Корреспондирующий автор

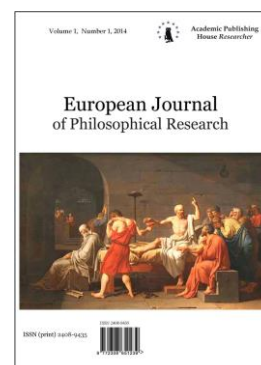
Адреса электронной почты: reznik-um@mail.ru (Ю.М. Резник)

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7286
2018, 5(1): 86-96

DOI: 10.13187/ejpr.2018.1.86
www.ejournal17.com

Reviews

System-Pluralistic Concept of the Scientific Method

Yury D. Granin ^{a, *}, Nikolay N. Gubanov ^b, Nikolai I Gubanov ^c

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Moscow State Technical University N.E. Bauman, Russian Federation

^c Tyumen State Medical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the work of the famous Russian expert on the methodology of scientific knowledge S. A. Lebedev, who published in recent years a number of fundamental works on this issue (Lebedev, 2015a, 2015b, 2017e, 2018). The subject of the study of the last monograph, which was a generalization of previous works of the author, was the history and theory of the scientific method (Lebedev, 2018). We will dwell on it in particular. In the first part, the main concepts of the scientific method in the history of the philosophy of science from antiquity to our time are analyzed. The second part deals with the theoretical problems of the modern methodology of science. The author develops the system concept of the scientific method as an interconnected set of various cognitive tools used in real scientific cognition. In contrast to the two, the alternative and widespread paradigms of interpreting the nature of the scientific method: the universalistic (monistic) and pluralistic (additive) the author develops a system-pluralistic theory of the scientific method.

Keywords: the scientific method, the methodology of the scientific knowledge, the methodological culture of the scientist, the history of the scientific method, the theory of the scientific method.

1. Введение

В статье анализируются работы известного отечественного специалиста по методологии научного познания С.А. Лебедева, опубликовавшего ряд фундаментальных работ по данной проблематике (Лебедев, 2018; Лебедев, 2015; Лебедев, 2017; Лебедев, 2015). Предметом исследования последней монографии, явившейся обобщением предшествующих работ автора, стала история и теория научного метода (Лебедев, 2018). На ней мы остановимся особенно подробно. Главная особенность рассматриваемой монографии заключается в том, что она не имеет аналогов в современной отечественной и зарубежной литературе по истории и философии науки. В своём фундаментальном труде С.А. Лебедев раскрыл историю становления, сущность и особенности практически всех методов,

* Corresponding author

E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin),
gubanovnn@mail.ru (N.N. Gubanov), gubanov48@mail.ru (N.I. Gubanov)

применяемых в естественных, математических, технических, социально-гуманитарных и иных науках. Под научным методом он подразумевает не какой-то один универсальный метод, а всю совокупность познавательных средств науки. В этом контексте научное исследование определяется как «деятельность ученых по построению адекватных и полезных моделей различных аспектов объективной действительности» (Лебедев, 2018: 3). Здесь надо было бы, наверное, упомянуть и об изучении наукой субъективной реальности (психологией и другими науками). В теоретической части своей работы автор использует разработанную им **уровневую методологию науки**, согласно которой структура любой развитой науки состоит из четырех уровней знания: чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического. При этом каждый из этих уровней отличается от других не только своей особой онтологией, но и своими специфическими познавательными средствами.

2. Основное содержание

Раздел I «Проблема научного метода в истории философии науки» содержит 7 глав, посвящённых разным эпохам, начиная с античности. Импонирует то, что С.А. Лебедев рассматривает идеи великих классиков в свете современной науки и формулирует связанные с ними фундаментальные проблемы. Например, приводится трактовка платоновского мира идей как мира объективных возможностей, предложенная одним из создателей квантовой механики В. Гейзенбергом. И тут же акцентируется важная проблема: в чём заключается онтологическое отличие возможности (потенции) вещи от самой вещи. При рассмотрении идей эпохи Нового времени производится анализ взглядов основоположника классического индуктивизма – Ф. Бэкона и его теоретического противника – Р. Декарта, придерживавшегося интуиционизма и дедуктивизма. Показано, что преодолеть односторонность этих позиций пытались Г. Галилей, И. Ньютон, Г. Лейбниц, Д. Локк, Д. Беркли, Д. Юм, И. Кант. Итогом противостояния стала проблема: «Можно ли совместить утверждение об опыте как единственном источнике и главном содержании естественнонаучного знания с доказательством возможности достижения наукой объективно-истинного знания» (Лебедев, 2018: 48). Следует согласиться с автором в том, что решение этой проблемы – основной критерий оценки состоятельности любой методологической теории, который применим и к современным методологическим концепциям.

При характеристике первого позитивизма С.А. Лебедевым показано, что закон трех стадий О. Конта носил спекулятивный характер, однако заслугой Конта было обоснование необходимости создания философии науки, основанной при построении и обосновании своих положений на конкретно-научном способе мышления. Обсуждая методологию первого позитивизма, автор показывает, что ни в рамках всеиндуктивизма Гершеля-Милля, ни в рамках индуктивно-дедуктивной модели Уэвелла-Джевонса не удалось создать методологический синтез, в котором бы сочеталось признание опыта в качестве главного источника естественнонаучного знания с доказательством возможности достижения в естествознании объективно истинного знания (Лебедев, 2018). Но не удалось осуществить такой синтез и представителям априористско-дедуктивистской методологии науки XIX в. – И. Фихте, Ф. Шеллингу, Г. Гегелю. Главная причина этого усматривается автором в том, что над ними довлело представление о необходимости существования в науке однозначного логического пути, ведущего к истине, что имело своим неизбежным следствием явную недооценку роли гипотезы в научном познании. А это явно противоречило реальной познавательной практике ученых.

Отметив преимущество второго позитивизма по отношению к первому, автор критикует при этом одну из главных идей эмпириокритицизма – отрицание возможности «чисто» объективного опыта как источника научного знания. Заслуга Э. Маха справедливо видится автором в том, что он подчеркнул невозможность логического выведения научных теорий из фактов и возможность соответствия разных теорий одному и тому же множеству эмпирических данных. Это привело к постановке одной из главных проблем философии науки – критериев выбора наилучшей среди конкурирующих гипотез. Он показывает, что решение этой проблемы Э. Махом на основе концепции простоты теории явно не соответствует реальной истории науки. Рассматривая решения этой проблемы в рамках

конвенционализма, С.А. Лебедев показывает ее преимущества по отношению к концепции экономии мышления Маха. При этом он уточняет позицию одного из создателей конвенционалистской философии науки А. Пуанкаре, которого иногда неверно трактуют как сторонника догматического или радикального конвенционализма. Напротив, Пуанкаре подчёркивал, что значимые конвенции геометрии всегда находятся в определенном соответствии со свойствами той действительности, к которой они применяются, что критерий удобства, на основе которого происходит выбор той или иной системы аксиом, не является исключительно субъективным удобством, а определяется более или менее точным соответствием природе. На основе анализа взглядов учёных конца XIX–XX вв. С.А. Лебедев приходит к выводу, что центральной проблемой философии и методологии науки этого времени становится проблема констатации не просто активной, а конструктивной роли мышления в опытных науках. Данная констатация была вызовом созерцательной концепции познания, господствовавшей в классической философии науки, основанной на признании анализа и обобщения как главных функций мышления в научном познании.

Переходя к третьему этапу позитивизма, автор отмечает, что одной из предпосылок логического позитивизма 20-х гг. был тезис о полном тождестве структуры мира, научного мышления и научного языка. Показано, почему под влиянием внешней и внутренней критики представители логического позитивизма быстро осознали полную утопичность витгенштейновской модели научного языка и уже в 30-х гг. отказались от нее. Проведённый автором анализ различных программ обоснования математики: логицистской (Б. Рассел, А. Уайтхед и др.), формалистской (Д. Гильберт и др.) и интуитивистской (Л. Брауэр, Г. Вейль, А. Гейтинг и др.) показал, что даже применительно к математическому знанию позитивистский идеал научной теории как дедуктивно построенной системы является либо нереализуемым в полной мере (классическая математика), либо вообще не соответствующим действительности (интуиционистская математика). Таким образом, проблема структуры реальной научной теории была решена логическими позитивистами в целом неверно. Также приведены аргументы, под влиянием которых в неопозитивизме произошёл отказ от жёсткой формы принципа верификации, предполагавшего возможность полного сведения всех научных высказываний к протокольным предложениям, ему на смену пришёл принцип частичного сведения научных высказываний к протокольным предложениям. Несмотря на неудачи, постигшие неопозитивистов, С.А. Лебедев отмечает, что их исследования внесли важный вклад в развитие логики и методологии науки, разработку возможного спектра дедуктивных и индуктивных форм и видов обоснования научного знания.

Рассмотрение новых образцов научной рациональности в постпозитивизме автор начинает с критического разбора гипотетико-дедуктивной модели К. Поппера. С.А. Лебедев приходит к выводу, что предложенная Поппером интерпретация понятия подтверждения научного закона или теории как их «нефальсифицированности» является не более, чем остроумной методологической гипотезой *ad hoc*, не отражающей языка реальных ученых. Например, когда ученые говорят, что общая теория относительности была экспериментально подтверждена в 1919 г. опытом Эддингтона, то они имеют в виду именно верификацию одного из важных предсказаний этой теории об искривлении луча света при прохождении вблизи тел с большой массой. Автор приводит и другие критические замечания в адрес Поппера. Главное же возражение вызывает у автора трактовка Поппером проблемы истинности научного знания. Отказавшись от возможности индуктивного обоснования научных теорий, и в то же время, желая оставаться на эмпиристских позициях, Поппер вынужден был прийти к конвенционализму и глобальному фалибилизму. Конечно, в своей критике ранней позитивистской доктрины о существовании «чистого» эмпирического знания он, безусловно, был прав. В развитой науке наблюдения и эксперименты действительно, как правило, направляются определенной теорией, а результаты научных экспериментов всегда истолковываются (интерпретируются) на некотором теоретическом языке. Но отсюда Поппер делает неверный вывод о том, что поскольку не существует «чистого» эмпирического знания, а факты должны быть истинными (иначе какие же они факты), постольку их истинность может быть только результатом конвенции.

Конвенционалистская составляющая концепции Поппера была еще более усилена в концепции И. Лакатоса. С.А. Лебедев отмечает, что у Лакатоса имеют конвенциональную природу почти все основные элементы процесса научного познания. Так, принятие фактуальных, базисных утверждений в качестве истинных выступает как дело конвенции. Принятие «ядра» программы – также дело конвенции. И даже отказ от какой-то программы как неудовлетворительной также, в конце концов, есть некое конвенциональное решение научного сообщества. По мнению С.А. Лебедева, главная ошибка Лакатоса (как, впрочем, и других представителей позитивистской и постпозитивистской философии науки) заключается в том, что все они пытались объяснить развитие научного знания, не выходя за пределы самого знания.

Далее автор показывает, что создание значимых альтернатив логическому позитивизму и постпозитивизму настоятельно требовало выхода за пределы отношения «эмпирическое – теоретическое» как единственного или главного противоречия в научном познании. Основной идеей нового, постнеклассического, подхода в разработке философии науки стало рассмотрение научного познания в социальном, культурном и практическом контекстах. Различные варианты постнеклассической философии науки были предложены в рамках когнитивной социологии науки, культурно-исторического анализа научного познания и гуманитарной парадигмы науки в постструктурализме и постмодернизме. Заслуживает внимания также анализ таких альтернативных позитивизму и постпозитивизму направлений как кейс-стадиес (case-studies) (Д.Блур, К.Д. Кнорр-Цетина и др.) и радикальный конструктивизм (У.Р. Матурана, Р. Рорти, В.Х. Варела, П. Бергер и др.). Правда, последний подход, по мнению автора, также не свободен от ряда недостатков. Главными из них являются нарушение баланса конструктивного и объективно-детерминированного начал в пользу первого, а также абстрагирование представителей конструктивизма от взаимосвязи продуктивной и репродуктивной деятельности в научном познании.

Культурно-историческая эпистемология интенсивно разрабатывалась в последние десятилетия отечественными философами П.П. Гайденом, В.С. Степиным, Л.М. Косаревой, В.И. Купцовым и др. Последним было введено важное новое понятие «социокультурный фон науки». В этой связи автор анализирует концепцию Т. Куна, которая, по его мнению, при всех её достоинствах обладает рядом принципиальных недостатков: во-первых, она отрицает соизмеримость старой и новой парадигм, а, во-вторых, сильно упрощает процесс смены парадигм, трактуя его в терминах гештальт-психологии. При характеристике герменевтики С.А. Лебедев солидаризуется с авторами, считающими, что как объяснение, так и понимание имеют место во всех науках. Однако при этом он справедливо отмечает, что степень использования методов объяснения и понимания в естествознании и социально-гуманитарных науках существенно различается.

Глубокому критическому анализу автор подвергает также постструктуралистскую и постмодернистскую эпистемологию (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Кристева, В. Вельш). Он отмечает, что в своем антифундаментализме по отношению к любому дискурсу, в том числе и научному, постструктуралисты, безусловно, правы. Однако отсюда вовсе не следует, что различные виды и единицы знания обладают одинаковой степенью неопределенности и неоднозначности. Это относится как к отличию научного знания от различных видов вненаучного знания, так и к различию степеней неопределенности и неоднозначности знания внутри самой науки, в частности, у различных видов наук. Вывод С.А. Лебедева таков: «Постструктуралистская и постмодернистская эпистемология может быть оценена как весьма развитая, зрелая и современная форма философско-методологической рефлексии гуманитарного познания. Вместе с тем, претензии постмодернизма на универсальность, на эффективное применение ко всем наукам и, в частности, к математике, естественным и техническим наукам, вряд ли можно считать достаточно обоснованными» (Лебедев, 2018: 161).

Раздел II «Теоретические проблемы современной методологии науки» С.А. Лебедев начинает с рассмотрения структуры современной методологии науки, которая, по его мнению, включает в себя пять блоков: общенаучную методологию, отраслевую (методология областей научного знания), уровневую (методология уровней научного познания), дисциплинарную (методология отдельных научных дисциплин) и культурно-

историческую (методология различных культурно-исторических типов науки). Раскрыто основное содержание каждого из указанных блоков методологии науки. Переходя к вопросу о научной рациональности, как ядра общенаучной методологии, автор выделяет следующие её требования к любому виду научного знания: его объектная предметность, однозначная определенность, доказательность (логическая или эмпирическая), проверяемость (эмпирическая или аналитическая), методологическая рефлексивность, открытость к критике, возможность улучшения. Автор показывает, как эти общие требования к научному знанию всегда конкретизируются применительно к разным единицам научного знания: его культурно-историческим типам, различным областям науки, уровням и видам научного знания. Лебедев С.А. выделяет шесть качественно различных периодов эволюции науки в целом и ее культурно-исторических типов: древняя восточная преднаука, античная наука, средневековая наука, классическая наука, неклассическая наука, постнеклассическая наука. Думается, что такая периодизация более обоснована в сравнении с довольно распространённой периодизацией, в которой первые три этапа, выделенные автором, относятся к одному периоду – периоду до возникновения в Новое время науки в ее современном понимании. С.А. Лебедевым убедительно показано, что каждый тип науки существенно отличается от всех других не только содержанием научного знания, но и своеобразием своего методологического инструментария и философских оснований.

Общая вертикальная структура науки, согласно автору, состоит из четырех качественно различных уровней: чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического, различающихся по своей онтологии и методам (Lebedev, 2014). Первый уровень образуют данные наблюдения и эксперимента, на эмпирическом уровне происходит формирование эмпирических (абстрактных) объектов на основе мысленной обработки содержания чувственных объектов, а также рациональное описание свойств и законов конкретного множества абстрактных объектов. Онтологию же теоретического уровня научного знания образует мир идеальных объектов, а научные теории являются логически доказательным описанием свойств и закономерностей определенного множества такого рода объектов. Наконец, самым общим уровнем научного знания является метатеоретическое знание, имеющее объектами своего анализа отдельные научные теории с точки зрения их соответствия общим методологическим требованиям. Метатеоретический уровень научного знания состоит из двух подуровней: общенаучного знания (общенаучная картина мира, а также общенаучные идеалы и нормы научного исследования) и философских оснований науки. Мы полностью согласны со словами автора: «Очевидно, что без философских оснований науки нарушается не только ее собственная целостность, но и целостность всей культуры, по отношению к которой философия и наука являются лишь ее аспектами» (Лебедев, 2018: 206).

Далее С.А. Лебедев раскрывает сущность и особенности методов познания на разных уровнях научного знания. Исходным и базовым служит уровень чувственного познания, поскольку именно на нем происходит непосредственное взаимодействие субъекта с объектами. Указывается, что два основных метода чувственного познания в науке – наблюдение и эксперимент – реализуются в огромном числе разного рода методик. Эти методики достаточно жестко привязаны к содержательным особенностям объектов и процессов, изучаемых в соответствующей науке: физике, астрономии, химии, биологии и т.д. А на эмпирическом уровне научного познания осуществляется уже мыслительная обработка данных наблюдения и эксперимента, где исходным методом является абстрагирование, приводящее к формированию эмпирических объектов. Для описания их свойств и закономерностей используются такие методы как описание, обобщение, разные виды индукции, гипотеза, объяснение и предсказание, анализ и синтез, сравнение, измерение, классификация, моделирование, аналогия, экстраполяция и др. Рассмотрение методов эмпирического уровня научного познания автор заканчивает анализом содержания и возможностей таких методов как эмпирическое подтверждение и эмпирическое опровержение.

В этой связи в монографии обстоятельно рассмотрена одна из первых попыток построить логику подтверждения научных (эмпирических) концепций, принадлежавшая Г. Рейхенбаху и основанная на его частотной концепции вероятности, и выявлены её методологические недостатки. Также рассмотрена другая трактовка понятия эмпирического

подтверждения гипотез, которая была предложена в работах Дж. Кейнса и Г. Джеффриса. Она состояла в попытках интерпретировать степень подтверждения гипотез на базе не статистического (как у Рейхенбаха), а логического понятия вероятности (Лебедев, 2018с; Лебедев, 2017а). Свое наиболее полное и законченное выражение данная программа получила у одного из признанных лидеров логического позитивизма – Р. Карнапа. Идентифицированы и описаны принципиальные трудности индуктивной логики в её карнаповском исполнении. Приведена и разобрана другая, не менее сложная, методологическая проблема: что должно считаться в науке подтверждающими данными. В литературе по логике и методологии науки данная проблема получила название «парадокс Гемпеля». Не вдаваясь в тонкости анализа данного парадокса, приведем общее заключение автора относительно этого парадокса: «В реальной науке ученые с такого рода парадоксом, конечно, не сталкиваются. Он возникает лишь при чисто логической реконструкции процесса подтверждения, элиминирующего все внелогические факторы, участвующие в отборе и оценке учеными некоторой эмпирической информации как релевантного подтверждающего материала» (Лебедев, 2018: 235).

Как в повседневной жизни, так и в научном познании, мы постоянно пользуемся индуктивными выводами от частного к общему, от прошлого к будущему, от фактов к законам. Но что лежит в основе нашей уверенности, что если событие несколько раз наступало после других событий, то оно наступит и в данном случае после предшествующих событий? Ученым и философам эта проблема издавна известна как проблема Юма. Автор выделяет и подробно рассматривает пять основных подходов к решению этой проблемы: 1) дедуктивно-метафизический (Дж. Ст. Милль, Б. Рассел); 2) прагматический (Ч. Пирс, Г. Рейхенбах, В. Салмон); 3) индуктивно-аналитический (Р. Карнап, Дж. Кемени, Я. Хинтиikka); 4) конвенционалистский (А. Пуанкаре, Леруа); 5) лингвистический (разрушение данной проблемы как неправильно поставленной (М. Блэк, А. Айер, П. Стросон).

В ходе проведенного анализа, выявив недостатки каждого из этих подходов, С.А. Лебедев приходит к следующему выводу: «Попытки оппонентов Юма разрушить его скептицизм в отношении возможности доказать истинность заключений индуктивных выводов чисто рациональным способом потому и оказались несостоятельными, потому что Юм был прав» (Лебедев, 2018: 252). В качестве альтернативы он предлагает следующее решение: «...Положительное решение этой проблемы возможно, но только при выходе из сферы научного познания в более широкую сферу человеческой деятельности, а именно в область практической деятельности человека и общества. Ее решение возможно при истолковании процесса научного познания как принципиально социального процесса, подлинным субъектом которого является дисциплинарное научное сообщество, принимающее коллективное решение по всем принципиальным вопросам функционирования и развития науки, в том числе и по вопросам обоснованности и истинности научного знания. Но ясно также и то, что все такого рода решения являются консенсуальными решениями научного сообщества, которые по самой своей природе всегда имеют только относительный и временный характер, а потому могут быть пересмотрены в будущем» (Лебедев, 2018: 253).

Затем автор переходит к описанию специфической онтологии и методологии теоретического уровня научного познания. Значительное внимание автор уделяет методам введения идеальных объектов теорий. Прежде всего, им рассмотрены методы введения исходных объектов научных теорий. Такими методами являются следующие: 1) идеализация свойств эмпирического объекта, 2) чисто мысленное конструирование, 3) неявное введение с помощью системы аксиом. Затем автор описывает три главных метода введения производных объектов теории. Это - редукция, итерация и конструктивно-генетический метод. Первые два характерны при построении математических и логических теорий, третий признаётся основным в естествознании, социальных науках и технических науках.

Специальному рассмотрению подвергнуты также такие методы теоретического познания в физике как мысленный эксперимент, метод математической гипотезы и метод симметрий. Согласно автору любой мысленный эксперимент с логической точки зрения является ничем иным условной формой доказательства. Но самое главное, что делает мысленный эксперимент важнейшим методом теоретического познания, заключается в том,

что этот метод позволяет выявить взаимосвязи идеальных объектов и на этой основе сформулировать ряд теоретических законов, имеющих характер математических зависимостей.

Плодотворность использования метода математической гипотезы при построении физических теорий продемонстрирована автором на примере создания таких фундаментальных теорий, как классическая электродинамика Максвелла и квантовая механика Гейзенберга. Относительно же использования и функций метода симметрий в теоретическом познании отмечается то, что этот метод состоит в таком подборе математических преобразований законов и констант научных теорий при переходе от одной системы отсчета к другой, при котором они сохраняют свою инвариантность во всех системах отсчета. А это является необходимым условием признания их общезначимости объективности.

Далее автор рассматривает возможности и функции дедуктивно-аксиоматического метода теоретического познания. Главное предназначение этого метода состоит в том, чтобы сделать научную теорию логически доказательной системой знания, относительно замкнутой и относительно самодостаточной по отношению к эмпирическому знанию и как следствие – способной развиваться на своей собственной основе. Также автор подчеркивает, что понятия «дедуктивный метод» и «дедуктивно-аксиоматический метод» не являются тождественными. Отношение между ними таково: всякий дедуктивно-аксиоматический метод является дедуктивным, но не всякий дедуктивный метод является аксиоматическим, поскольку отнюдь не обязательно, чтобы посылки любого дедуктивного вывода были аксиомами. Не обойден вниманием и важнейший вопрос о методах доказательства истинности аксиом любой теории. Автором показано, что решение этой проблемы может быть осуществлено четырьмя способами: 1) выведение аксиом теории в качестве следствий из другой более общей теории, принятой за истинную; 2) принятие решения об истинности аксиом, благодаря их интуитивной очевидности для мышления в силу простоты их содержания; 3) экспериментальное подтверждение истинности аксиом в качестве научных фактов при определенной эмпирической интерпретации конкретных аксиом; 4) принятие аксиом в качестве истинных условно на основе научной конвенции или научного консенсуса.

Из множества не-дедуктивных методов теоретического уровня научного познания в книге рассмотрены конструктивно-генетический метод, метод принципов, метод рациональной реконструкции, метод восхождения от абстрактного знания к конкретному и диалектический метод. Основное отличие всех этих методов от дедуктивного метода состоит в том, что все они являются не аналитическими, а синтетическими методами. Во многом их использование обусловлено содержательной сложностью объектов естествознания и социально-гуманитарных наук по сравнению с объектами математики. Для всех обсуждаемых методов приводятся реальные примеры из истории этих наук. При обсуждении метода формализации автором отмечается, что с самого начала формализация рассматривалась только как средство решения определенных метаматематических проблем. Но, к сожалению, после результатов, полученных Геделем, стало ясно, что чисто формальное обоснование любой математической теории в принципе невозможно. Это стало одним из оснований развития конструктивистской методологии математики.

Но если проблема обоснования математической теории не может быть решена с помощью ее формализации, тогда нужен ли тогда вообще этот метод? На этот вопрос С.А. Лебедев отвечает решительным «Да!». Во-первых, потому, что только с помощью формализации теорий можно строго определить, достаточна ли аксиоматическая база тех или иных теорий. Во-вторых, формализация научных теорий полезна тем, что позволяет минимизировать решение проблемы их истинности, которая сводится только к проблеме доказательства истинности ее аксиом. В-третьих, формализация научных теорий имеет также ту пользу, что расширяет (практически неограниченно) область их применения, не ограничиваясь только первоначальной областью объектов, с которой было связано их историческое возникновение. В-четвертых, формализация научных теорий позволяет существенным образом задействовать возможности чувственного познания и тем самым осуществить гармоничное взаимодействие рационального, чувственного и интуитивного познания как одинаково необходимых компонентов при построении научных теорий. В-пятых, только формализованное научное знание может быть передано компьютерам (Лебедев, 2017b).

Одним из наиболее общих уровней научного знания является метатеоретическое знание. Каковы методы и функции этого уровня научного знания. Автор начинает ответ на этот вопрос с анализа такого элемента метатеоретического знания как общенаучная картина мира. Он рассматривает содержание общенаучных картин мира различных исторических эпох и выделяет их следующие функции в научном познании: 1) обеспечение целостности содержания науки определенного исторического периода; 2) обеспечение вклада науки в философское мировоззрение, в его онтологическую составляющую; 3) рациональное онтологическое обоснование частно-научных картин мира, а также фундаментальных (парадигмальных) научных теорий; 4) общее предпосылочное знание для выдвижения научных гипотез и их истинностной оценки; 5) фоновое знание для разработки идеалов и норм научного исследования и оценки их эффективности.

Затем автор анализирует содержание и функции следующего важнейшего элемента метатеоретического уровня научного знания. Это идеалы и нормы научного исследования (Лебедев, 2018а). Показано, что особенно большое влияние господствующие в науке идеалы и нормы познания оказывают на построение и оценку фундаментальных научных теорий. Приведено несколько примеров такого влияния из истории науки. Например, это идейное противостояние рационалиста Галилея и эмпирика Кеплера по поводу характера движения планет Солнечной системы, это полемика между Э. Махом и Л. Больцманом в отношении научного статуса молекулярно-кинетической теории газов. Автором реконструировано и показано существенное различие содержания идеалов и норм классической, неклассической и постнеклассической науки.

Анализируя содержание и функции следующего элемента метатеоретического уровня научного знания – философских оснований науки, С.А. Лебедев отмечает, что обращение ученых к философским основаниям науки серьезно востребовано только в двух случаях: 1) в моменты кризиса прежних фундаментальных теорий и поисках новых; 2) в ситуации необходимости совершить рациональный выбор между соперничающими теориями, каждая из которых полностью соответствует всем общепринятым критериям научности.

Глубокому анализу подвергнута С.А. Лебедевым проблема истины в науке. Им проанализировано содержание всех основных концепций научной истины: корреспондентской, когерентной, конвенционалистской, прагматистской, инструменталистской, консенсуалистской, интуиционистской, эмпиристской, психологической, постструктуралистской. По мнению автора, каждая из них имеет определенное рациональное зерно, репрезентируя подходы, которые имели или имеют место в реальной науке и ее истории науке при решении учеными вопроса о научной истине и ее критериях. С другой стороны, автор показывает, что всем перечисленным выше концепциям научной истины присущ один общий недостаток: претензия на универсальность. Однако, как показывает анализ, при осуществлении таких претензий каждая из них сталкивается с принципиальными философскими проблемами. Автор видит решение этой проблемы в отказе от идеи универсального или единственного критерия истинности в науке и в признании множества таких критериев, соответствующих качественно различным по содержанию, логической форме и функциям единицам научного знания (Лебедев, 2017d). Плюрализм качественно разнообразных единиц знания требует плюрализма критериев их истинности (Лебедев, 2018d). Следующая важная методологическая проблема науки, рассмотренная и решенная автором это вопрос о характере динамики научного знания (Лебедев, 2017с). Анализ этой проблемы приводит его к выводу, что развитие научного знания представляет собой непрерывно-прерывный процесс, характеризующийся время от времени качественными скачками в видении одной и той же предметной области. Поэтому в целом процесс развития научного знания является некумулятивным. Отсюда, по мнению С.А. Лебедева следует, что хотя по мере развития науки постоянно растет объем эмпирической и теоретической информации, было бы отсюда весьма опрометчиво делать заключение о том, что в динамике научного знания имеет место непрерывный прогресс в увеличении его истинного содержания. Твердо можно сказать лишь только то, что старые и сменяющие их новые фундаментальные теории часто видят мир не просто по-разному, но зачастую противоположным образом (Лебедев, 2018b: 390). Значимой альтернативой как экстернализму, так и интернализму автором признается концепция единства и диалектической взаимосвязи внутринаучных (логико-эмпирических)

и вненаучных (социокультурных) факторов в развитии научного знания. При этом мера этой взаимосвязи не может быть определена априорно, так как для разных этапов развития науки и для решения ее разных проблем эта мера является в общем различной.

В современной философии науки достаточно полно исследована сложная структура научного знания. Но гораздо меньше разработана проблема его единства. Является ли система научного знания внутренне целостной системой и если да, то каков логико-методологический механизм обеспечения целостности этой системы? Автор даёт свои ответы и на эти вопросы. Так, исследуя проблему единства культурно-исторических типов науки, он показывает, во-первых, что все исторические типы научного знания, несмотря на их явные различия, являлись конкретизациями общего для науки понятия научной рациональности. Вторым аргументом в защиту единства различных культурно-исторических типов науки является констатация исторической преемственности научного знания при смене старого культурно-исторического типа науки новым. Конечно, эта преемственность имеет не полный и не чисто кумулятивный характер, а лишь диалектический, с отказом от части прежнего научного знания как ложного или не соответствующего новым идеалам научной рациональности. Далее автор обосновывает наличие единства различных областей научного знания. Это единство состоит не только в том, что в каждой из отраслей науки реализуются, хотя и специфическим образом, основные свойства научного знания, но также и в том, что между областями научного знания, как естественным результатом разделения труда в науке, отсутствует жесткая демаркационная линия. Автор также показывает, что механизмом, обеспечивающим единство уровней научного знания, служит интерпретация одного уровня знания в терминах другого, что предполагает отождествление или идентификацию их значений, или, другими словами, нахождение моделей одного уровня знания на других уровнях знания.

3. Заключение

В заключение своей последней монографии автор формулирует дилемму: «научный метод это монизм или плюрализм?». В ответе на этот вопрос С.А. Лебедев явно склоняется в сторону методологического плюрализма, но оговаривается при этом, что адекватным вариантом методологического плюрализма в науке, соответствующим реальной науке и ее истории, является лишь системный плюрализм. Основная идея концепции системного методологического плюрализма состоит в признании множества качественно различных средств и методов научного познания, но, тем не менее, при этом внутренне взаимосвязанных между собой в реальном процессе познания. Методологический плюрализм в науке ценен тем, что легитимизирует и обосновывает относительную самостоятельность и относительную независимость функционирования качественно различных единиц научного знания (областей науки, отдельных наук, различных уровней научного знания).

Литература

- Лебедев, 2015a – Лебедев С.А. Методология научного познания. М.: Проспект. 2015.
- Лебедев, 2015b – Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // *Вопросы философии*. 2015. № 6. С. 53-64.
- Лебедев, 2017a – Лебедев С.А. Вероятность и ее интерпретации в современной науке // *Известия Российской академии образования*. 2017. 3 4(44). 5-28.
- Лебедев, 2017b – Лебедев С.А. Метод формализации научных теорий и его возможности // *Журнал естественнонаучных исследований*. 2017. Т. 2. № 4. С. 13-29.
- Лебедев, 2017c – Лебедев С.А. Методологические аспекты динамики научного знания // *Журнал философских исследований*. 2017. Т.3. № 4. С 1-22.
- Лебедев, 2017d – Лебедев С.А. Природа истины в науке // *Гуманитарный вестник*. 2017. № 12(62). С. 2.
- Лебедев, 2017e – Лебедев С.А. Структура научной рациональности // *Вопросы философии*. 2017. № 5. С. 66-79.
- Лебедев, 2018a – Лебедев С.А. Идеалы и нормы научного познания и их методологическая функция // *Гуманитарный вестник*. 2018. № 3(65). С. 3.
- Лебедев, 2018b – Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект. 2018.

Лебедев, 2018c – Лебедев С.А. От индуктивной логики открытия к индуктивной логике подтверждения // *Журнал философских исследований*. 2018. Т. 4. № 1. С. 54-72.

Лебедев, 2018d – Лебедев С.А. Проблема истинности научной теории // *Гуманитарный вестник*. 2018. № 4(66). С. 514.

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // *European Journal of Philosophical Research*. 2014. № 1(1). pp. 65-72.

Lebedev, 2018 – Lebedev C.A. The problem of scientific method in the first positivism // *Voprosy filosofii i psikhologii*, № 5(1). pp. 24-36.

References

Lebedev, 2015a – Lebedev S.A. (2015). Metodologiya nauchnogo poznaniya [Methodology of scientific knowledge]. M.: Prospekt. [in Russian]

Lebedev, 2015b – Lebedev S.A. (2015). Peresborka epistemologicheskogo [Reassembly epistemological]. *Voprosy filosofii*. № 6. pp. 53-64. [in Russian]

Lebedev, 2017a – Lebedev S.A. (2017). Metod formalizatsii nauchnykh teorii i ego vozmozhnosti [Method of formalization of scientific theories and its possibilities]. *Zhurnal estestvennonauchnykh issledovaniy*. Т. 2. № 4. pp. 13-29. [in Russian]

Lebedev, 2017b – Lebedev S.A. (2017). Metodologicheskie aspekty dinamiki nauchnogo znaniya [Methodological aspects of the dynamics of scientific knowledge]. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. Т.3. № 4. pp. 1-22. [in Russian]

Lebedev, 2017c – Lebedev S.A. (2017). Priroda istiny v nauke [The nature of truth in science]. *Gumanitarnyi vestnik*. № 12(62). P. 2. [in Russian]

Lebedev, 2017d – Lebedev S.A. (2017). Struktura nauchnoi ratsional'nosti [The structure of scientific rationality]. *Voprosy filosofii*. 2017. № 5. pp. 66-79. [in Russian]

Lebedev, 2017e – Lebedev S.A. (2017). Veroyatnost' i ee interpretatsii v sovremennoi nauke [Probability and its interpretation in modern science]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. 3 4(44). 5-28. [in Russian]

Lebedev, 2018a – Lebedev S.A. (2018). Idealy i normy nauchnogo poznaniya i ikh metodologicheskaya funktsiya [Ideals and norms of scientific knowledge and their methodological function]. *Gumanitarnyi vestnik*. № 3(65). P. 3. [in Russian]

Lebedev, 2018b – Lebedev S.A. (2018). Nauchnyi metod: istoriya i teoriya [Scientific method: history and theory]. M.: Prospekt. [in Russian]

Lebedev, 2018c – Lebedev S.A. (2018). Ot induktivnoi logiki otkrytiya k induktivnoi logike podtverzhdeniya [From the inductive logic of discovery to the inductive logic of confirmation]. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. Т. 4. № 1. pp. 54-72. [in Russian]

Lebedev, 2018d – Lebedev S.A. (2018). Problema istinnosti nauchnoi teorii [The problem of the truth of the scientific theory]. *Gumanitarnyi vestnik*. № 4(66). P. 514. [in Russian]

Lebedev, 2014 – Lebedev S.A. (2014). Methodology of science and scientific knowledge levels. *European Journal of Philosophical Research*. № 1(1). pp. 65-72.

Lebedev, 2018 – Lebedev S.A. (2018). The problem of scientific method in the first positivism. *Voprosy filosofii i psikhologii*. № 5(1). pp. 24-36.

Системно-плюралистическая концепция научного метода

Юрий Дмитриевич Гранин ^{a, *}, Николай Николаевич Губанов ^b,
Николай Иванович Губанов ^c

^a Институт философии РАН, Российская Федерация

^b Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Российская Федерация

^c Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин),
gubanovnn@mail.ru (N.N. Gubanov), gubanov48@mail.ru (N.I. Gubanov)

Аннотация. В статье анализируются работы известного отечественного специалиста по методологии научного познания С.А. Лебедева, опубликовавшего в последние годы ряд фундаментальных работ по данной проблематике (Лебедев, 2015, 2017, 2018). Предметом исследования последней монографии, явившейся обобщением предшествующих работ автора, стала история и теория научного метода (Лебедев, 2018). На ней мы остановимся особенно подробно. В ее первой части анализируются основные концепции научного метода в истории философии науки от античности до нашего времени. Во второй – рассматриваются теоретические проблемы современной методологии науки. В ней автор развивает новую концепцию научного метода как взаимосвязанного множества различных познавательных средств, используемых в реальном научном познании. Он называет свою концепцию научного метода системно-плюралистической и противопоставляет ее двум альтернативным и широко распространенным парадигмам в понимании природы научного метода – универсалистской (монистической) и плюралистической (аддитивной), показывая их несоответствие реальной науке и ее истории.

Ключевые слова: научный метод, методология научного познания, методологическая культура учёного, история научного метода, теория научного метода, структура научного знания.